
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (2451)

22 ИЮНЯ 1974

Москва, 14 июня. Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Бауманского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Речь товарища Л. И. Брежнева на этой встрече была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами. Заключительные слова речи участники собрания встретили бурной, продолжительной овацией. В зале раздались здравицы в честь Коммунистической партии Советского Союза, ее ленинского ЦК, в честь советского народа — строителя коммунизма.

Фото А. ГОСТЕВА.

«...СЛОВО ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ НЕ РАСХОДИТСЯ С ДЕЛОМ. СОВЕТСКИЙ НАРОД ЭТО ХОРОШО ЗНАЕТ. ОН ВЕРИТ СВОЕЙ ПАРТИИ И КАЖДОДНЕВНЫМИ ДЕЛАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТ ЕЕ ПОЛИТИКУ. В ЭТОМ ОСНОВА ВСЕХ НАШИХ УСПЕХОВ, ОСНОВА НАШЕГО ОПТИМИЗМА, НАШЕЙ НЕПОКОЛЕБИМОЙ УБЕЖДЕННОСТИ В ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из речи перед избирателями.

16 июня в нашей стране в обстановке высокой политической активности состоялись выборы депутатов в Верховный Совет СССР. Они вылились в подлинный праздник социалистической демократии. Единодушно отдавая голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, избиратели выразили горячее одобрение, полную поддержку внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства, свою решимость и впредь самоотверженно бороться за осуществление величественных планов коммунистического строительства.

Москва, 16 июня. Товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный и А. Н. Косыгин на избирательных участках.

Фото А. ГОСТЕВА и А. СТУЖИНА (ТАСС).

ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИС

Молодые рабочие молдавского совхоза «Пересечино» голосуют впервые.

Краснодарский край. У механизаторов горячая пора, избирательную урну им доставили прямо в поле.

ТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Выборы — всегда праздник. В колхозе «Кзыл Узбекистон», Ташкентской области, перед избирательным участком.

Фото
Е. ШУЛЕПОВА,
Б. КАПНИНА,
Ш. ИБРАГИМОВА.
ТАСС.

НА ЛЬДИНЕ И В ТРОПИКАХ

Смольнинский избирательный округ Ленинграда, пожалуй, самый значительный по территории: он раскинулся от Северного до Южного полюса. Избирательные участки были образованы к северу от острова Врангеля на дрейфующей станции СП-22, вблизи Южного полюса и в тропической зоне — на научно-исследовательских судах «Профессор Визе» и «Профессор Зубов». 16 июня в полдень от полярников стали приходить из Арктики первые радиограммы.

Вот что сообщил председатель участковой избирательной комиссии Н. В. Баринов:

«В Москве еще была глубокая ночь, а на дрейфующей станции СП-22 уже приступили к голосованию. Первыми опустили бюллетени девятнадцатилетний техник П. Корзинкин и опытный полярник радиоинженер П. Кулагин. Уже через час голосование было окончено. Наши кандидаты в депутаты — известная балерина, народная артистка СССР Ирина Александровна Колпакова и выдающийся токарь-судостроитель Алексей Васильевич Чуев. Голосование проходило в празднично оборудованной кают-компании».

«Выборы в Верховный Совет СССР на научно-исследовательском судне «Профессор Зубов» проходили в тропической зоне Атлантики,— радирует первый помощник капитана В. К. Чооду.— Выборы прошли активно, дружно. Наши подразделения успешно выполнили социалистические обязательства, принятые к выборам, полностью подготовились к участию в международном тропическом эксперименте АТЭП-74».

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИ

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

17 июня в Москву по приглашению ЦК КПСС с дружеским визитом прибыл Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами ГДР и СССР, Э. Хонеккера встречали товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, И. В. Капитонов, заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, члены ЦК КПСС П. А. Абрасимов, Б. П. Бугаев, К. В. Русаков, Н. А. Щелоков, посол СССР в ГДР М. Т. Ефремов, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров и другие ответственные работники ЦК КПСС.

Среди встречавших был посол ГДР в СССР Г. Отт.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. ПАХОМОВА.

Я С Э В

18 июня в столице Народной Республики Болгарии начала работу XXVIII сессия Совета Экономической Взаимопомощи.

На сессии будет рассмотрен доклад Исполнительного комитета о деятельности Совета в период, прошедший после деловой встречи летом прошлого года в Праге. Будут представлены также содоклад Комитета по сотрудничеству в области плановой деятельности и другие документы. Состоятся также торжества, посвященные 25-летию СЭВ. Для участия в работе сессии прибыли главы правительств социалистических государств, многочисленные гости из различных стран мира.

17 июня в Софию прибыла советская делегация во главе с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. В составе делегации — секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, В. А. Кириллин, М. А. Лесечко, министры СССР В. Ф. Гарбузов, Л. А. Костандов, П. С. Непорожний, К. Н. Руднев, А. И. Шокин, первый заместитель министра внешней торговли М. Р. Кузьмин, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, первый заместитель постоянного представителя СССР в СЭВ В. Н. Титов.

На аэродроме советскую делегацию встречали Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, первый заместитель Председателя Совета Министров НРБ Т. Цолов и другие.

Для участия в работе сессии СЭВ в Софию прибыли делегации: Венгрии — во главе с Председателем Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Е. Фоком, ГДР — во главе с Председателем Совета Министров ГДР Х. Зиндерманом, Кубы — во главе с заместителем Премьер-Министра Революционного правительства Республики Куба К. Р. Родригесом, Монголии — во главе с Председателем Совета Министров МНР Ж. Батмунхом, Польши — во главе с Председателем Совета Министров ПНР П. Ярошевичем, Румынии — во главе с Председателем Совета Министров СРР М. Мэнеску, Чехословакии — во главе с Председателем правительства ЧССР Л. Штроугалом.

В Софию прибыла также делегация Югославии во главе с Председателем Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедичем.

На снимке: открытие сессии.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

ФЛАГИ НАД СОФИЕЙ

Николай **НОВИКОВ**

В красавицу Софию пришел праздник. Праздник социалистического интернационализма. В болгарской столице открылась юбилейная сессия Совета Экономической Взаимопомощи, посвященная 25-летию его образования. Четверть века назад родилась первая в истории международная экономическая организация социалистических государств. Ныне полноправными членами СЭВ являются девять социалистических стран, расположенных на трех континентах земного шара — в Европе, Азии и Латинской Америке.

С каждым годом крепнет могущество семьи народов социалистического содружества, растет материальное благосостояние тружеников города и деревни.

Характерной чертой развития этих стран является все нарастающий динамизм, неуклонный рост экономики каждого члена СЭВ и всей семьи братских стран в целом. На территории в 28 миллионов квадратных километров — почти пятой части всей площади земли — 366 миллионов человек создали такой промышленный потенциал, который им позволил за последние два десятилетия удвоить долю в мировом производстве. Тесное и все углубляющееся экономическое и научно-техническое сотрудничество на основе интеграции хозяйств способствует всестороннему прогрессу социалистических стран. Постоянно растет национальный доход: в минувшем году по сравнению с 1950 годом этот важный показатель в странах СЭВ увеличился в 5,7 раза. Высокими темпами растет промышленное производство. За три последних года его объем в странах СЭВ увеличился примерно на 24 процента, в то время как в государствах «Общего рынка» — приблизительно на 15—16 процентов. За четверть века, то есть за годы существования Совета Экономической Взаимопомощи, промышленное производство выросло более чем в 12 раз (в развитых странах капитализма — почти в 4 раза).

В чем же секрет замечательных успехов нового мира? В чем животворный источник его быстрого экономического роста? Прежде всего во всестороннем сотрудничестве, единстве социалистических государств, над укреплением которого неустанно трудятся коммунистические и рабочие партии. Расширение и углубление экономических и научно-технических связей между странами СЭВ, укрепление мировой социалистической системы хозяйства — результат огромной политической и организаторской работы Коммунистической партии Советского Союза и других братских партий. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал: «Практика привела нас к общему выводу: необходимо углублять специализацию и кооперацию производства, теснее увязывать народнохозяйственные планы, словом, двигаться по пути экономической интеграции социалистических государств».

Главным ориентиром в развитии экономических и научно-технических взаимосвязей стран СЭВ на современном этапе является Комплексная программа социалистической экономической интеграции. В минувшем году в ходе осуществления этой программы были подготовлены и заключены десятки многосторонних соглашений о сотрудничестве в различных областях экономики, науки и техники. Так, руководители центральных плановых органов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии подписали генеральное соглашение о строительстве на территории СССР Киембаевского асбестового горно-обогатительного комбината. Этот документ, как и принятое в 1972 году решение о совместном сооружении Усть-Илимского целлюлозного комбината, является существенным вкладом в решение сырьевой проблемы в странах СЭВ. Нет сомнений, что важное значение будет иметь разрабатываемый проект о совместном строительстве заинтересованными членами СЭВ крупнейшего газопровода от Оренбурга до западных границ СССР и далее в европейские страны социализма.

Весьма символично, что стройки СЭВ имеют такие имена: нефтепровод «Дружба», энергосистема «Мир», строящийся газопровод «Братство».

Члены СЭВ развивают всестороннее сотрудничество с другими странами мира, в том числе с молодыми государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Достаточно напомнить, что при экономическом и техническом содействии социалистических стран в развивающихся государствах построены или строятся свыше 2 900 промышленных и других объектов. В учебных заведениях социалистических стран в 1972/73 учебном году обучалось около 30 тысяч человек более чем из 100 государств Азии, Африки и Латинской Америки. Опыт многих молодых государств, сбросивших колониальный гнет, показывает, что их национальное возрождение, эффективное развитие собственной экономики наиболее успешно могут происходить на путях всестороннего сотрудничества со странами социалистического содружества.

Юбилейная сессия Совета Экономической Взаимопомощи в Софии явится новым шагом в дальнейшем расширении и углублении экономических связей государств социалистического содружества. Это отвечает коренным интересам каждой страны, содействует неуклонному росту могущества социалистической системы, укрепляет ее роль на международной арене в интересах дела социализма и упрочения мира на всей планете.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Атмосфера праздника царит в Москве: идет V Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Флаги 37 стран развеваются у памятника великому композитору, возле Большого зала консерватории. Радостные волнения сопровождают участников и слушателей, всех друзей музыки.

Жюри, возглавляемые Отаром Тактакишвили (фортепьяно), Давидом Ойстрахом (скрипка), Данилом Шафраном (виолончель), Александром Свешниковым (сольное пение), заняли свои места.

12 июня начались конкурсные прослушивания. Первыми в соревнование вступили пианисты и виолончелисты.

Программа выступлений пианистов на I туре сложна и разнообразна, завершает же ее фортепьянная пьеса П. И. Чайковского из цикла «Времена года». Этот цикл требует не только высокой техники исполнения, но и лиризма, проникновенности. И не случайно, что произведения Чайковского оказались трудным экзаменом для многих молодых пианистов.

Советские участники конкурса — выпускник Московской консерватории, солист Москонцерта Дмитрий Алексеев и студент Московской консерватории Андрей Гаврилов с успехом, но по-разному интерпретировали пьесу Чайковского «У камелька». А. Гаврилов покорил слушателей зримостью, напевностью мелодии, исполнение Д. Алексеева привлекло богатством полутонов, гармонической ясностью.

Выступления американских пианистов Мариоары Трифен и Сантьяго Родригеса были тепло встречены слушателями. М. Трифен обладает высокой техникой, ей больше всего удались произведения Листа и Рахманинова. С. Родригес глубоко прочувствовал «Осеннюю песню» Чайковского, его выступление прошло под аплодисменты.

Монгольская пианистка Эрдэнэчимэг Мурдоржийн не первый раз участвует в конкурсе. Выпускница Московской консерватории, она ведет активную концертную деятельность не только у себя на родине, но и за ее пределами, совершенствуя свое мастерство. Сейчас перед нами вполне зрелый музыкант. После выступления к Э. Мурдоржийн подошли журналисты, и пианистка рассказала о возрастающем интересе монгольской молодежи к серьезной музыке, о своей работе в музыкально-хореографическом училище Улан-Батора, о планах на будущее.

Цветы — Чайковскому.

ПОБЕД

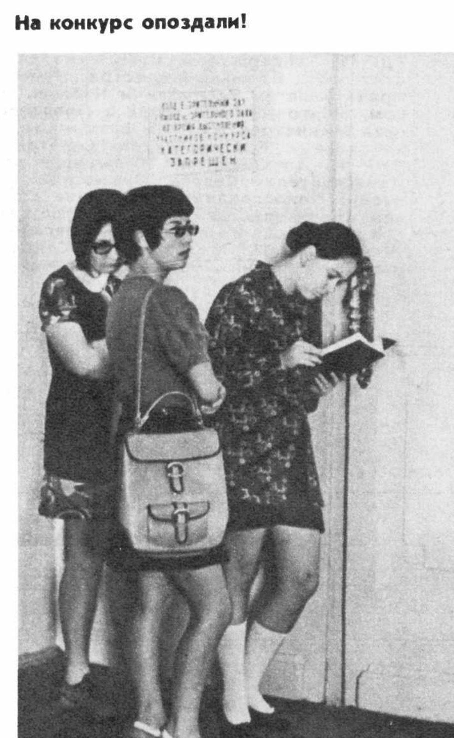
Жюри конкурса пианистов: Андре Марескотти (Швейцария), Отар Тактакишвили (СССР) и Йозеф Паленичек (ЧССР).

Бразильская исполнительница Линда Бустани не новичок в Москве. Уже четыре года пианистка стажируется в Московской консерватории.

Если конкурс пианистов в разгаре, а скрипачи и вокалисты только начали свои выступления, то виолончелисты уже «перешли экватор» конкурса: у них закончился II тур, в нем принимали участие 22 исполнителя, в том числе все шесть наших музыкантов: Александр Готгельф, Андрей Демин, Зенон Залицайло, Иван Монигетти, Борис Пергаменщиков, Иосиф Фейгельсон. Виолончелист Мустафа Наги приехал из Арабской Республики Египет. Эта страна впервые участвует в конкурсе имени П. И. Чайковского. Мустафа — студент Московской консерватории — также прошел II тур.

Главные волнения и главные открытия конкурса впереди. Побежденных не будет. Победит дружба, победит музыка.

Н. ГАРМИЗА

На конкурс опоздали!

В Большом зале Консерватории.

ИТ МУЗЫКА

Джейнис Вебер (США).

Михаил Петухов (СССР).

Мирослав Петраш (ЧССР).

Перед началом тура...

А. СОФРОНОВ

ПОЧТИ ОБЫЧНЫЙ РЕЙС

ВСЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ

Реклама есть реклама. Она всегда кажется более яркой и недостоверной, чем то, что она рекламирует. Сидя в самолете Аэрофлота ИЛ-62, летящем по новой трассе Москва — Вашингтон, я с интересом рассматривал карту, на которой на фоне желто-зеленых материков и жгуче-голубых океанов виднелись красные кружки столиц государств, куда были проложены черные, негнущиеся линейки рейсов самолетов Аэрофлота. На этой карте были обозначены Амстердам, Париж, Лондон, Алжир, Рабат, Монреаль, Нью-Йорк, Гавана. На карте еще виднелся красный кружок Сантьяго, но черная линейка к нему не успела протянуться... Не был еще на этой карте обозначен и Вашингтон. Линия только-только начала свою жизнь. Придется Аэрофлоту выпускать новую карту. Пока же еще до посадки в Париже я читал короткий текст рекламы, напечатанный на обороте рекламной карты.

«Вы спешите в Америку?

Ну что же, наша карта поможет вам оценить преимущества воздушного пути на этот континент.

Стремительные экспрессы Аэрофлота доставят вас из Москвы в Нью-Йорк и Монреаль всего за... 5,5 часа, а в Гавану — 9,5 часа, по крайней мере именно так оценят время вашего путешествия часы в аэропортах, ведь вы полетите вслед за солнцем! Конечно, мы имеем в виду разницу в поясном времени между Старым и Новым Светом, но надеемся, что комфорт и традиционное гостеприимство на борту советских лайнеров значительно сократят для вас реальное время полета.

Интересные информации бортпроводников о странах, над которыми пролегает маршрут полета, сделают ваше путешествие за океан увлекательной экскурсией.

Итак, трансатлантический лайнер Аэрофлота на старте!

Теперь самое время представить вам нашу авиакомпанию.

Аэрофлот — это около 800 тысяч километров воздушных магистралей. Аэрофлот — это воздушный мост из Москвы в столицы и крупные центры более шестидесяти стран Америки, Азии, Африки и Европы. Аэрофлот — это крупнейшее авиатранспортное предприятие мира.

Если вы путешествуете летом, вам, возможно, интересно будет узнать, что вы — один из тех 400 тысяч человек, которые сегодня являются нашими пассажирами».

Читая эти слова, невольно подумаешь о том, как бы не потеряться среди такого огромного количества пассажиров. Шутка сказать: 400 тысяч человек, летающих ежедневно на самолетах Аэрофлота!

Но последняя фраза, желающая вам приятного воздушного путешествия, успокаивает, и вы с интересом смотрите на зеленые пригороды Парижа, все ниже опускаясь к аэропорту Орли. Солнечный, нежаркий, в крапинку день. Нашу группу встречают представители Аэрофлота и устраивают небольшую экскурсию на автобусе из одной стороны аэропорта в другую. После недавнего большого пожара пройти из края в край здания пассажиру невозможно: идет ремонт.

Из кого же состоит наша группа, возглавляемая первым заместителем министра гражданской авиации СССР, Героем Советского Союза, генерал-полковником Алексеем Николаевичем Катричем? Работники государственных учреждений и министерств, ответственные сотрудники Аэрофлота и мы, группа советских журналистов,— вечные спутники нашей авиации.

...Мы действительно летим за солнцем. За окнами самолета все время светло. И невольно вспоминаешь все предыдущие посещения Соединенных Штатов: и тогда, когда летел из Москвы, или отчаливал на теплоходе «Иль де Франс» из Гавра, или подлетал к американской земле из Австралии, Мексики и Чили. Казалось бы, уже пора привыкнуть. Все ты знаешь наизусть: и длинные тоннели аэропорта Кеннеди, и натренированные руки таможенников, и цепкие глаза паспортистов,— все тебе известно. Но этот полет особый. Он уже происходит после посещения Леонидом Ильичом Брежневым Соединенных Штатов Америки. Когда-то, два года назад, таможенник, ставя мелом птичку на моем чемодане, узнав, что я из Москвы, поднял вверх палец и сказал одно слово: «Брежнев!» Год назад миллионы американцев имели возможность и лично (в пределах возможного) и на экранах телевизоров увидеть и услышать человека, прилетевшего из Москвы в Вашингтон на встречу с президентом Соединенных Штатов Америки Ричардом Никсоном, для того, чтобы с полной ответственностью перед всем человечеством, вместе с главой государства США проделать первые, чрезвычайно важные для всего человечества шаги по пути устранения угрозы атомной войны, по пути разрядки напряженности, по пути преодоления инерции «холодной войны», для того в конце концов, чтобы сказать на американской земле слова о том, что для преодоления этой инерции действительно требуются большие усилия.

Перед самым отлетом из Москвы в Вашингтон накануне Дня Победы я прочел в «Правде» превосходный очерк Бориса Стрельникова. В нем рассказано было о том, как Стрельников прилетел на побережье Тихого океана, чтобы повидать американского врача Уильяма Робертсона, который весной 1945 года, переправляясь через Эльбу, тепло встретился с советскими офицерами. Прощаясь, Робертсон говорил Стрельникову:

— Такое не забывается...— И, чокаясь бокалом вина, продолжал: — А теперь за сотрудничество во имя мира, которое налаживается в последние годы, за дружбу между нашими народами.

Да, конечно, ничего не забывается в жизни. Летя через океан, я снова и снова перебирал памятные знакомства с очень разными людьми Америки. И, конечно же, знакомство нас, группы советских журналистов, посетивших Соединенные Штаты в 1955 году, с Джоном и Жаклин Кеннеди в одном из ночных ресторанов, когда сопровождавший нас работник отдела печати госдепартамента США Френк Клукхон сказал нам, указывая на танцующего с женой Кеннеди: «Этот человек в ближайшее время будет президентом Соединенных Штатов». Там же, в ресторане, Кеннеди, узнав, что мы отправляемся в путешествие по стране, пожелал с нами познакомиться и сказал, что рад связям, которые устанавливаются между нашими странами, одновременно выразив уверенность, что во время путешествия мы встретим немало добрых людей. «Американцы — хорошие люди»,— проговорил он, прощаясь с нами. Путешествие наше тогда было далеко не безоблачным. Немало на пути было подставлено провокаторов и откровенных негодяев. Но когда мы оказывались в гостях у обыкновенных американцев разных социальных категорий, мы отдыхали и физически и нравственно. Так, осталась в памяти встреча в Кливленде (штат Огайо), у Сайруса Итона, человека, который много сделал за послевоенное время для проложения мостков взаимопонимания и мира между нашими странами. Незабываемыми остались встречи с Полем Робсоном в Нью-Йорке, когда он, приложив к уху широкую ладонь, пел для нас, тщательно выговаривая русские слова, «Ах, ты, ноченька» и следом шедевр негритянской песни, мощную, звучащую всеми органными регистрами «Миссисипи».

А несколько часов, проведенных в гостях у Марты и Лиона Фейхтвангеров? Нас не хотели допустить к нему, но мы проявили характер и оказались гостями прекрасного писателя и его гостеприимной жены в их вилле в предместье Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана. Ничто не забывается в жизни. И не могут забыться его чуть грустные слова, которые он однажды написал мне в ответ на просьбу прислать что-либо для нашего журнала.

«Все это время я был совсем поглощен работой над романом «Джефта и его дочь». Я поэтому совсем не имел времени написать рассказ или очерк, который собирался. Но теперь, когда роман почти закончен, я надеюсь, что скоро я смогу сдержать свое слово и написать что-нибудь для Вас.

Как только я вздохну свободно, я предполагаю написать довольно большой очерк об историческом романе — «Величие и нищета исторического романа», а затем небольшую книгу «Десять самых важных документов в истории Европы», в которой я хочу рассказать о прогрессивном историческом развитии от законов Хаммурапи до Коммунистического манифеста.

Может быть, дорогой мистер Софронов, Вы помните, что я сказал Вам: когда я кончаю книгу, я обычно перебираю в уме свои планы, и — увы! — оказывается, что у меня одновременно бывает 14 различных планов, которые я просто обязан осуществить. Теперь, после окончания «Джефты и его дочери», у меня снова 14 различных планов, и сделать выбор, за что браться в первую очередь, становится все труднее и труднее, так как время, отпущенное мне, становится все короче. Но я надеюсь, что, работая над этими двумя небольшими книгами, о которых я упомянул выше, я приму правильное решение.

С самыми теплыми пожеланиями Вам и другим друзьям,

Ваш

Лион Фейхтвангер».

И в ту поездку и в другие мы познакомились с десятками, если не сотнями людей. Это осталось в памяти. И тем не менее мы хорошо понимаем, что и там, за океаном, живут люди, которым предстоит пройти нелегкий путь по преодолению инерции «холодной войны», ибо многое из того, что окружает их, и в особенности та часть прессы, которая находится в откровенно антисоветских, сионистских руках, делает все, чтобы рядовой американец не знал правды и был нафарширован антисоветской клеветой. В крайнем же случае эта пресса пользуется одним из излюбленных средств деятелей этой категории — замалчиванием. Если не можешь активно противостоять какому-либо сильному положительному явлению — замалчивай его. Улыбайся при встрече, но замалчивай. Жди своего часа, чтоб наброситься на это явление. Как можно объяснить позицию газеты «Нью-Йорк таймс», рядом с названием которой начертаны слова: «Все новости достойны быть в печати» («All the News That's Fit to Print»), замолчавшей недавно выступление вице-президента США Дж. Форда в Нью-Йорке на одном из представительных собраний крупных деятелей делового мира, на котором

Эдуард Мане. 1832—1883. ВОКЗАЛ СЕН-ЛАЗАР. 1873.

Вашингтон. Национальная галерея.

Огюст Ренуар. 1841—1919. МАДАМ ЭНРИО. 1876.

Вашингтон. Национальная, галерея.

Форд, реалистически подходя к расстановке сил мира и войны, заявил о грозной атомной опасности. Если пресловутая фраза «правду, только правду» невыгодна американскому военно-промышленному комплексу, тогда дави эту правду! Я вспоминаю 1962 год, когда мы с Николаем Погодиным по приглашению наших нью-йоркских друзей оказались в огромном зале Медисон-Гарден сквера, где праздновалось сорокапятилетие Джона Кеннеди. Выступая в тот вечер, президент Соединенных Штатов в весьма умеренных выражениях говорил о необходимости внесения прогрессивных реформ в вопросы социального обеспечения и здравоохранения. На другое же утро он подвергся в американской прессе ожесточенной критике. Но то, что казалось кощунственным по отношению выступления президента Кеннеди 12 лет назад, только цветики по сравнению с кампанией некоторых американских газет в настоящее время. И все же даже замалчивание — это уже не признак силы, а скорей признак известной слабости. Человеческая правда, как мощный весенний поток, смывая грязь и накипь, добирается до островков сознания, все больше питая живительными соками корни взаимоотношений между нашими народами.

...Под нами простиралась часть Канады, еще покрытая островками снега... И все еще светило яркое солнце. Мы пролетели Нью-Йорк. И вскоре под нами разостлались ухоженные поля и сады предместий Вашингтона. Широкий простор аэродрома. И вот уже нас прямо из самолета пересаживают в большой черный, охлажденный автофургон. Вскоре, также еще не прикоснувшись подошвами к американской земле, мы оказываемся в помещении, где нашу группу приветствует министр транспорта США Клод Бринегар. Он говорит о том, что новая авиалиния Москва — Вашингтон, Вашингтон — Москва, кроме уже давно действующей, которая связывает Москву с Нью-Йорком, укрепляет деловые и дружеские отношения между американским и советским народами. Мы надеемся, что количество таких линий может быть и увеличено, говорит министр, поздравляя нас с благополучным прибытием.

А. Н. Катрич, отвечая на приветствие, поддерживает мысль министра транспорта США и говорит, что в этом случае Аэрофлот был бы рад, если американские пассажирские самолеты стали бы рейсовыми и для аэропортов Киева и Тбилиси. Первый шумный коктейль после нашего путешествия вскоре заканчивается, и мы ступаем на землю.

Машины вместе со встречавшим нашу группу послом Советского Союза в США А. Ф. Добрыниным отправляются в Вашингтон. Как-то мгновенно успокаиваются глаза при виде густых зеленых зарослей, стоящих с двух сторон широкого шоссе.

Дважды я был в Вашингтоне, и запомнился он мне — однажды зеленым майским цветом, а еще раньше — багряно-золотым цветом поздней осени...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВАШИНГТОНУ

Мы не всегда правильно относимся к информации. Почему-то нам кажется, что мы настолько образованны и осведомлены по различным вопросам, что уже просто во вред пойдут любые новые сведения. Я тоже думал так, а Аэрофлот думал иначе. Поэтому представители Аэрофлота в США совместно с авиакомпанией «Пан Америкэн» разработали для нас весьма емкую и полезную программу, в которую уместились и экскурсии и деловые встречи. Деловые встречи, естественно, падали в основном на работников Аэрофлота.

Мне запомнился когда-то Вашингтон зеленым и огненно-золотым. Сейчас он оказался другим: в центре гремящими дробными ударами пневматических молотков, повитым черно-синим дымом асфальтовых котлов, расцвеченных оранжевыми куртками рабочих, прокладывающих вашингтонское метро. В прошлые посещения нам говорили: «Мы проживем и без метро. Вашингтон — город-сад. Пусть это будет уделом Нью-Йорка, Чикаго и других крупных наших городов». Жизнь, время, ритмы современной жизни распорядились иначе. Наш автобус пробирался по деревянным мосткам, проложенным над вспоротым брюхом вашингтонских мостовых.

...Первое посещение — Белый дом. Резиденция американских президентов. Нас пропускают без очереди. Очередь большая. Американцы в воспитательных целях неустанно знакомят школьников со всеми местами, которые могут привить детям знание, любовь и уважение к памятным, историческим местам. Первым таким местом и является Белый дом. Гид ведет нашу группу из зала в зал. У стен — бюсты Америго Веспуччи, Вашингтона, Линкольна. Портреты. Я вижу знакомое лицо. Элеонора Рузвельт. В памяти возникает такой же майский, только невыносимо жаркий и душный день, когда в 1962 году вместе с Николаем Погодиным мы посетили вдову Рузвельта на ее квартире в Нью-Йорке. В конце встречи она сказала нам:

— Рузвельт всегда с большим уважением относился к России и русскому народу... Впрочем, вы и сами знаете по опыту последней войны. Я также очень люблю встречаться с русскими.

Комната за комнатой... Еще один портрет Вашингтона над камином.

— Такой же портрет на долларовых купюрах,— говорит экскурсовод.

— Восточный зал,— сообщает экскурсовод.— Здесь был устроен прием в честь Леонида Брежнева.

— Зеленая комната... Одна из двух неофициальных комнат, в которой жены президентов устраивают приемы для своих знакомых.

— А это государственная столовая... В 1942 году президент Рузвельт сделал ее больше. Сейчас она вмещает 240 человек. Раньше она нам нравилась больше, но Жаклин почему-то выбрала золотые и красные тона...

Мы вышли на широкий балкон, перед которым били высокие фонтаны...

Конечно, гиды — это одна из самых смелых и отчаянных профессий. Они без малейших колебаний бросаются в плавание, часто без хорошего знания языка, но тем не менее хотя и не всегда тонко, но, во всяком случае, приблизительно сообщая данные, которые что-то прибавляют в сознании доверяющих им людей. Таким гидом у нас оказался высокий, голубоглазый, с небольшими белесыми усиками юноша по имени Альберт.

— Зовите меня Ал, так проще,— сказал он.— Я студент. Изучаю русский язык и литературу...

Вашингтон бурно строится. Поднимаются новые здания. Все они не выше Капитолия. Эта черта в архитектуре здесь еще не переступлена.

— Это новые здания министерства просвещения... Здравоохранения... А это торговли,— пояснял Альберт, когда мы медленно проезжали мимо новых серого цвета зданий.— Это здание имени Форрестола... Военное министерство... А это большое новое — ФБР...

День был яркий, солнечный. Возле озера, где возвышался монумент Джефферсона, бродили стайками школьники. Папы и мамы несли на плечах ребятишек... Малыши, расположившись на парапете, пускали в озеро бумажные кораблики. Все, как в десятках других стран, в сотнях других городов. Дети есть дети. Глядя на них в тот день, можно было и забыть о том, что есть страшные силы войны и разрушения. Но забывать этого не приходилось. Мимо высокой колонны памятника Вашингтону мы отправились на Арлингтонское кладбище.

— Здесь сегодня будут эксцессы,— сказал Альберт, указывая на холм, где у монумента Вашингтона бурлила пестрая толпа. В открытые окна автобуса долетали звуки песен и гортанные выкрики.— Вы обращаете внимание,— продолжал Альберт,— что здесь много жителей-негров? Сейчас их количество в Вашингтоне доходит до восьмидесяти процентов... Белые стараются переезжать в пригороды... Конечно, не только по этой причине. В городе плохой воздух, газы, бензин... Те, кто может, кому по карману, переезжают... Негритянское население прочно обосновывается в центре Вашингтона.— Альберт говорил в микрофон, с некоторым усилием произнося, видимо, не так просто дающиеся ему русские слова.

У самого входа Арлингтонского кладбища начинались ряды белых небольших мраморных надстроек. Даты рождения на них были обозначены разные, но не уходящие за сороковые годы. Даты же смерти обозначены 66 — 69-м годами. Маленькая брошюра бесстрастно сообщала, что «на территории кладбища покоятся останки американцев, принимавших участие в войне за независимость, войне 1812—1814 годов, мексиканской войне, кампаниях против индейцев, испано-американской войне, в первой и второй мировых войнах, в войнах в Корее и Вьетнаме».

Могила Джона Кеннеди расположена на взгорье. К этому месту мимо мраморных надгробий, возле многих из которых лежали только что принесенные цветы, поднимались люди. Еще у автобусной остановки я обратил внимание на высокого мужчину, на плечах которого сидел малыш лет двух, а жена катила детскую коляску. Молодая пара явно прислушивалась к нашим разговорам. Во время одной из коротких остановок женщина обратилась к нам:

— Вы русские?

— Да.

— И пришли на это кладбище?

— Как видите.

— Это хорошо... Очень хорошо...— сказала она и легко покатила коляску.

На небольшом взгорье горел вечный огонь. У широкой металлической плиты могилы Кеннеди стояли дети и взрослые. С нами рядом оказались молодые мать и отец. Женщина сказала:

— Здесь же рядом похоронен Роберт Кеннеди, вот под тем крестом...

Вечером, после приема, который устроил у себя дома в честь пребывания нашей группы Маршал Коэн, хозяин отеля «Медисон», в котором мы остановились, мы отправились в Кеннеди-центр, где должны были посмотреть мюзикл «Плавучий театр». Минуя отель «Уотергейт», расположенный рядом с Кеннеди-центром, мы оказались в новом, очень современном по архитектуре зрелищном здании с несколькими театральными залами. В одном из них и шел мюзикл — легкая мелодрама, слегка разбавленная расовыми проблемами. Зал был полон. Как нам сказали, билеты достать было очень трудно, поэтому мы имели возможность рассматривать грандиозную люстру, висящую от нас почти рядом. Некоторые из актеров были весьма способные. Они пели, танцевали, изредка (говорят, что в мюзикле это не обязательно) шутили, вызывая щедрые аплодисменты добросердечных зрителей. На меня снова дохнул теплый ветер воспоминаний, когда со сцены вдруг зазвучала песня «Миссисипи».

В антракте мы вышли на прилегающий к Кеннеди-центру словно бы огромный балкон, поднятый над темной рекой Потомак. Непрерывно, ревя турбинами, зловеще сверкая красным светом, над Кеннеди-центром проносились идущие на посадку самолеты. Было сыро и ветрено. Погода портилась.

АВТОПОРТРЕТ РЕМБРАНДТА

Погода испортилась всерьез. Все время перепадал дождь. Ветер гнал низкие темные тучи. Дождь захватил нас еще в мемориальном музее Джорджа Вашингтона, расположенном от столицы США километрах в сорока. Само посещение было интересным и полезным. Гид сообщил нам, что музей, расположенный в поместье первого президента Америки, принадлежит его потомкам и существует частично на самоокупаемости, частично на добровольных взносах. Нам было интересно посмотреть и сам деревянный двухэтажный дом, в одной из комнат которого на столе еще были разбросаны игральные карты, и все пристройки, кухню, шорную мастерскую, загоны для овец — одним словом, все, что окружало обычного американского помещика XVIII века.

Возвращаясь в город, в газете «Вашингтон пост» мы натолкнулись на снимок, на котором изображались перевернутые автобусы и машины и сообщалось, что стоимость уборки холма возле колонны Вашингтона после вчерашних (я вспомнил слова переводчика) «эксцессов» составит 10 — 15 тысяч долларов.

Впереди еще было посещение Национальной галереи искусств. Дважды до этого бывая в Вашингтоне, я не сумел побывать в ней. Вся наша группа изъявила желание посетить галерею, известную в мире большим количеством собранных в ней шедевров живописи. Одна из лучших мировых коллекций итальянской живописи — Рафаэль и Леонардо да Винчи, Рембрандт и другие голландцы. Веласкес и Гойя, Эль Греко, Тинторетто и Тернер... Ренуар, Мане, Дега, Ван Гог и другие импрессионисты.

Перебежав под дождем по мосткам, перекинутым через развороченную мостовую, мы очутились в гулком, построенном по всем классическим канонам архитектуры здании...

В этом месте я снова хочу обратиться к памяти, прошлому, к тем годам, когда мы только начали индустриализацию нашей страны. Именно здесь, в здании Национальной галереи, как-то особенно остро я вспомнил 32-й год, когда в только что построенном цехе комбайнов «Ростсельмаша» мастер подвел меня к фрезерному станку «Цинциннати» и сказал:

— Вот, Анатолий, станок. Между прочим, американский... Большие деньги за него плачены. Так что береги его...

В ту пору вряд ли я обратил особое внимание на слова мастера, тем более что учился я фрезерному делу на нашем советском станке горьковского завода «Двигатель революции». Обучавший меня этой профессии старый мастер Александр Герасимович Медведев был прекрасным знатоком своего дела, по-отечески натаскивал меня в общем-то нелегкой работе не только обычной фрезеровки, но и учил пользоваться делительной головкой. Все это было более четырех десятилетий назад, но как-то особенно остро всплыло в памяти в майский день, когда мы оказались в одном из залов галереи, где были собраны картины Рембрандта. Я не хочу пересказывать жизнь Рембрандта и както характеризовать его бесценное, вызывающее уже столетиями восторг творчество. Просто процитирую короткую справку, предупредительно положенную администрацией галереи в этом зале:

«Сын состоятельного мельника, Рембрандт ван Рейн (1606—1669) родился в голландском городе Лейдене. В 15 лет он был отдан в обучение второстепенному художнику Якобу ван Сваненбургу, и в восемнадцать он работал некоторое время с Питером Ластманом в Амстердаме. В 1631 году Рембрандт обосновался в Амстердаме и вскоре завоевал репутацию одного из ведущих портретистов и жанровых художников Голландии. В течение десяти лет Рембрандт пожинает плоды своего успеха, затем наступает полоса неудач, когда в начале 40-х годов умирают его мать и жена, Саския. В результате отказа принять льстивую манеру письма, разработанную Ван Дейком, он утрачивает свою позицию самого модного портретиста в Амстердаме. Его привычка к расточительству усугубляет его и без того затруднительное финансовое положение, в результате чего в 1656 году следует банкротство и продажа его коллекции картин и дома с аукциона. Он оставался уважаемым, если не популярным художником, и к концу жизни он в какой-то степени восстанавливает утраченное положение. Последние годы жизни Рембрандта, однако, омрачены утратой его друга Хендрикье Стоффельс и сына Титуса. Он умирает в возрасте 63 лет. Картины в этом зале воспроизводят все стадии амстердамской карьеры Рембрандта. В залах 44 и 48 находятся другие работы этого великого голландского художника».

Именно в одном из этих залов мы и оказались вместе с экскурсоводом Ире Бартфельдом, чуть насмешливым и самонадеянным, вероятно, и от молодости и от преимущества не так уж давно полученных знаний, которыми, как известно, можно пользоваться по-разному. Он не пересказывал длинно и нудно всякие подробности жизни художника. Выборочно, по-кавалерийски он выбирал картину в каком-то из залов и начинал короткий рассказ.

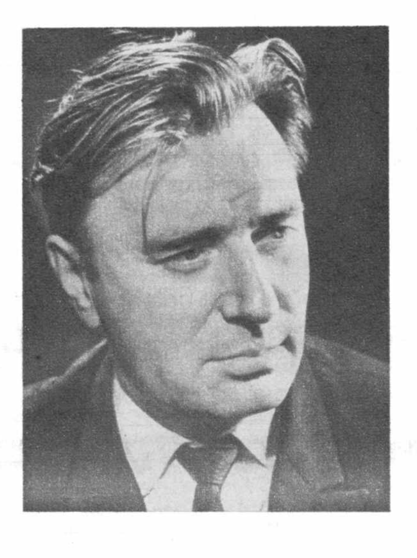
Мы стояли перед автопортретом Рембрандта. Чуть хитро поглядывая на нас, экскурсовод говорил:

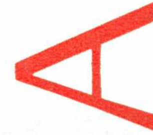
— Это одна из картин, из тех двадцати одной, которые были куплены в 30 — 32-м годах в России... Эта и некоторые другие из коллекций Эрмитажа. Свой автопортрет Рембрандт писал, когда ему было 53 года. Ему очень не повезло в жизни... Болел сын. В течение трех лет он потерял и жену и все свои деньги... А до этого он много зарабатывал... Очень много. Вот в этом состоянии он и писал свой портрет. Все для него ушло. Свое внимание он сосредоточил на внутренних переживаниях. Он ничего не скрывал. Сзади темный тон, поэтому видно, что человек очень устал. Но голову он держит высоко и гордо, несмотря на несчастья. Он был художником, который мог показать человеческую душу...

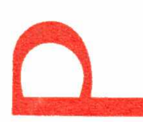
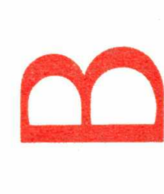
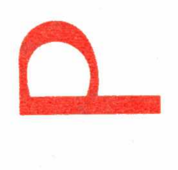
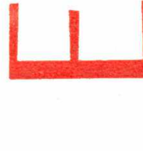
Так же быстро, как появился наш экскурсовод, так он и исчез. Пользуясь запасом времени, мы отправились бродить из зала в зал, молча восхищаясь собранными в галерее сокровищами. Каждый из нас выбирал себе по душе. А я никак не мог отойти и от этой встречи с Рембрандтом и от слов экскурсовода, когда он, словно желая подчеркнуть тяжкие потери в наших галереях начала тридцатых годов, излишне резво сообщал нам о них. Так через четыре десятилетия донеслись до нас события тех давних лет и обозначилась и подлинная стоимость американского станка «Цинциннати» и бесценная стоимость всего трудового и патриотического подвига нашего народа, не жалевшего ради победы социализма не только своих жизней, труда и крови, но и того, что составляет украшение художественных галерей. И думал я еще и о том, что, купленный американцами за очень дорогую цену, «Автопортрет» Рембрандта все же не был написан художником на нашей земле, и что, где бы он ни находился и какие бы обстоятельства ни заставляли его менять крыши художественных галерей, он все так же прекрасен и бесценен, как и был раньше. А мы стоим перед ним в красноватом зале Вашингтонской галереи и словно бы смотрим друг на друга. Встреча состоялась. А иначе и быть не могло.

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ

«ДАЛЬ ПАМЯТИ»

Егор ИСАЕВ

1

Весь напоказ.
Как только что с порога
И — под уклон,
Не ведая о том,
Что степь, она прикинулась пологой
Лишь до поры.
А вот потом, потом...
Потом держись!
На тайном перевале
Она схлестнется, знойная, с тобой.
И кто кого:
Трава тебя повалит
Иль ты траву.
И будет день, как бой.
И будет боль
В руках и пояснице,
И будут ноги тяжелей свинца,
И солнце будет
Огненной лисицей,
Дыша пожаром,
Прыгать у лица
Туда-сюда
По голубым стропилам,
Дыханью в такт
И развороту в такт,
И
Кровь в виски!
А так оно и было.
И
Пот, как в бане!
Было,
Было так!

Казалось, все,
Ни шага, ни полшага,—
Ложись, милок,
И закрывай глаза.
И было б так,
И было б так, да благо
Была коса...
Огонь была коса.
Сама и жгла,
Сама и подбивала,
Сама вела тяжелое плечо.
Видать, не зря — стальная —
Побывала
В руках отца до петухов еще.
Видать, не зря он вынес из сарая
Твою сначала,
А потом свою,
И — ох! — как бил, голубушку,
По краю,
Покосный вкус
внушая
острию.
И под брусок.

Он знал, отец, коль скоро
Ты чуб наводишь,
Кудри теребя,
Пришла пора:
Кормилица,
Опора,
Земля твоя,
Наляжет на тебя.
А ну-ка, мол, охочий,
Поворочай
И подержи,
Как я тебя держу.

Отец, он был философ, между прочим.
А что косарь?..
Так я тебе скажу,
Какой косарь.
Умел и пулеметом
И сабелькой на полном на скаку.
Умел мужик!
И все с таким расчетом,
Чтоб ни ку-ку,
Ни вздоха Колчаку!
Чтоб снег потом навалом до повети,
Чтоб дождик в срок,
Чтоб вовремя роса,
Чтоб ты однажды вышел на рассвете,
Она —
Как вся на выданье! —
Коса,
Ждала тебя, посверкивая жалом,
Пресветлая
И легкая с руки...

Не будь ее, косы такой,
Пожалуй,
Ты б не прошел в то лето
В мужики.

2

А ты прошел.
Да как еще осилил!
И сразу — помнишь? —
Тридцать девять, все:
— Муж-ж-жик!
— Муж-ж-жик!..—
Раздольно возгласили
Хвалу тебе и звончатой косе.
— Муж-ж-жик!
— Муж-ж-жик!
— Ещ-ще один!..— как спелись.—
Ещ-ще!..
Ещ-ще!..
Ещ-ще один муж-ж-жик!..
И ячмени,
В свою
вступая
спелость,
На ус мотали понизовый зык:
— Муж-ж-жик!
— Муж-ж-жик!..—
Все явственней, все шире,
С усов ячменных
До усов ржаных.

Дошло до баб, что сено ворошили,
А те перешушукали:
— Жених,
Жених — и все тут!
Толки-перетолки.
Уста что мед.
Уста что соловьи,
Из уст — в уста,
Из уст — в уста
Да... к Тоньке.
И та смягчила гордые свои:
— А что? Жених!

И надо б в перерыве
К ней подойти:
Мол, как они, дела.

А ты — герой! — буланого за гриву
И на себя стальные удила
Рванул, смеясь!
А как еще герою?
А как еще такому молодцу?
Присел курган, что в детстве был горою,
И
Промелькнул, как холмик на плацу:
Даешь простор!
И
Через рожь
И через
Подсолнухи — сезонные леса...

Тебе такое выказать хотелось,
Такие расчудесить чудеса,
Чтоб ахнули
Овсы и чечевицы,
Чтоб охнули
Сурепка и осот.
Эх, как бы так скакнуть
Да изловчиться —
Достать копытом
беглый
горизонт,
Схватить его
За прошлогодним стогом
И раскрутить,
Как обруч голубой,
Чтоб мужики, шалея от восторга,
Задрав штаны,
Бежали за тобой.
— Гляди! Гляди! — кричали.—
Ай да парень!
Усы вразлет,
Улыбки — до ушей.

Ах, юность, юность —
Дрожжи для опары.
Ну что за хлеб, когда он без дрожжей!
Ну что за парень, если не рубаха
И тот, который оторви да брось?
Не зря же чуб, что рыжая папаха,
И нос — кто я? —
Хотя и не курнос.
Не зря же конь, что облако?
Под ребра
И в пах — его:
Стелись и возноси!

3

На что Рудяк
Мужик добрей, чем добрый,
И тот, как идол до святой Руси,
Окаменел.

Пока ты окрылялся,
Пока ты там носился, удалец,
Он ждал тебя
И наконец дождался
И, каменный,
Взорвался наконец:
— Резвисси, значит?
А на ком резвисси?!
Поизмывался, значит, над конем!..
И что ни слово —
Кнут без кнутовища
Да сыромятным
по глазам огнем!
Да по душе — восторженной! —
По нервам,
По всей твоей влюбленности, жених,
За удаль конокрадскую,
Во-первых,
За безоглядный гонор, во-вторых,
Ох, ну и жег!
Да ладно б там, в сторонке,
Да ладно б тут, при всех,
Но не при ней,
При ней,
При Тоньке,
При такой девчонке,
Как будто ты не парень из парней,
А так себе.

А тут еще Угорин
Из-под усов, ощипанных женой:
— Кураж!.. Кураж!..—
Подкаркивал, как ворон.
Отец родной
И тот, как неродной,
Спиной к тебе.

Ведь вот как, брат, бывает.
Ведь вот как, брат, случается порой.

И показалось: солнце убывает,
И ты, герой —
Какое там герой! —
Один в степи
Стоишь, как сиротина,
Кругом забытый
И кругом ничей.

И только Тонька —
Надо ж! — Антонина
Семеновна,
Звезда твоих ночей,
Восстала вдруг!
Да так тряхнула челкой,
Да так пошла в туманах-облаках,
Что просияли бабы,
Как девчонки,
И парни
колыхнулись
в мужиках.
И вся к тебе,
К тебе, как по мосточку.
К тебе!
К тебе!
По краешку волны.

Глядел Угорин
На родную дочку,
Как на себя с обратной стороны:
Царица шла!
Попробуй усомниться
И не признать — родитель как-никак.
Чуть что не так:
Прошу посторониться.
Рудяк?
А кто он?
Что он ей, Рудяк!
Подумаешь!
И не таких видали.
Подумаешь!
Встречали не таких.
И от своих
От стоптанных сандалий
И до бровей нещипаных своих —
Вся за тебя,
За все твои шестнадцать
Цветущих лет!

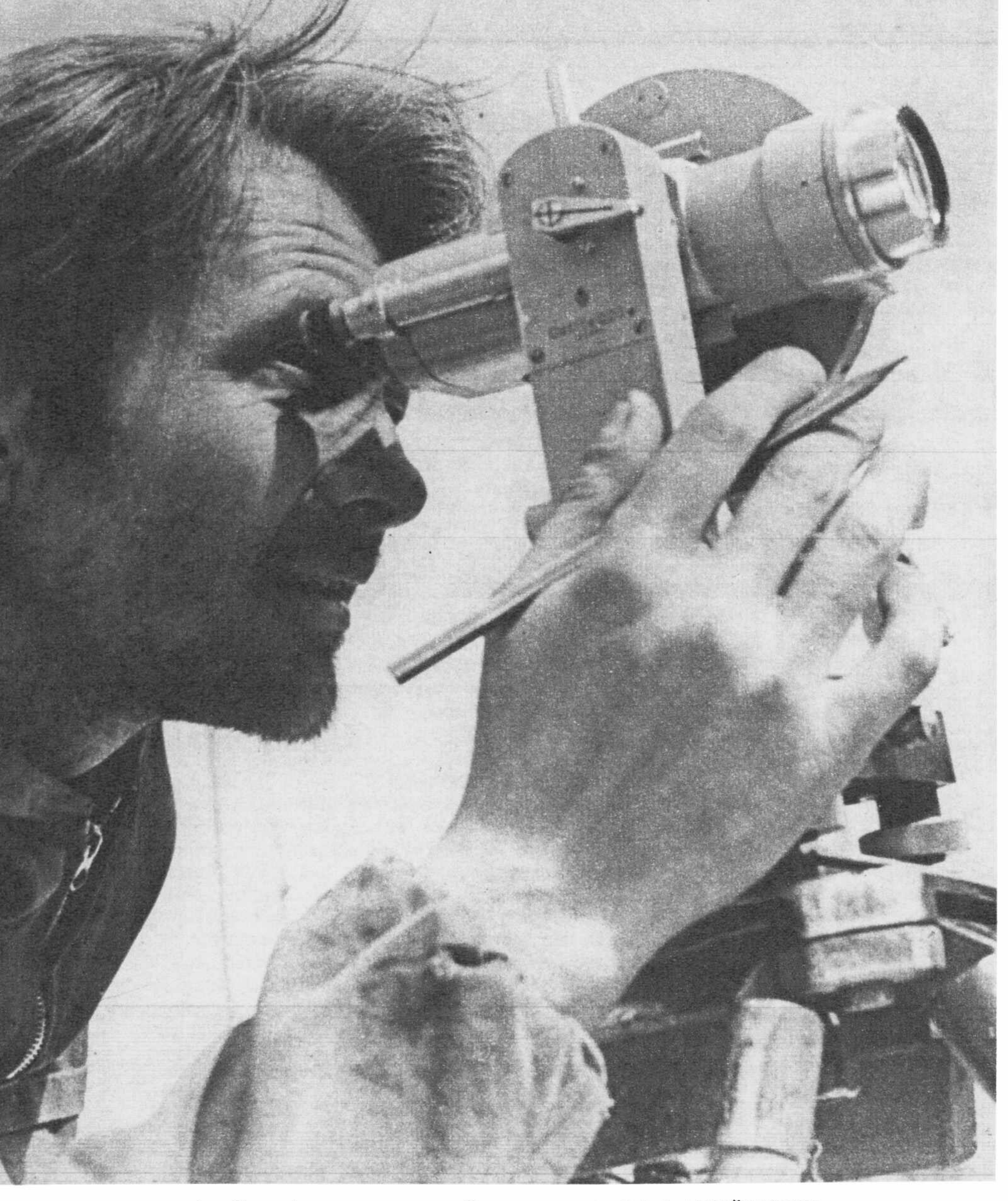
А что?
А ничего.

Да за такое, братцы-новобранцы,
Подай коня!
По всей по ЦЧО
Ты б дал огня, герой-сорви подковы,
Сам вихрь,
Сам град,
Сам гром тебе родня!

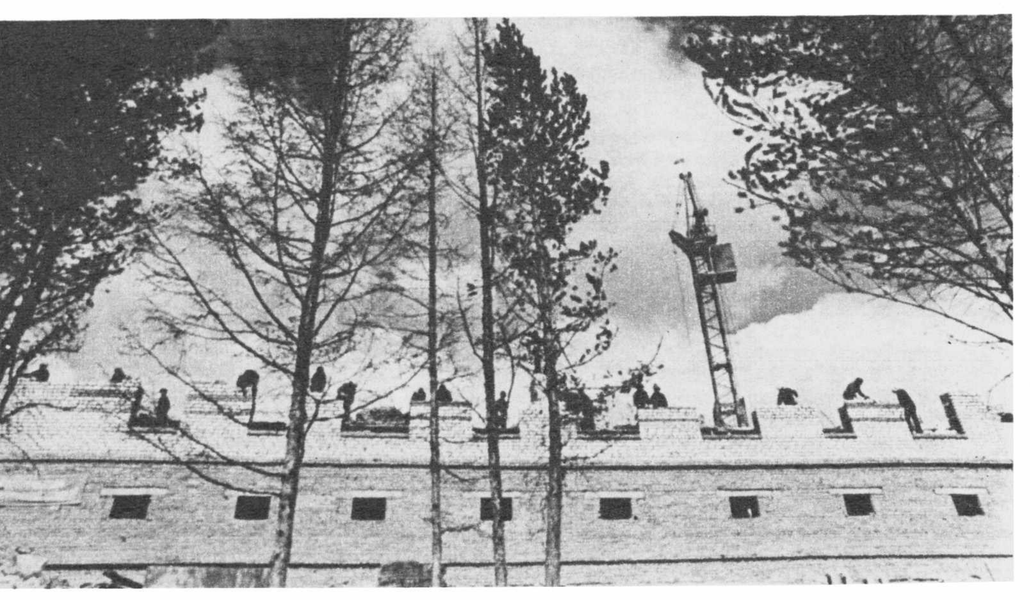
Да только жаль, что не было другого
На случай тот свободного коня.

И ты стоял.
Стоял слегка смущенный
И все ж таки казак из казаков.
Ну то есть так,
Как будто сам Буденный
Перед лицом развернутых полков
Обнял тебя,
Как самого такого
Заметного,
А Степку Рудяка
Послал на выгон собирать подковы,
Чтоб не срамил резервы РККА,
Чтоб знал своих,
Чтоб очень уж не очень
Шпынял тебя
На празднике твоем.

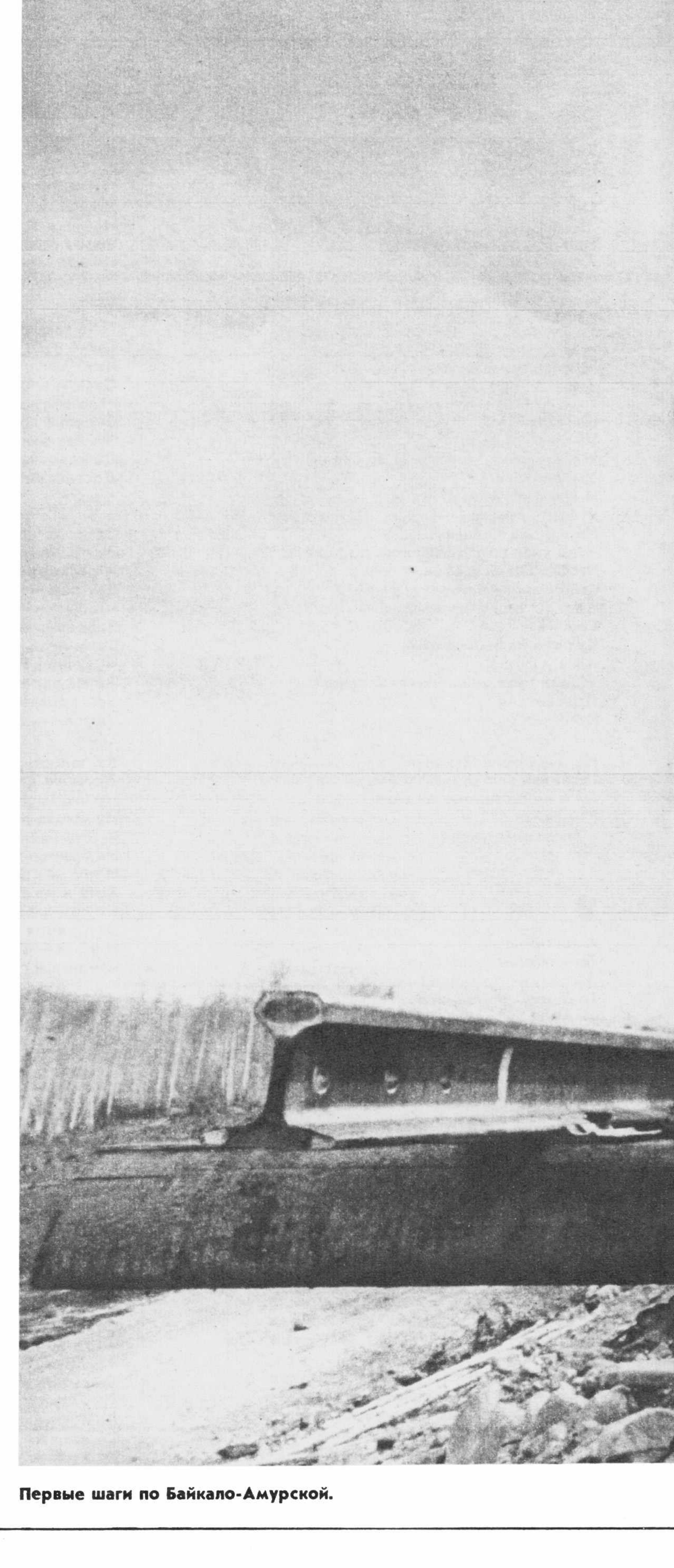
А между прочим,
Конь-то был рабочим,
Не скаковым,
А тягловым конем.

Альберт Артюнин, старший инженер изыскательской партии.

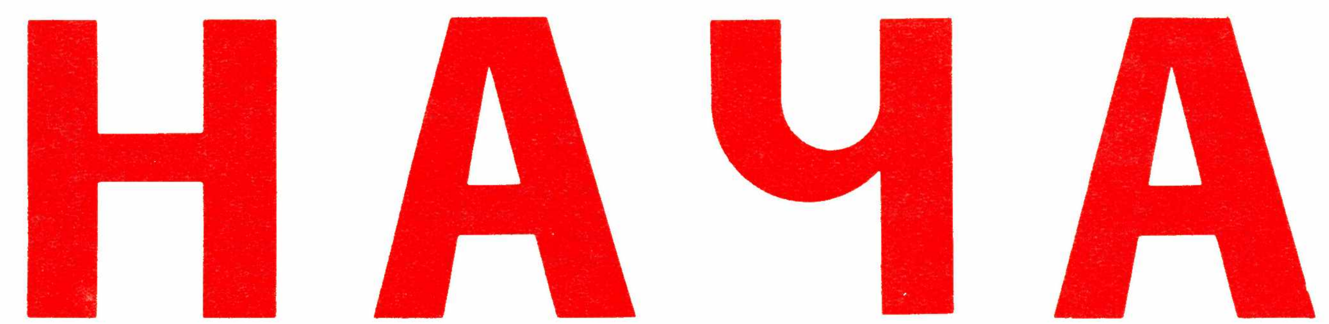
Стройка взорвала вековую тишину в Тынде. Растет новый дом.

Первые шаги по Байкало-Амурской.

В. КУЗНЕЦОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

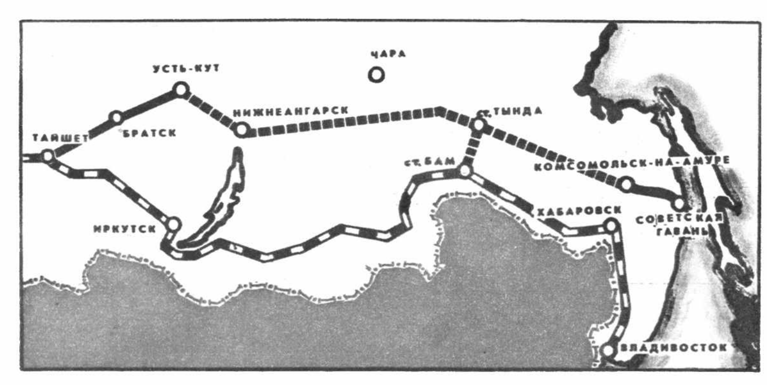

ЛО

Байкало-Амурская магистраль...

«Убежден, товарищи, что эта стройка станет всенародной. В ней примут участие посланцы всех республик и, в первую очередь, наша молодежь»,— говорил Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате. Ленинский комсомол взял шефство над строительством крупнейшей железной дороги, которая соединит две великие русские реки — Лену и Амур. По призыву партии на строительство Байкало-Амурской магистрали прибыл всесоюзный строительный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ. Бойцы отряда — представители сорока национальностей — высадились в Усть-Куте, Тындинском, Шимановске.

Сегодня посланцы комсомола уже идут таежными дебрями, рубят просеки, кладут первые кирпичи жилых и административных зданий, управляют экскаваторами.

ТРАНССИБИРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ
ПРОЕКТИРУЕМАЯ БАМ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ УЧАСТКИ

ТЫНДИНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Есть на севере Амурской области мало кому известный поселок с четырьмя тысячами жителей, называемый Тындинским. В округе его зовут короче — Тында. Узкие улочки тут аккуратно заставлены рубленными из бревен домами с большими поленницами дров вдоль ветхих заборов.

Тихий таежный поселок, наверное, и жил бы так, в тишине и покое. Только не то сейчас время. Посмотри, Тында, из тайги идет к тебе новая жизнь, и вот она уже на твоей околице. Видишь, прямо под соснами поднимаются первые этажи кирпичных домов. Знай, это только начало. Совсем скоро ты преобразишься, помолодеешь, оденешься в кирпич и бетон, станешь городом. Тебе, Тында, суждено быть большим перекрестком строящейся Байкало-Амурской магистрали. К тебе уже прокладывают первую связующую ветку от Забайкальской магистрали.

Вместе с начальником управления «Бамстройпуть» Валентином Иннокентьевичем Мокровицким едем по будущей трассе Бам — Тында. Вдоль насыпи бегут недавно поставленные телеграфные столбы. Они заметно отличаются от тонких темно-серых лиственниц да худеньких берез. Слева вдоль дороги тянется речка Тында. Она неглубокая, и сильные морозы сковывают ее до дна. Но летом, в период ливней, тихая речка становится опасной. Старожилы говорят даже, что раз в сто лет она поднимает свои воды на восемь метров. И строители должны учитывать этот каверзный характер Тынды, как говорится, быть наготове.

Мокровицкий задумчиво смотрит вперед, лишь изредка улыбнется, откликаясь на шутку. И вот уже снова на лице его — сосредоточенность, усталость. Порой оно кажется даже суровым, это, наверное, оттого, что забота о стройке никогда не покидает Валентина Иннокентьевича. Обо всем должен думать начальник управления: о кубометрах песка и уложенного бетона, о тоннах балласта, насыпанного на трассе, тоннах кирпича, о рельсах, шпалах, домах...

БАМ — уже четвертая стройка Мокровицкого, до нее были Тайшет — Лена, Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илим.

Я спрашиваю Валентина Иннокентьевича, чем отличается БАМ от прежних строек.

— Прежде всего суровостью здешнего климата. Мы работаем на вечной мерзлоте — отсюда все трудности. Вечная мерзлота — слой насквозь промерзшего грунта, прикрытого мхом. И на большинстве участков трассы насыпь ведется на этот покров. Чтобы мерзлота выдержала будущие нагрузки, ее надо сохранить в устоявшемся состоянии. Как этого добиться? Нельзя использовать на прокладке просеки механизмы, приходится вырубать тайгу вручную. А в других случаях, напротив, надо разрушать мерзлоту. Опоры мостов мы ставим только на скальный грунт... И еще одна особенность. Обычно мы, строители, базировались на станциях, от которых тянулся путь, и кочевали по уже проложенным рельсам. БАМ сооружается иначе. Главные силы сосредоточиваются в Тынде. Здесь управление строительством, два мостопоезда, автобаза. Здесь возводим жилые дома, готовимся к строительству станции, крупнейшего железнодорожного узла Байкало-Амурской магистрали — Тындинского перекрестка. Но все это — в перспективе. Сегодня главное — это жилье и магистраль Бам — Тында.

Бам — железнодорожная станция между Тахтамыгдой и Сковородином. В путеводителях она не значилась, и пассажирские поезда проскакивали здесь, не сбавляя скорости. Сейчас, правда, останавливаются на минутку, да и то не все. А вот товарные прибывают сюда специально, доставляя с востока шпалы, бетон, кирпич, опоры, другие материалы — в общем, все, что необходимо большой стройке.

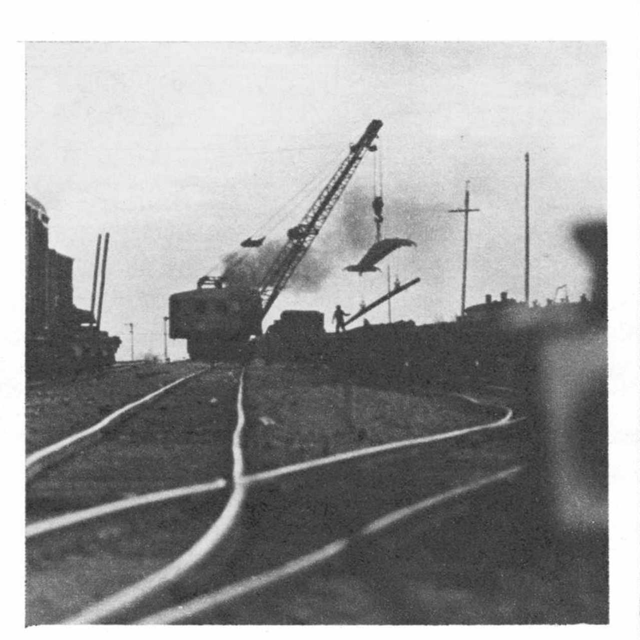
На центральных путях работает бригада Юрия Любимова. Ребята пришивают рельсы к шпалам, забивают костыли, закручивают гайки — словом, образуют звенья, которые потом отправляют в голову мостопоезда, к путеукладчикам. Отсюда дежурная по станции Галина Коптева отправляет составы по еще не укатанным рельсам.

На тепловозе Николая Михайловича Романова я отсчитываю первые километры трассы Бам — Тында. Едем медленно, осторожно. Это и понятно: дорога еще строится, и наш специальный поезд везет гравий для балластировки участка на тридцать восьмом километре. Сегодня тридцать восьмой балластируется, а рельсы укладывают уже на шестьдесят пятом.

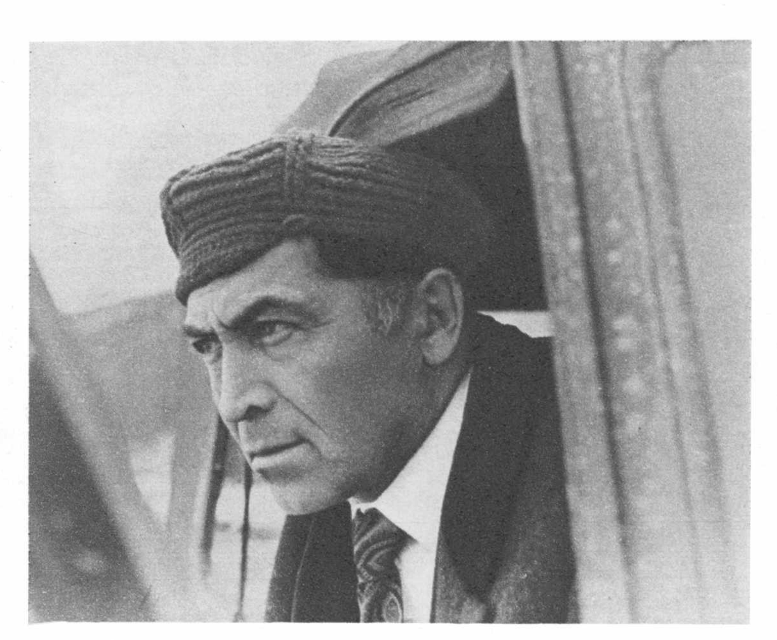
В «голову» мостопоезда я добираюсь к полудню. Там сейчас работают мостовики. Всего на этой ветке будет более пятидесяти мостов. Пока укладывается очередной пролет, путеукладчики перекуривают. Мы разговорились с Иосифом Оборой, путейцем из бригады Григория Гурьева. Парень родом из Минска. До службы в армии окончил мореходное училище, работал в Рижском пароходстве. Ходил в загранрейсы. После службы думал вернуться на старое место, но прослышал о большой стройке, и защемило сердце, позвало в дорогу, захотелось своими руками проложить земной курс. Чтобы потом, в праздничный день, проезжая здесь почетным пассажиром, с гордостью сказать: «Это я построил, мне тут знаком каждый метр пути, каждая стрел-

Таежный новосел, он же строитель.

Рельсы для БАМ.

В. И. Мокровицкий, начальник «Бамстройпути».

ка, каждый разъезд. Я начинал Байкало-Амурскую магистраль с Бама».

СПЕЦРЕЙС НА ТРАССЕ

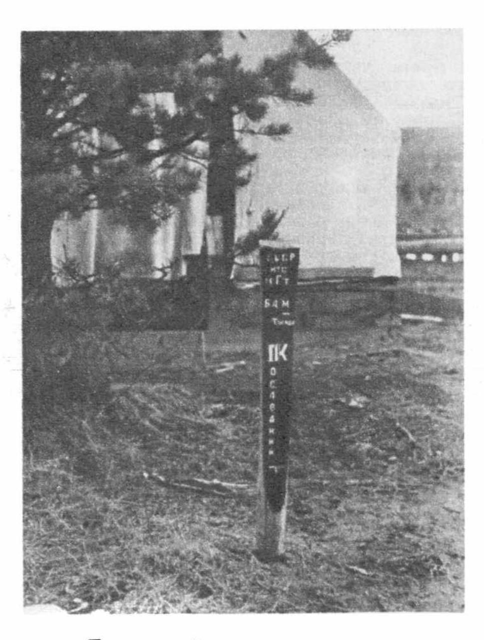
Начальник изыскательской экспедиции Мосгипротранса Александр Алексеевич Побожий пригласил журналистов пролететь над участком будущей Байкало-Амурской магистрали.

Вертолет, ведомый опытным командиром Николаем Мудрым, пилотом Евгением Головко и бортмехаником Геннадием Зубцовым, набирает высоту.

Под нами тайга, еще покрытая снегом. Снег в этих местах может пролежать до середины лета. В прошлом году он выпал десятого июня. Через сорок минут полета вертолет опускается в огороженный бревнами красный аэродромный квадрат — посадочную площадку изыскательских партий. Еще пятнадцать минут мы трясемся в вездеходе. В палаточном городке, где базируются партии двух Владимиров — Скорнякова и Рыбака,— задерживаемся недолго. Хочется скорее на трассу, увидеть то место, где пройдет БАМ.

Первый человек, которого я встретил на этом участке Байкало-Амурской, был Альберт Артюнин. Он что-то писал в блокноте, заглядывал в глазок теодолита и жестами подавал команду реечникам. Артюнин проводил изыскания, определял путь трассы. Вечером в палатке он обработает данные, собранные днем, и на ватман лягут углы, градусы, координаты. Потом в рабочих чертежах они обратятся в четкую линию будущей железной дороги.

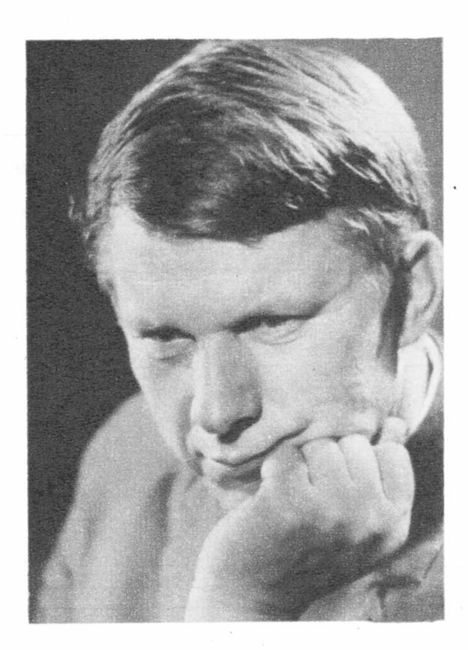
Когда вы станете читать эти строки, палаток здесь уже не будет, изыскатели продвинутся вперед. БАМ не стоит на месте. БАМ строится.

Последний пикет.

К 50 ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛЯ БЫКОВА

ВЫПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛГ

Виктор
АСТАФЬЕВ

Настала пора держать отчет, становиться на боевую поверку двадцать четвертому году — великому и горькому: году утраты Ленина, году рождения бойцов, которые докажут потом в труде и на войне, что они помнят не только о своем человеческом назначении, но и о той ответственности, какую наложило на них время, их год!

19 июня 1924 года в Белоруссии, на Витебщине, родился будущий воин и писатель — Василь Быков.

Творчество Василя Быкова нет надобности представлять нашему читателю. Советскую и тем более белорусскую литературу без Василя Быкова представить уже невозможно. Творчество этого писателя явилось как бы отражением потрясающего и героического времени Великой Отечественной войны. Сам участник войны, пехотинец, проливший кровь, пот и слезы в окопах и госпиталях, Василь Быков честным и ярким талантом своим был приговорен нести тяжкую и славную долю бойца в литературе.

Я встречался с Василем Быковым только один раз, мимолетно, в толчее писательского съезда, потом мы изредка писали друг другу. Но, странное дело, мне всегда казалось и кажется, что я давно знал и знаю этого человека с простоватым на первый взгляд лицом застенчивого сельского интеллигента, с умными и опять же застенчиво-скромными глазами, внешняя прозелень которых выдает истинного сына Белой Руси — с рождения увиден и навечно отражен в них цвет спокойно зеленеющей родимой земли, которую белорусы умеют не только любить, но и самоотверженно защищать. Не к месту, не к делу, может, в торжественный-то день, а все ж напомню, что в Отечественную войну погиб каждый четвертый белорус.

Ощущение же близости, братства, если не бояться громких слов, с человеком и особенно с писателем есть свойство души доброй и отзывчивой. А раз писательский труд, как давно замечено, не что иное, как отражение души, свет ее, то труд истинного писателя, произведения, им созданные, всегда похожи на него самого — оттого-то и происходит узнавание писателя, привычка к нему, если он истинный, талантливый писатель, повторяю, по книгам и мыслям его.

Не раз и не два случалось, в Сибири, на Урале, в Вологде ли, когда заходил разговор о писателе Василе Быкове, люди как бы разумеют его здесь, где-то по соседству живущим и словно забывают напрочь, что под произведениями Василя Быкова стоит мелко набранное: «Перевод с белорусского». И это не обезличка национального, не отрицание принадлежности к своему народу — это та самая творческая индивидуальность, та сила таланта, которая стирает всякую условность общения между людьми и делает едиными читателя и писателя в любви и доверительности друг к другу.

В юбилей не принято вспоминать о горьком и досадном, о том, что помимо работы выматывает силы, доводит до усталости и боли писательское сердце. Не искали писатели нашего поколения легкой доли ни в жизни, ни на войне, ни на работе и всегда верили в справедливость, в правду. И она восторжествовала, эта справедливость, и не могла не восторжествовать, потому что читательская привязанность, любовь и наше фронтовое дружество были с Василем Быковым.

У меня перед глазами образ лейтенанта Ивановского из его последней, лучшей, на мой взгляд, повести «Дожить до рассвета»: смертельно раненный, почти замерзший лейтенант Ивановский не дает себе умереть, держится уже какой-то запредельной силой за жизнь ради того, чтобы выполнить свой воинский и человеческий долг — убить врага всех честных людей — фашиста. И он выполняет его, этот долг; бросив гранату, он тут же умирает, но и враг повержен.

Сейчас я позволю себе мысленно окинуть взглядом строй тружеников литературы, которым выпала честь родиться в 1924 году и рапортовать в полувековой юбилей о пройденном пути в году 1974-м: Юрий Бондарев, Николай Старшинов, Юлия Друнина, Юрий Гончаров, Михаил Горбунов, Павел Загребельный, Владимир Богомолов — немалый набирается строй, строй, которым можно гордиться нашему народу и всему вчерашнему воинству.

На правом фланге этого крепкого строя, прямой и строгий в жизни и работе, полвека стоит и не колеблется боец и художник Василь Быков!

УЛЫБКА ВЬЕТНАМА

Новелла **ЦВЕТКОВА**
Фото автора.

ЗДРАВСТВУЙ, ХАНОЙ!

От Москвы до Ханоя «ИЛ-18» летит сутки. Смотрю на карту, которую раздала пассажирам стюардесса, и не верится: неужели всего за сутки через Пакистан, Индию, Бирму и Лаос мы перепрыгнем это огромное расстояние?

— Перепрыгнем, да еще с комфортом,— говорит Екатерина Вермишева.

Моя попутчица — пассажир бывалый на этой авиалинии. За два года это ее третья поездка вместе с той самой съемочной группой, с которой Вермишева снимала фильм о первой послевоенной весне во Вьетнаме. На этот раз группа летит в Лаос.

Ночь уже отступает, когда «ИЛ-18» идет на очередное снижение, на этот раз во Вьентьяне.

— Мы сойдем сейчас, а ты на следующей остановке,— весело прощается со мной киногруппа Вермишевой.

...Наконец-то ханойский аэропорт Зялам. Война оставила здесь свои следы: ангары в зеленых маскировочных пятнах. Неподалеку от взлетной площадки, словно огромная раздавленная стрекоза, лежит вертолет. Пограничники особенно тщательно проверяют документы, вокруг люди в военной форме. Меня встречают двое сотрудников Государственного комитета по культурным связям с заграницей.

С таможенными формальностями быстро покончено, и наш «газик» выруливает на дорогу, ведущую в Ханой. Сколько раз читала я об этой дороге, опаленной огненным смерчем! Но люди уже вернули ей жизнь, они засыпали воронки от бомб, убрали груды кирпичей, оттащили в сторону развороченные взрывами рельсы и, главное, восстановили мост Лонгбиен, который соединяет оба берега Красной реки.

Двухэтажные домики по обе стороны пыльной улицы — это уже Ханой. Там и тут груды разбитого кирпича. Уцелевшие фасады зданий покрашены светлой краской. Город переполнен пешеходами и велосипедистами. Время обеда — «пик», в эти часы машинам особенно трудно пробираться через поток велосипедистов. Что-то не видно милиции на перекрестках! Правила движения в Ханое простые: покажи рукой, куда хочешь свернуть, и погуди как следует. Шуршат шины по асфальту. Едут старики и дети. Едут семьи: папа крутит педали и везет маму с малышом на руках. Едет парнишка, а сзади, на багажнике, поставлены один на другой три стула. Катят две подружки, одна еще успевает читать на ходу книжку. Велорикши везут людей пожилых. У многих женщин за спиной малыши, они удобно устроились в деревянных креслицах, прикрепленных к сиденью, а по обе стороны велосипеда, как стремена, свисают ступеньки. Около одного из больших зданий я вижу за загородкой целое стойбище велосипедов. «Это — министерство иностранных дел. Наверное, у них сегодня большое совещание»,— поясняют мои провожатые. На 1 200 тысяч жителей столицы приходится 600 тысяч велосипедов. Это пока что главный вид транспорта не только в Ханое, но и повсюду в стране...

Узкая торговая улочка, ведущая к главному базару, переполнена людьми. Дальше приходится добираться пешком. Тут бойко торгуют лавочки частников. Целые семьи кроят, шьют и вышивают свои изделия прямо на глазах у прохожих. По промтоварным карточкам выдается всего несколько метров тканей в год, но кто не соблазнится побаловать малышей новым ярким фартучком или нарядным капором! Первая послевоенная роскошь для них, для ребятишек. А взрослые одеты скромно. Женщины в черных сатиновых брюках и светлых кофточках. Большинство мужчин в костюмах из темно-зеленой бумажной ткани.

Под деревом, протянувшим к озеру Возвращенного меча свои ярко-зеленые ветви, двое: он в форме бойца народной армии и она — в белой кофточке и черных брюках. Видно, он рассказывает о чем-то очень веселом, девушка хохочет, прикрыв ладошкой рот. И вдруг смолкает. Гаснет улыбка на лице паренька. Громко стуча костылями, к скамье медленно приближаются пятеро его ровесников в солдатских гимнастерках. Нет, война еще не ушла с этих улиц, залитых ярким солнцем! Настороженный мир пришел на эту землю, и Ханой только привыкает к нему.

ВСТРЕЧА С БУДУЩИМ

«Ленсо!» — «Советский Союз!» — бойко окликнули меня двое, едва я вышла из гостиницы. Оба в синих бумазейных шапках-ушанках, похожих на шлемы, которые носят летчики; они держали в руках новенькие портфели.

Вьетнам поражает количеством детей. Просыпаясь поутру от детских голосов, мне порой казалось, что каким-то чудом я попала в детский сад. В городских семьях, как правило, четверо-пятеро ребят, в деревнях — вдвое больше. Здесь очень много делается для подрастающего поколения, но как много еще не решенных проблем! Не хватает детских садов и яслей, большая часть которых, как и школьные здания, пострадала от бомбардировок. Семь миллионов школьников учатся в три смены, первая начинается в шесть часов утра...

В торжественный день открытия Четвертого съезда Союза женщин Вьетнама с барабанным боем и цветами «внуки дедушки Хо» поднялись на трибуну. «Дорогие дядюшки, тетушки, мамы и папы,— звонко разнеслось по всему залу.— Спасибо вам за то, что мы вернулись из эвакуации и живем в мире. Мы знаем, как много у вас сейчас дел, и мы будем вашими помощниками». Я заметила: многие делегатки подносили к глазам платки. Как же тяжело бесконечно ждать, как хочется, чтобы вся семья собралась вместе и дети смогли наконец обнять отца!

— Моя сестра не видела мужа уже двенадцать лет,— рассказывала молодая учительница из Хайфона, с которой я встретилась на съезде.— После подписания Парижского соглашения он сообщил, что приедет в отпуск. Но недавно написал, что сайгонские войска нарушают соглашение и отпуска из армии отменили...

Да, минувшая война все еще разлучает семьи, и женщины Вьетнама, которых страна назвала «сердцем тыла», по-прежнему повсюду заменяют мужчин. Они строят дороги и дома, делают станки, шьют одежду, учат, лечат, выращивают рис. И дети — это зеркало страны, в котором отражаются ее радости и заботы, рисуют своих бабушек, матерей и сестер за работой.

Вместе с преподавателями из Высшего художественного училища Куок Замом, Суан Тхао и Ай Нга, которые дважды в неделю занимаются с ребятами на городских курсах для одаренных детей, мы пересмотрели кипу рисунков и отобрали те, которые публикуются на четвертой обложке этого номера. «Что ты любишь рисовать больше всего?» — спросила я у нескольких ребят. «Как строят дома», «Мою маму», «Праздник Тэт», «Школу и цветы...».

— Будете писать, расскажите, что нам очень хотелось бы завязать дружбу с детской школой рисования,— сказал руководитель курсов Хоанг Ван Конг.— Мы с удовольствием будем обмениваться рисунками и опытом. Вот наш адрес: Ханой, улица Ханг Буом, 88.

Детский смех... Болью отзывается он в сердце седовласого человека, которого зовут Чан Нгок Льонг. Мы встретились в новом ханойском районе Чунг Ту. Еще год назад тут была болотистая равнина, изрытая бомбами, а сейчас новенькие пятиэтажные корпуса. Эти дома строил Чан Нгок, под началом которого — 700 рабочих и 5 инженеров.

— Помню, как прежде мы делали дома из глины, потом научились у советских людей

Выпускницы Ханойского балетного училища: Фам Ким Хоан (справа) и Фам Ким Тхи.

Хайфонский порт. Пришли грузы из СССР.

В Храме литературы.

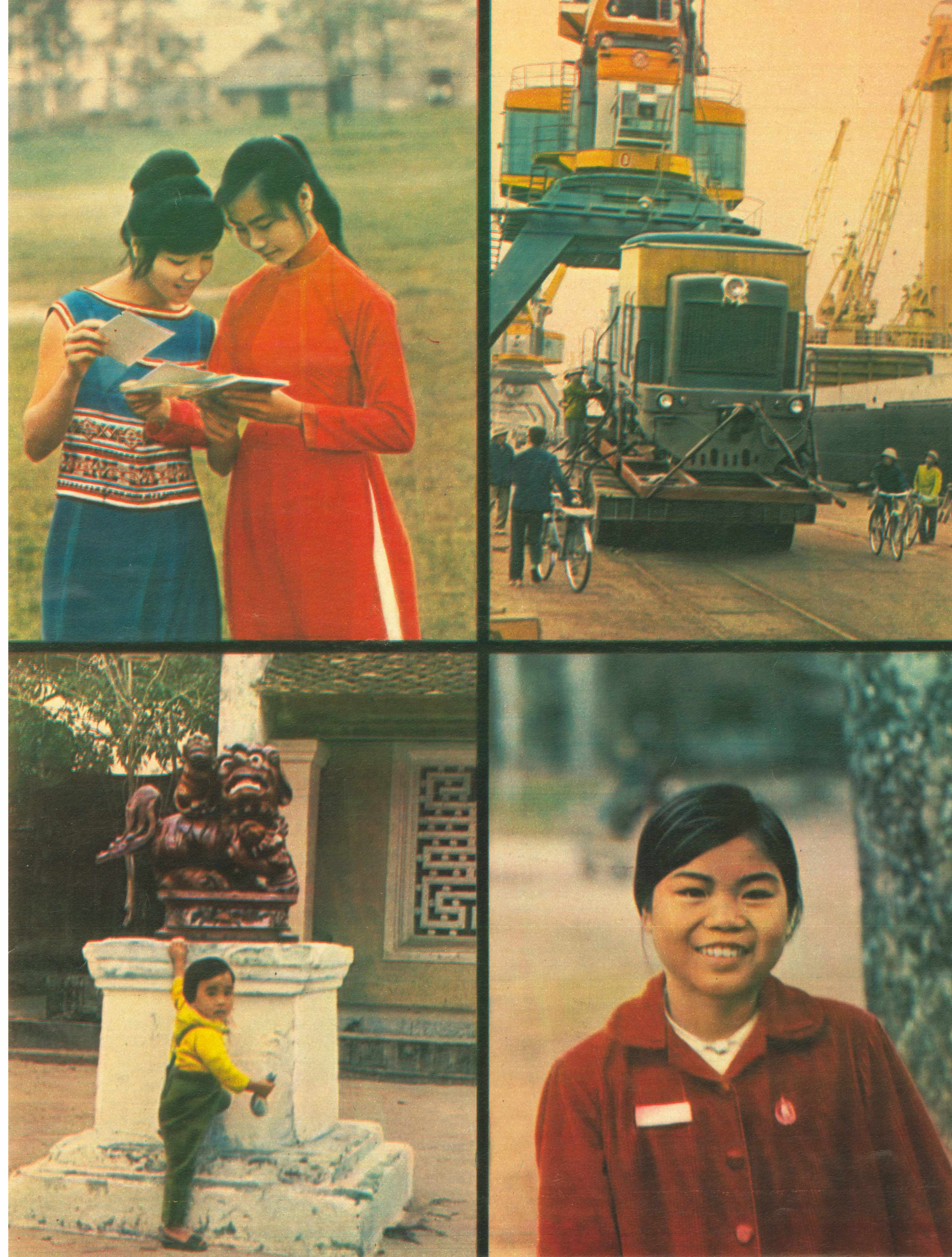
Нгуен Ким Тхи — шестиклассница из Ханоя.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ.

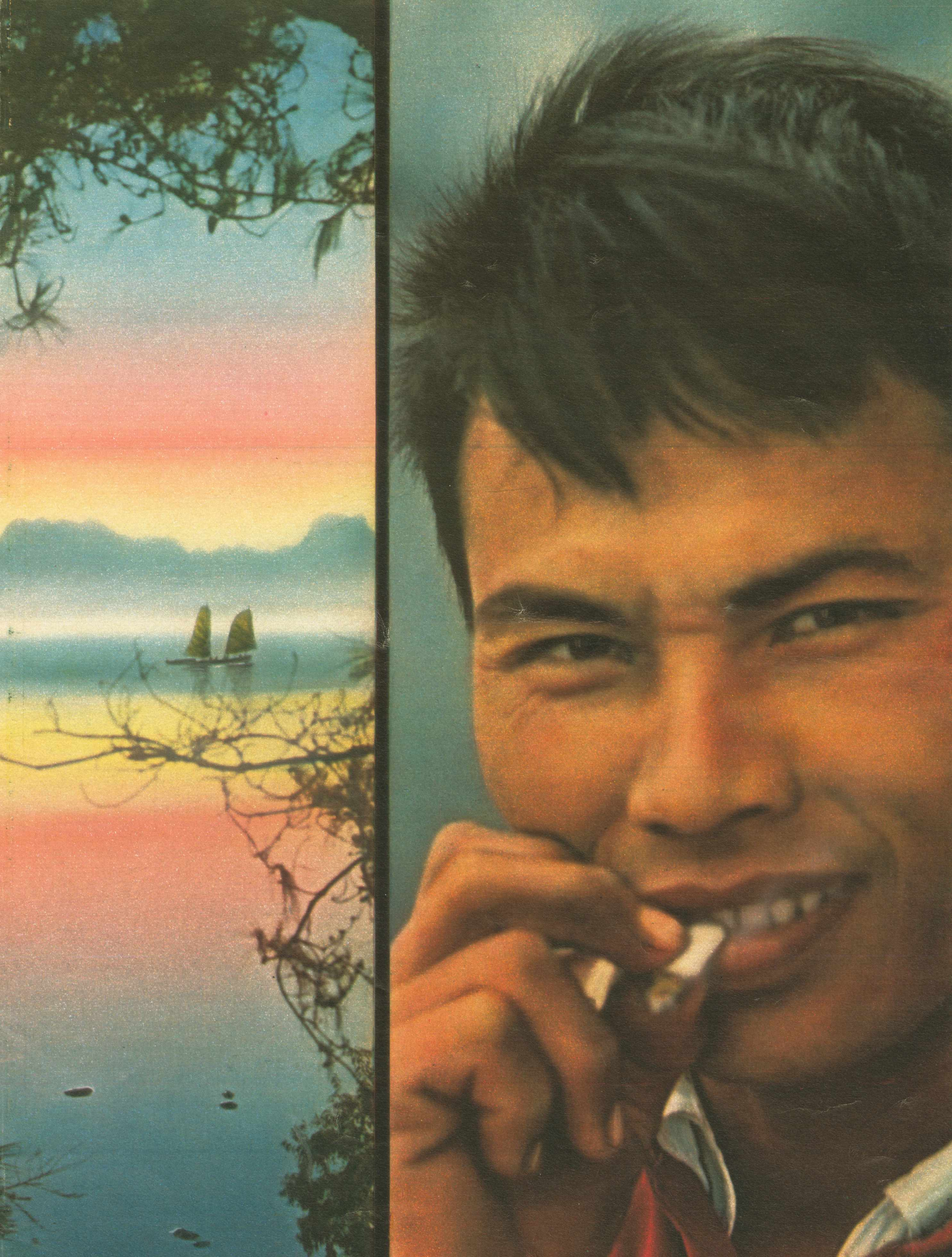
Делегатки Четвертого съезда Союза женщин Вьетнама.

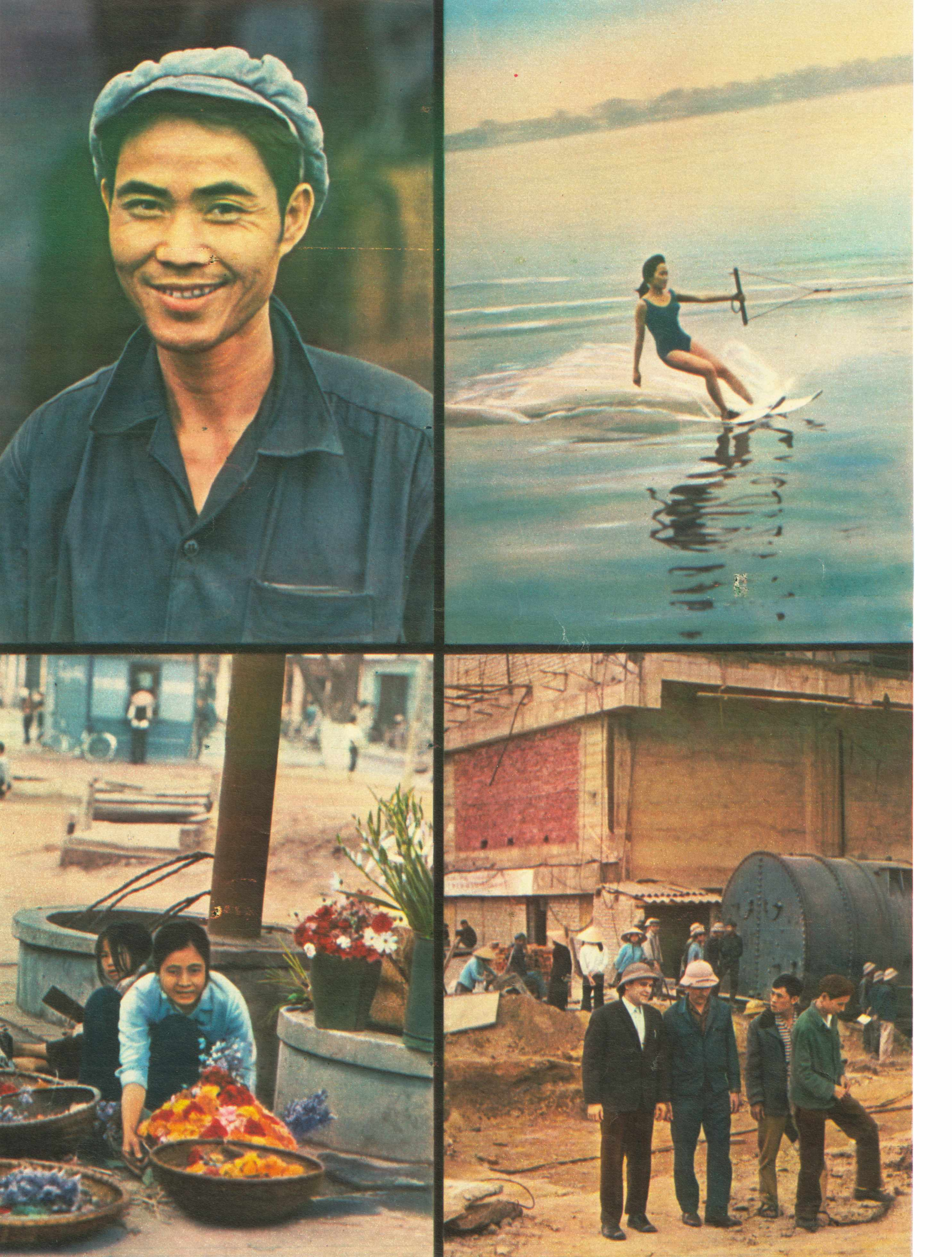
Сказка залива Халонг.

Моторист Хоанг Нят Минь мечтает водить океанские корабли.

строить дома из сборных конструкций. Сначала появились двухэтажные здания, а потом дома в четыре-пять этажей. В прошлом году из-за сильных бомбежек строительство остановилось. Мы расчищали развалины, спасали людей.

— Сколько домов уже построено в Чунг Ту?

— За год одиннадцать, и все пятиэтажные! Мы получаем строительную технику и материалы из СССР, Польши, Чехословакии и ГДР. А через пару лет тут будут жить семнадцать тысяч ханойцев. Мы готовы работать день и ночь, чтобы скорее дать людям жилье. Ведь пока в Ханое по норме только два квадратных метра на человека и пять — на супружескую пару...

Прощаясь, я пожелала семье Чан Нгона счастливой жизни в одном из домов, которые он построил.

— Это счастье не для меня,— с грустью отозвался он,— я южанин, моя семья — жена и двое детей — осталась там, за семнадцатой параллелью, и я много лет ничего не знаю об их судьбе.

Бесконечно долгие годы борьбы, лишений и разлуки с близкими, казалось бы, должны были ожесточить людей, разучить их улыбаться. Но хмурое лицо во Вьетнаме редкость. «Как вас встретил Ханой?» — спросил меня через несколько дней после приезда известный публицист, руководитель Союза журналистов Лыу Куи Ки. «Улыбкой!» — ответила я. «Да, улыбка помогает нам жить,— согласился он.— Наш народ не знает уныния и страха — вьетнамцы, полны революционного оптимизма, они научились с улыбкой преодолевать трудности. Ведь улыбка объединяет людей, воспитывает упорство и веру в победу».

Еще в дни ожесточенных бомбежек Ханоя мне попалась на глаза заметка в одном вьетнамском журнале. В ней рассказывалось о Ханойском балетном училище: с фотографий улыбались юные балерины. Враги обрекали и взрослых и детей этой страны на геноцид, но в балетных классах училища ни на один день не прерывались занятия!

И вот я на окраине Ханоя, в студенческом городке. В здании балетного училища пахнет краской. Здесь еще не окончен ремонт. Из-за закрытых дверей доносятся аккорды, строгий женский голос отсчитывает музыкальные такты.

— Зайдем? Тут занимаются самые младшие! — предлагает пожилая женщина с добрыми, усталыми глазами, Доан Ким Бинь, директор училища.

В просторном классе грациозные малышки в белых юбочках старательно «тянут носок», не сводя глаз со своей молоденькой преподавательницы Ву Тхань, которая всего три года назад вернулась из Ленинградского хореографического училища. Спрашиваю у нее, как сюда попали эти девочки. Оказывается, училище существует девять лет и все эти годы учителя ездят по всей стране, добираются до самых отдаленных уголков, чтобы отыскать одаренных детей.

Потом в комнате директора собрались все свободные от занятий преподаватели. Не спеша потягивая из крошечных чашечек зеленый чай, они вспоминали, как в самые тяжелые военные дни в горной деревушке вместе с учениками строили дома из бамбука, сеяли батат, овощи и точно по расписанию продолжали занятия. Они считали искусство оружием, которое так же необходимо бойцам в их борьбе с врагами, как и винтовка, и гордились, когда узнавали о подвигах своих бывших учеников. Один из них, Вьет Чионг (из самого первого выпуска!), организовал среди патриотов Южного Вьетнама самодеятельный ансамбль и сейчас выступает с ним неподалеку от Сайгона.

— Когда-то считали на Западе, что у Вьетнама не может быть своего балета, но он есть! — сказала директор училища.— На сценах страны идет десять балетов, в создании двух из них принимал участие наш молодой балетмейстер, воспитанник ГИТИСа Чин Суан Динь. С первых лет организации училища и по сей день рядом с нами всегда наши добрые друзья — советские мастера балета. Спасибо им! Обязательно так и напишите: «Спасибо!»

Хонгайский шахтер Буи Дык Кань.
Воскресным днем в Ханое.

Цветы Хайфона.

Рука об руку работают на восстановлении ТЭС в городе Уонгби советские и вьетнамские специалисты.

ДОРОГА № 5

— Завтра в семь утра выезжаем в Хайфон, а оттуда в провинцию Куангнинь! — объявляют мои провожатые и советуют запастись терпением; дорога, по которой нам предстоит ехать, сильно пострадала в военное время, и придется провести в пути много часов. Так оно и было: передо мной, словно кадры замедленной съемки, километр за километром, дорога № 5. По обе стороны ее в окружении буйной тропической зелени — наскоро слепленные из глины домишки. «Слепые» окна, дверной проем завешен циновкой, а во дворе под банановыми деревьями сложены кирпичи для будущего нового дома. Их не везут издалека, а «выпекают» тут же, на месте, в самодельной печи. ...Вот колонна разбитых грузовиков: в кабинах, приспособленных под жилье, играют ребятишки. К самой дороге подступают огороды и бесконечные нежно-зеленые рисовые поля. Благодатная земля дает в год по два урожая, и крестьянские руки бережно ухаживают за ней от зари до зари. И снова деревушка, с маленьким базарчиком, школой и парикмахерской в одно кресло. «Стоп, объезд! Тут расширяется дорога»,— машут нам девушки-строители. Они похожи на разбойников; лица спрятаны за черными платками, только мерцают лукавые глаза. «Эти места славятся красавицами, вот они и берегут свою красоту»,— объясняет наш водитель.

Чем ближе к Хайфону, тем чаще следы разрушений. Первая улица города, которую я увидела, напоминала декорацию к страшному спектаклю: от домов уцелели только фасады, черные от копоти пожаров.

Но сотрудники городского Административного комитета Нгуен Ван Зям и Кху Нян Тхи, которые показывали нам город, полны оптимизма.

— Конечно, разрушения огромны: город уничтожен на 75 процентов. Число жителей уже перевалило за миллион. Но мы еще во время войны обсудили план восстановления и развития Хайфона и сейчас его уже выполняем. Вы спрашиваете о главной проблеме жизни города? Их несколько. Во-первых, жилье. Во-вторых, снабжение населения продуктами. Сейчас большая часть жителей занята сельским хозяйством и животноводством. Но в стране начался процесс индустриализации, наш город-порт должен быть реконструирован, а для этого нужны технически грамотные кадры.

Вместе с ними мы побывали в Хайфонском порту, где в тот день разгружалось советское торговое судно «Березовка». Второй помощник капитана Леонид Егоров разрешил нам подняться на корабль.

— Что «Березовка» привезла во Вьетнам?

— Калийные удобрения, ткани, медикаменты.

С палубы отлично просматривается весь порт. Прямо перед нами на причале стояли рядами красные рисоуборочные комбайны, а чуть поодаль — новенький дизельный тепловоз, вокруг которого суетились портовые рабочие.

— Комбайны выгрузил «Некрасов», а тепловоз вместе с портальными кранами прибыл на «Октябрьской революции»,— поясняет Егоров.

— Уже после подписания Парижского соглашения много советских кораблей побывало в нашем порту,— говорит Нгуен Ван Зям.— Поддержка и помощь СССР и других социалистических стран в эти мирные дни для нас так же важны, как и в военные годы. Трудностей у нас много, но мы справимся с ними, потому что нам помогают друзья.

КОФЕ ПО-ПОЛЬСКИ

— Скажите, вы не из Варшавы?

— Из Гданьска. А пани откуда?

— Я корреспондент «Огонька».

— Ты слышишь, Стась? Приглашай же пани к нам в гости!

Стась, высокий и представительный, галантно целует руку и приглашает меня от имени семьи Дукинских на чашку кофе к ним домой.

В кромешной тьме выходим за ворота. Пан Дукинский светит под ноги фонарем.

— Никак не могу привыкнуть к тому, что во Вьетнаме совсем не бывает вечера, день переходит сразу в ночь,— негромко говорит пани Ванда,— а без фонаря тут опасно ходить: вчера один из наших специалистов у самой столовой убил ядовитую змею.

Шуршит под ногами галька. Тропинка ведет вниз, туда, где томно вздыхает Халонг — Залив дракона.

Мы приехали сегодня под вечер. Я вышла на балкон гостиницы и ахнула. Из залива, окутанного дымкой, подымались причудливые скалы, а меж ними чередой, словно гуси-лебеди, плыли паруса рыбачьих баркасов. Это и был Халонг — чудо провинции Куангнинь. Когда-то сюда толпами устремлялись туристы. Теперь тут тишина. Пустует и эта комфортабельная гостиница. Мне объяснили: отпуска сейчас получают немногие и на очень короткий срок, не пришло еще время для отдыха!

Польская чета, с которой я познакомилась за ужином, приехала сюда не для отдыха. В восьми километрах отсюда, на пустынном берегу залива три года назад польские инженеры вместе с вьетнамскими строителями начали сооружать первую в этих краях судоверфь.

В трехэтажном здании, похожем на студенческое общежитие, разместилась вся «польская колония». Приглушенно звучит музыка. Пока пан Станислав крутит кофейную мельницу, его жена показывает фотографии детей и внуков.

— В каждом письме нас спрашивают: когда же мы вернемся? Но тут так много работы. Сначала построим верфь, а потом будет рожден первый корабль! Об этом позаботится опытный кораблестроитель Ян Довнарович.

— Ты прав, Стась — поддержала его жена,— придется детям и внукам подождать. Мы здесь сейчас нужнее, чем дома. Сердце кровью обливается, когда видишь развалины домов, измученных людей. Помнишь, как мы были одеты? А что мы ели тогда, после войны?

...Утром за нами приехал представитель партийного комитета провинции Куангнинь и объявил, что в нашей рабочей программе поездка в городок шахтеров Хонгай и на шахту Хату, а потом в Уонгби на самую крупную ТЭС в Северном Вьетнаме, где работают советские специалисты. Нгуен Чан Суан, так звали нашего нового знакомого, уже семнадцать лет на партийной работе.

...Шахтерский город раскинулся у подножия Скалы поэзии. Сюда можно добраться только паромом. Вместе с нами в Хонгай плывут солдаты, крестьяне и женщины с детишками. Молоденькая мама присела у самого борта и, прикрыв своим телом от ветра малышку, самозабвенно играет в «ладушки». Это и есть переправа Байтяй, прославленная подвигом женщин. За семь месяцев враг совершил на эту переправу пятьдесят налетов. И ни разу не остановился паром, который вела женская бригада; все они удостоены звания героев.

Замедляя ход, паром причаливает к берегу. Издали кажется, будто он усеян огромными белыми грибами. Это сидят в ожидании парома женщины Хонгая в неизменном головном уборе — остроконечных соломенных шляпах. Сразу же у причала — развалины гостиницы. Вокруг разбитые черепичные крыши, пустые глазницы окон.

— Этот город был разрушен почти до основания, а живет тут 70 тысяч человек — представители тринадцати различных национальностей,— нетороплив объясняет товарищ Нгуен,— государство отпустило нам немалые средства, но чтобы скорее наладилась жизнь, жители помогают строителям. С их помощью досрочно была построена эта школа-десятилетка и вот эта новая улица с одноэтажными домами...

...О приближении угольного карьера предупреждает дорога. На ней все отчетливей проступает черная пыль. Впечатление такое, словно она постепенно заштриховала небо, чахлые деревца, людей на велосипедах, которые, как и мы, едут навстречу громадным черным горам. Эти горы и есть шахты знаменитого Хонгайского угольного бассейна. Здесь уголь добывают открытым способом почти сто лет.

— Вглядитесь внимательно в эти горы,— рассказывает товарищ Нгуен,— за долгие годы они буквально перерыты руками рабочих! Так было прежде, а теперь СССР и другие социалистические страны послали сюда и технику и специалистов.

Проезжаем под полосатый шлагбаум на территорию шахты и, оставив машину, идем по краю карьера. Сверху огромные самосвалы кажутся детскими игрушками, такой же «игрушечный» экскаватор с урчанием грызет черную скалу.

«Родине нужен уголь, как ребенку молоко матери!» — встретил нас лозунг над дверью диспетчерской шахты Хату. Здесь командует молодой инженер Нгуен Ван Тан.

— Я два года назад окончил наш Горный институт, сначала поработал рабочим, а теперь назначен на пост бригадира,— представляется он.

— Сколько здесь всего специалистов с высшим образованием?

— Вместе с врачами — семнадцать. Рабочие у нас очень высокой квалификации. Как ни трудно было, в военные дни с шахт в армию не брали.

— Какие у вас заботы сейчас?

— Наша шахта перешла на новый этап жизни. Этому предшествовали поиски богатого пласта, потом надо было расчистить его от камней, и теперь начали выбирать пласт. Дело тормозит нехватка техники и машин.

Вместе с дежурным диспетчером спускаемся

вниз, к экскаватору, который наполняет углем огромный кузов «БелАЗа». Заметив нас, машинист глушит мотор и легко выпрыгивает из кабины. Знакомимся: Буи Дык Кань на шахте работает 18 лет, из них 16 лет имеет дело с советской техникой. Норма в день? 900 тонн за смену! Десять самосвалов едва успевают перевозить уголь.

— Страна заботится о нас, шахтерах. У нас самая высокая зарплата, да и по карточкам мы получаем повышенные нормы продуктов. Мы понимаем, как нужен уголь стране, особенно сейчас, когда кругом идет строительство. Шахтеры Хонгая не подведут, мы непременно дадим миллион тонн угля в этом году, даже если для этого придется вдвое меньше спать!

Мы простились. Экскаватор снова ринулся в атаку на черную гору. И я подумала, как же был прав польский инженер, который вчера сказал мне за чашкой кофе: «Здесь, во Вьетнаме, отчетливо понимаешь, в чем секрет непобедимости страны, которая выстояла перед лицом мощной военной державы. Сила Вьетнама — его удивительные люди!»

БОМБЫ И «ЛЕТУЧКА»

Мы приехали в Уонгби на тепловую электростанцию, которой присвоено звание Героя ДРВ, и попали на «рабочую летучку».

Шел обычный деловой разговор между людьми, которые понимали друг друга с полуслова, и тут кто-то из присутствующих напомнил о 250-килограммовой бомбе в кабельном тупике, которая мешает дальнейшим работам...

«Где лежит эта бомба? — шепотом спросила я сидевшего рядом инженера Александра Ивановича Зборовского и оторопела, услышав спокойное: «Да тут, совсем рядышком!» После «летучки» руководитель группы советских специалистов Владимир Алексеевич Журавлев повел нас по территории ТЭС к главному корпусу, уже полностью восстановленному и подготовленному к монтажу оборудования, и я задала ему вопрос, который меня волновал,— о бомбе. Вместо ответа он подвел меня к яме с двухэтажный дом.

— Это воронка от бомбы, которую недавно достали саперы. На территории электростанции их осталось еще штук семь. Подумайте: только за последние два года войны сюда было сброшено 1 800 бомб!

Журавлев, как и большинство советских специалистов, которые здесь работают, не первый раз оказался в Уонгби.

— Нас тут около 70 человек — и среди них посланцы многих наших заводов и, конечно, ленинградской «Электросилы». 13 лет назад по ленинградским проектам началось строительство этой ТЭС, а теперь снова по тем же проектам идет ее восстановление.

Мы идем по сожженной земле, усыпанной осколками металла. Из хаоса разрушения подымается новая, возрожденная ТЭС.

— А когда электростанция должна быть полностью восстановлена?

— Скоро, очень скоро,— озабоченно вздыхает Журавлев.— В первом квартале 1976 года.

В штабе стройки есть «советская» комната. Там я встретила представителей Ленинграда, Тольятти, Алма-Аты, Свердловска, Баку, Вильнюса, Павлодара. Мы попробовали сообща подсчитать — сколько же всего советских предприятий и институтов участвует в возрождении этой героической теплоэлектростанции, и сбились со счета!

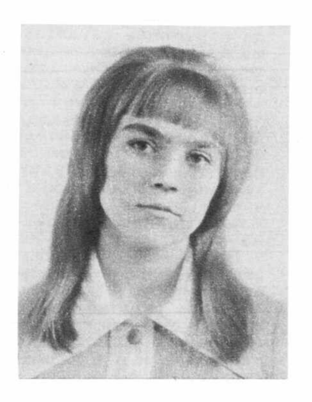
Перед отъездом из Уонгби я встретилась с заместителем директора электростанции.

— Мы рады нашей большой дружбе с советскими людьми,— сказал товарищ Фам Тхуен.— Они были с нами с самого начала и сейчас с большим энтузиазмом помогают нам решать наши трудные задачи. Вьетнам берет курс на электрификацию. Впереди у нас большие дела.

...И снова наш «газик» мчится по дороге номер пять. Мы возвращаемся в Ханой. За все это время я ни разу не видела дорогу пустынной. По ней едут тяжело груженные «МАЗы» и чешские «татры». На буйволах и на тачках-самоделках люди перевозят мешки с цементом, кирпичи и бревна. Катят на велосипедах солдаты-новобранцы. Идут с мотыгами и корзинами за спиной крестьянки, бегут ребятишки с портфелями. И кажется, что все эти люди, вся страна несет от деревни к деревне, из города в город эстафету — ЭСТАФЕТУ НОВОЙ, МИРНОЙ ЖИЗНИ.

Ханой — Москва.

И ЗЕМЛЯ И ЛЮБОВЬ...

Лада ОДИНЦОВА

* * *

Мы — новое племя,
Нам мечи на орала ковать,
И сеять,
И жать,
И идти революционно.
Мы верим в святых —
Не в покорную божию мать,
Мы верим в тебя,
Скорбящая мать Краснодона.

В тебе воедино,
Как в дереве корни,
Сплелись
Судьбы всех матерей,
Взрастивших защитников стойких.
От скорби твоей
Знамена склоняются вниз,
И горна призыв —
Самый чистый и самый высокий.

Мы — новое племя.
Мужая,
По трассам летим.
Мы — новое время.
От скорости екает сердце.
И каждый из нас
Материнской любовью храним,
Чтоб, Родина, ты
Смогла на нас опереться.

* * *

На колеснице времени лечу
Через века. А на земле морозец,
Снег в Питере — гляжу, и к кумачу
Простреленный припал знаменосец.

На колеснице времени вперед
Качу. Листва искрится.
И снег, и кровь, бунтующий народ.
Остановись, замри, о колесница!

Смешались краски в мире и цвета,
И типографский запах у листовки.
Была Россия, да уже не та.
Кто за Коммуну — получи винтовки!

Я из Парижа в легендарный год,
Где флаг свободы дерзок и неистов;
Из рудников сибирских: кровь и пот.
Гремя цепями, гибнут декабристы.

Пока мы живы, память будет жить.
Пока светлы мы — давний тот морозец
И свеж и чист, да на снегу лежит
Припавший к кумачу знаменосец.

ВЫБОРЫ

Март. Выборы. Далекое село.
И аистов еще не ждут покамест.
Размыты тропки в праздник, но светло.
Мычат коровы с круглыми боками.

Судьбой меня случайно завело
В такую глушь, но так душе просторно!
Играет в жилах молодых вино,
Скворец на вишне прочищает горло.

И я, с трудом отыскивая путь,
До школы добираюсь двухэтажной.
Приветствует, здоровается каждый
И приглашает в гости заглянуть.

Гремит оркестр, и люди веселы,
Свой барабан терзает барабанщик.
Звенят цимбалы, резво пляшет банщик,
Вернувшийся живым домой с войны.

И скачут дети, и глядит на них
С портрета в рушниках цветастых Ленин.
Счастливей поколенье поколенья,
И танец счастья радостен и лих.

Но все ж
не голосует полсела,
Чья кровь и жизнь покой нам окропила.
Они лежат плечом к плечу в могилах.
И вечно бьют по ним колокола.

КОРОБОЧКИ ХЛОПКА

Доброе утро зажглось, как всегда,
После боя курантов.
Еле-еле
Качает огненный ветер
Коробочки хлопка.

Вместе с пчелами
Смуглые женщины
Приходят сюда,
И только придут —
Как светлеют коробочки хлопка.

Только придут
Как земле прибавляется нежность
И радость.

Заговорщицы:
Хлопка шорох и шорох ресниц!

Каждая думает о ребенке своем:
Размышляют,
Что оденут его
В самый лучший наряд
Руки всех матерей,
И земля,
И любовь,
И коробочки хлопка.

УТРО

Зажигает ветер черепицу,
Вот проснется утро с птичьим свистом.
Ну, куда нам, утро, торопиться?
Пусть поспят еще твои горнисты,

Распахнут еще колодцы очи
Отражений и воспоминаний.
Ах, не будем торопиться очень,
Мы от спешки вечной так устали!

В плеске листьев, в плаче листьев светлых
Легкомысленная затерялась радость,
Как роса, что упадет на землю,
Та, какой немного быть осталось.

НА СТРЕЖНЕ ВРЕМЕНИ

Михаил КОЛОСОВ

Он мог бы еще быть среди нас и творить. Мог бы... Но уже прошло более шести лет, как его нет.

Я знал Валентина Владимировича Овечкина на протяжении многих лет, мы жили в одном городе — Курске и были дружны. Это был большой, умный писатель и замечательный товарищ. Вся его многогранная работа была направлена на одно — на жизнь и труд колхозного крестьянства. Он радовался успехам нашей деревни и негодовал, когда сталкивался с недостатками в сельском хозяйстве. И в том и в другом он всегда был искренен до самозабвения.

Писать Валентин Овечкин начал еще до войны. «Прасковья Максимовна», «Гости в Стукачах», «Слепой машинист» и другие рассказы публиковались в журнале «Красная новь» и сразу обратили на себя внимание читателей и критики: они отличались глубоким знанием деревенской действительности, острым взглядом автора на проблемы колхозной деревни. И это не удивительно: к тому времени В. Овечкин уже прошел большую жизненную школу. В 1924 году он секретарь сельской комсомольской ячейки, а через год его избирают председателем сельскохозяйственной коммуны в Ростовской области. С 1931 года начинается его партийная работа на Дону и на Кубани, затем Овечкин — разъездной корреспондент-очеркист в газетах «Молот», «Колхозная правда» (Ростов-на-Дону), «Большевик» (Краснодар). Все это дало возможность будущему писателю не просто наблюдать жизнь возрождающейся на новой основе деревни, но быть ее активным участником, строителем; жизнь эту он познавал не через чьи-то восприятия: собственными руками он делал ее, через собственное сердце пропустил всю до конца. Поэтому тема колхозного крестьянства стала для него главной и, пожалуй, единственной темой. Даже в такой, казалось бы, сугубо военной повести В. Овечкина, как «С фронтовым приветом», речь в основном все-таки идет о селе, о послевоенном устройстве жизни на разоренной фашистами земле, хотя впереди еще год войны, год упорных боев с гитлеровской армией, хотя впереди еще тысячи и тысячи смертей.

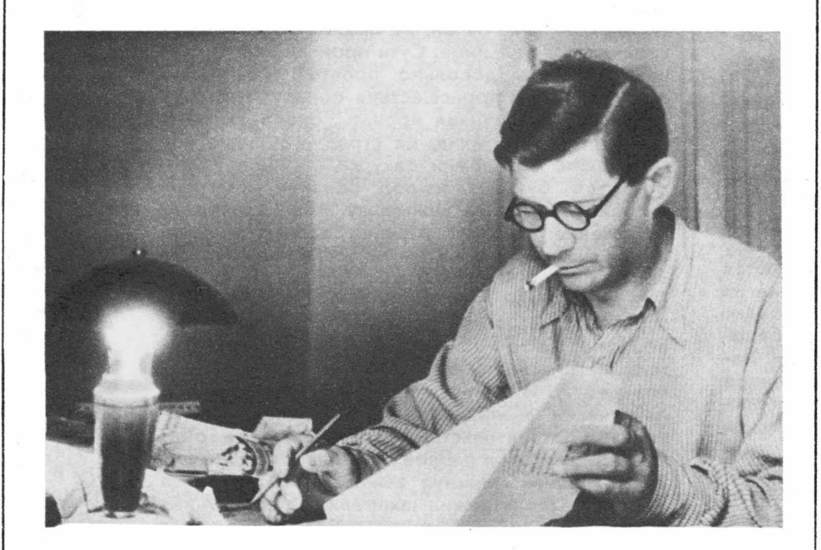
Повесть «С фронтовым приветом» имела большой успех: критики посвящали ей восторженные статьи, читатели засыпа́ли автора письмами, сама повесть в короткий срок выдержала несколько изданий.

Но настоящая писательская слава, о которой может только мечтать литератор, пришла к Овечкину после появления очерка «Районные будни». Это случилось в 1952 году.

«Районные будни» потом разрослись в большую книгу, которая постепенно пополнялась новыми главами: «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками», «Трудная весна». Темой, постановкой проблем, художественной плотью «Районные будни» стали поворотным пунктом во всей нашей «деревенской» литературе. «Борзов, борзовщина»— эти слова сделались нарицательными, а имя писателя очень быстро приобрело всеобщую известность.

Последующие годы — десятилетие с небольшим — были, пожалуй, самыми плодотворными для писателя. В это время он продолжает трудиться над «Районными буднями», создает несколько пьес, пишет новые статьи и очерки, много работает как член редколлегии «Литературной газеты» и журналов «Новый мир», «Подъем» (Воронеж), альманаха «Простор» (Курск). В 1955 году В. Овечкин на Всесоюзном совещании писателей, пишущих на деревенскую тему, делает большой доклад «Колхозная жизнь и литература». В этом докладе писатель дал глубокий анализ состояния дел в нашем сельском хозяйстве в тот период и в литературе, связанной с деревенской тематикой. Результаты совещания не замедлили сказаться — целая плеяда молодых тогда писателей пришла в «большую» литературу со своими интересными, самобытными произведениями о деревне. Надо сказать, что та животворная волна не угасла и по сей день: новое поколение писателей продолжает успешно разрабатывать эту тему и выдавать на-гора́ значительные произведения о людях колхозного села.

«Районные будни» без преувеличения можно назвать главной книгой писателя. Уже первый из составивших ее очерков привлек к себе внимание не только новизной формы, новизной жанра (документальность в сочетании с писательским вымыслом), но и правдивостью, смелостью, с какими были подняты в нем острые проблемы времени. Вопросы партийного руководства и хозяйственного строительства на селе явились здесь не просто предметом художественного отображения в литературе,— В. Овечкин сделал их предметом всеобщего внимания. Смелое развенчание писателем догматизма, очковтирательства, формализма как самых вредных явлений в советском обществе помогало партийным работникам на местах в их деятельности, и поэтому именно они первыми взяли себе на вооружение произведения В. Овечкина.

Разумеется, сила овечкинских очерков не только в их остроте, в глубоком знании писателем жизненных явлений, в своевременной постановке проблем; сила их кроется прежде всего в высоком художественном исполнении, в писательском мастерстве автора, который в своих произведениях, особенно в «Районных буднях», явился в большой степени писателем-новатором. Благодаря этому счастливому сочетанию очеркам Овечкина уготован долгий век. Об этом говорит такой факт: произведения писателя за последние пять лет были изданы большим тиражом, чем за тот же срок при его жизни, а имя Овечкина неизменно звучит на писательских пленумах и совещаниях, когда речь идет о публицистике или литературе о колхозной деревне.

Последние годы, живя в Ташкенте, В. Овечкин тяжело болел. Но и в это время он не переставал трудиться, не порывал связей с людьми, в меру сил своих ездил в колхозы, делал наброски будущих книг.

В письме, которое он написал мне 27 января 1968 года, но не успел отправить, так как в тот же день его не стало, он сообщал:

«Прошу прощения, что долго не писал,— и накануне Нового года и после, весь этот месяц, тяжело болел. Все то же — сердце. И сейчас на строфантине, и стало быть,— на полулежачем режиме. Смог позволить себе лишь поездку к Хвану... в прошлое воскресенье, да и то расплачивался за эту поездку три дня тяжелыми приступами... Только и было всего волнений, что горячие разговоры и споры. Какой я, к черту, стал писатель!.. Малейшее душевное волнение — и вот уже припадок. А разве можно писать, не волнуясь?! Эх!..»

М. Г. Хван, председатель узбекского колхоза «Политотдел», Герой Социалистического Труда, был дружен с писателем. О его колхозе В. Овечкин собирался написать книгу. Когда мне пришлось разбирать архив писателя, в одной из папок я обнаружил план этого произведения, наброски некоторых мыслей об этом хозяйстве и вопросы к Хвану. Этот «вопросник» занимает несколько страниц, и по нему можно легко определить, какую вещь намеревался писать В. Овечкин: это должна была быть книга о торжестве колхозного строя в нашей стране.

В. Овечкин был на редкость интересной личностью. Лирик по душевному складу, исследователь по натуре, государственный деятель по масштабам мышления, коммунист по убеждению и писатель по профессии — таким был этот человек и таким он сохранится в памяти народной. Писатель-новатор, писатель-борец — для него основной заботой была новая жизнь советских людей, и всем своим творчеством, всей своей общественной деятельностью он боролся за эту новь, стремился сделать ее богаче, полнее, прекраснее.

О ПРАВОСУДИИ И

С. В. МУРАШОВ,
начальник следственного управления МВД СССР, генерал-майор милиции, заслуженный юрист РСФСР

ВОПРОС. В последнее время в печати да и в кругах юристов идут споры: не следует ли начинать рассмотрение дела о свершившемся преступлении прямо в суде, минуя предварительное следствие? Что вы могли бы сказать по этому поводу?

Ответ. Прежде всего хотелось бы напомнить, что в нашей стране суд, и только он, решает вопрос о признании человека виновным в совершении преступления, вопрос о применении к нему уголовного наказания. Коммунистическая партия Советского Союза навсегда покончила с любыми формами внесудебного назначения наказания. «Правосудие в СССР,— говорится в Программе КПСС,— осуществляется в полном соответствии с законом. Оно строится на подлинно демократических основах: выборности и отчетности судей и народных заседателей, праве их досрочного отзыва, гласности рассмотрения судебных дел, участии в судах общественных обвинителей и защитников при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм. Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться». Высокий авторитет суда охраняется советским законом.

В деятельности суда в той или иной степени участвуют тысячи граждан. Поэтому и привлекают такое внимание появляющиеся в печати материалы, которые освещают работу суда и следственных органов. Но не могу не заметить, что иногда в газетах встречаются сообщения о преступлениях, которые еще не были рассмотрены судом. Причем нередко авторы таких публикаций даже заранее обещают: «Преступники будут сурово наказаны». Накаляются страсти, создается общественное мнение, создается обстановка, отнюдь не помогающая суду спокойно, беспристрастно разбираться в деле. Думается, что такие преждевременные публикации отнюдь не укрепляют правосудие. Думается, что, пока приговор не вступил в законную силу, не следует публично, пользуясь таким острым оружием, как печать, предрешать вопрос о виновности того или иного лица. Но я, кажется, несколько отвлекся от сути поставленного вами вопроса, хотя все это взаимосвязано. Так вот, еще и еще раз подчеркивая авторитет суда, его огромную роль в нашем государстве, следует помнить, что суд не может осуществлять правосудие без тех, кто помогает ему раскрыть преступление и собрать необходимые доказательства. И главным таким помощником суда является следователь. Именно на него закон возлагает обязанность раскрыть преступление и собрать доказательства.

Уже в первых декретах Советской власти, разработанных при непосредственном участии В. И. Ленина, определивших путь укрепления правопорядка и задачи в борьбе с преступностью, подчеркивалась важная роль предварительного следствия в сборе и проверке данных, которые могут быть предметом рассмотрения в суде.

В истории советского правосудия был, правда, период очень короткий, когда производство предварительного следствия возлагалось на самих судей. Такой порядок просуществовал всего... три месяца: с 7 декабря 1917 года по 7 марта 1918 года. Порядок этот был отменен потому, что такое объединение следственных и судебных функций отрицательно сказывалось на своевременном, быстром и полном раскрытии всех преступлений.

Партия и правительство придают большое значение деятельности советских следователей. Принципиально важным явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 года «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка». За последнее время многое сделано для совершенствования деятельности следственного аппарата. Это позволило значительно ускорить процесс раскрытия преступлений, повысить качество материалов, передаваемых на рассмотрение суда. И лишить суд таких помощников, отказаться от предварительного следствия было бы неправильно. Следователь еще до суда выполняет огромную работу, которую, кстати, не всегда и приметишь в ходе судебного заседания.

...В январе прошлого года в Истре возник пожар в квартире гражданина Афонина. Пожар потушили, но Афонина спасти не удалось: от сильных ожогов он, не приходя в сознание, скончался в больнице. Суть происшедшего сначала казалась довольно простой. Во время осмотра места происшествия обнаружено: обгоревшая деревянная кровать, около кровати на стуле — зажигалка, на столе — бутылка из-под водки, две рюмки, закуска, в куче пепла — открытая бутылка из-под бензина, которым Афонин заправлял зажигалку. Возникло предположение: пьяный Афонин заливал бензин в зажигалку, облился им, а затем чиркнул зажигалкой — и все вспыхнуло. Вот так выглядело это дело. Суду, как говорится, все ясно. И не будь предварительного следствия, дело это, вероятно, на том бы и закончилось. Но следователь Истринского городского отдела внутренних дел А. И. Капитонов привык всесторонне, критически анализировать даже внешне очевидные обстоятельства — достоверны ли они? И вот появляется первое сомнение: как же это так — Афонин чиркнул зажигалкой, загорелся и... аккуратно положил зажигалку на стул! А как горела кровать? Капитонов собрал оставшиеся ее части и обнаружил самостоятельные очаги загорания на обеих спинках. Получалось, что потерпевший плеснул бензином в одну сторону, в другую, на кровать, на себя, и все это произошло при заправке зажигалки бензином. Все версии, сводившиеся к тому, что Афонин пал жертвой собственной неосторожности, постепенно отпали. Следователем была проведена большая, кропотливая работа. И вот появляется новая версия: умышленное убийство. Дальше пошли допросы, очные ставки, тщательный анализ доказательств, и окончательный результат — приговор Московского областного суда, которым за умышленное убийство Афонина приговорена к длительному сроку лишения свободы его бывшая жена Маслова, признавшаяся в совершении этого преступления.

Уникальное по сложности дело провел следователь УВД Амурского облисполкома Ю. М. Мамай. Вначале все выглядело так: хищение на крупную сумму. Место действия — совхоз. В ходе ревизии прораб совхоза Вшивенко похитил наиболее важные документы. Однако и с помощью оставшихся можно было изобличить жуликов. Их арестовали. Но... вмешались стихийные силы: Амур вышел из берегов, и совхозную контору затопило. А когда вода сошла, многие документы оказались непоправимо испорченными. И это еще не все. Начинавший расследование следователь В. М. Старовойтов, возвращаясь с документами по Амуру, попал в беду — его моторная лодка налетела на бревно. Утонул следователь, утонул чемодан с документами. Вести дело поручили группе следователей во главе с Ю. М. Мамаем. И они с честью вышли из труднейшего положения. Очные ставки, магнитофонные записи сделали свое дело. На двенадцатый день на дне реки был найден чемодан с документами. Виновность преступников была доказана. Суд вынес приговор. И вряд ли кто-нибудь из сидевших в зале суда догадывался, какой труд вложен в это, теперь уже сравнительно простое дело.

ВОПРОС. Но следователь действует не в одиночку?

Ответ. Да, конечно. Времена шерлоков холмсов канули в Лету. К услугам следствия — быстро развивающаяся криминалистическая техника, знания и хорошо разработанные методы работы специалистов-криминалистов. А в последнее время на помощь пришла и электронно-вычислительная техника. Раскрытию многих преступлений способствует оперативно-розыскная работа уголовного розыска, аппаратов БХСС, ГАИ. Наконец, участие общественности, населения.

Все это работает на суд и для суда, во имя того, чтобы суд мог точно решить: виновен человек или нет? В свое время М. И. Калинин отмечал, сколь ответственной является следственная работа, ибо от качества следствия зависит судьба живого человека. Именно следователь вносит в дело ту простоту и ясность, в силу которых кое у кого и возникает вопрос: а нужно ли было это предварительное следствие? Не проще ли было сразу передать дело на рассмотрение в суд? Да, после того как следователь провел огромную исследовательскую работу, кажется, что дело настолько просто и ясно, что его можно было решать прямо в суде.

ВОПРОС. Но, вероятно, есть дела, по которым и не требуется предварительное следствие?

Ответ. Нет правил без исключения. Действительно, есть ряд правонарушений, по которым процесс предварительного расследования излишне усложнен. Например, полностью оправдала себя протокольная форма досудебной подготовки материалов о хулиганстве.

Иногда приводятся внешне убедительные соображения: предварительное следствие само по себе ничего не решает, оно существует лишь для того, чтобы подготовить материалы к судебному рассмотрению, обеспечить ясность в деле. Поэтому если преступление очевидно, вина конкретного лица бесспорна, то суд и сам может во всем разобраться, без предварительного следствия. Предлагается примерно такой порядок: задержали преступника, доставьте его в суд вместе со свидетелями. Суд всех допросит, все оформит и вынесет приговор, а вот если возникнут сомнения, тогда уже дело направят на предварительное следствие.

Естественно, такой порядок во многом сэкономит силы аппаратов дознания и следствия, в ряде случаев исключит повторные вызовы свидетелей и т. д. Но тут возникают «подводные камни», которые нельзя не учитывать.

Начнем с небольшой оговорки, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться: если у суда при первичном рассмотрении дела возникнут сомнения, вызванные, скажем, сгово-

СЛЕДОВАТЕЛЕ

ром преступников и свидетелей, то в ряде случаев проводить после этого предварительное расследование уже поздно. Но это, так сказать, техническая деталь. И если бы задача следствия сводилась только к подготовке материалов для судебного разбирательства, то можно было бы перешагнуть этот рубеж и согласиться с теми, кто предлагает упразднить стадию предварительного расследования. В самом деле, если все ясно, зачем нужно еще какое-то предварительное следствие? Скажем, задержан преступник, угнавший автомашину, причем взят он, как говорится, с поличным. Что тут расследовать? А вот в Липецке дело, начатое по очевиднейшему факту (угнали автомашину), завершилось разоблачением целой группы преступников, совершивших хищение государственного имущества в особо крупных размерах. В Риге был задержан в проходной завода рабочий, пытавшийся вынести похищенный спирт. Следствием по его делу вскрыта группа расхитителей, разворовавшая более тонны спирта. Нередко по делам о бродяжничестве раскрываются кражи и грабежи — это все похождения обвиняемых в период их странствий.

Нельзя, наконец, забывать и о том, что лица, совершившие особо опасное преступление, подчас умышленно идут на какое-либо очевиднейшее мелкое правонарушение, надеясь «отсидеться» и уйти от уголовной ответственности за совершенное ими более тяжкое преступление.

Вскрыть все грани преступной деятельности обвиняемого, а не только изобличать его в совершении того преступления, по факту которого возбуждено данное уголовное дело,— вот одна из основных задач предварительного следствия. Выполнить эту задачу непосредственно в суде практически невозможно.

ВОПРОС. Вы четко сформулировали основную задачу предварительного следствия. Но, видимо, это не единственная его задача?

Ответ. Да. Предварительное следствие служит своеобразным фильтром, заранее отсеивающим невиновных и допустивших лишь незначительные правонарушения, то есть лиц, которые вообще не должны попадать на скамью подсудимых. Двуединая формула «ни один виновный не должен избежать наказания, и ни один невиновный не должен привлекаться к уголовной ответственности» в равной степени относится и к суду и к предварительному следствию.

Невиновный не должен попадать под суд — таково требование к каждому следователю. Именно поэтому в органах МВД установлен порядок тщательного служебного расследования каждого факта несоблюдения норм уголовного процесса и других упущений со стороны следователей. Любой такой случай тщательно проверяется и по нему принимаются строгие меры воздействия — вплоть до увольнения из органов внутренних дел и привлечения к уголовной ответственности. Надо сказать, что сейчас такие факты очень редки. Гораздо характернее случаи другого рода.

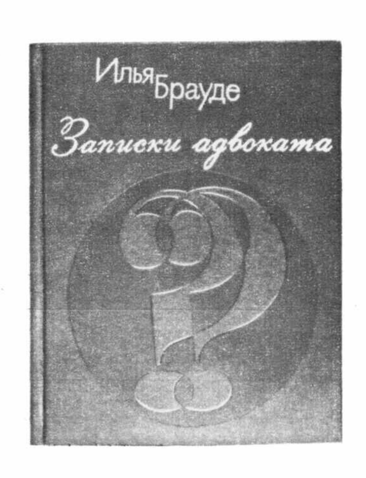
Следователь УВД Томской области В. М. Рублик расследовал дело о причинении тяжких телесных повреждений со смертельным исходом. К уголовной ответственности был привлечен некий Ю. Нашлись и свидетели: мать и сестра обвиняемого прямо указали на него — он во всем виноват! Ю. некоторое время отрицал свою вину, а затем сознался. Дело окончено, можно направлять в суд. А следователь воздерживается. Что мешает? Не без основания он усомнился: «Почему родная мать, родная сестра так легко и быстро стали изобличать сына и брата? Ведь не враждовали раньше, жили, может быть, и не совсем дружно, но в общем-то нормально». И следователь начал все сначала. И что же? Вопреки самому обвиняемому, вопреки его ближайшим родственникам доказал, что Ю. ни в чем не виноват. Преступником оказался муж родной сестры Ю. Почему же мать и сестра обвиняли невиновного? Сказались денежные интересы: Ю. недавно демобилизовался, а муж его сестры хорошо зарабатывал и содержал семью: «Нельзя его в тюрьму...» Следователь позже спросил у Ю.: «Зачем же вы сознались?» Тот ответил откровенно: «Все против меня, все улики против меня, надеяться не на что. Я и решил сознаться, чтобы хоть срок поменьше дали». Вот что выявил следователь, а дело казалось таким простым и ясным...

Иногда полная ясность по делу оказывается обманчивой. Представьте себе такую картину. Идет суд, подсудимый признает свою вину, охотно дает показания и подробно рассказывает о совершенной им автоаварии. Его показания подтверждены автотехнической экспертизой. Начинают вызывать свидетелей — и абсолютно ясное дело вконец запутывается: все свидетели единодушно заявляют, что за рулем сидел не подсудимый, а кто-то другой, совсем на него не похожий. Подсудимый настаивает: «Я совершил аварию». А ему так же настойчиво отвечают: «Нет, не вы!» Суд возвращает дело для дополнительного расследования. И только тогда выясняется, что машиной в момент аварии действительно управлял не шофер, а его начальник. Шофер — молодой, одинокий парень — просто пожалел семью этого человека и взял на себя чужую вину. В данном случае фильтр предварительного следствия не сработал: суду был предан невиновный человек. Следователя обманула кажущаяся простота дела, а главным образом — признание обвиняемым своей вины, признание, несомненно, добровольное, вполне логичное, соответствовавшее объективным доказательствам.

Наконец, надо иметь в виду, что предварительное следствие выполняет еще одну важную задачу — профилактическую. Следователь должен не только изобличить виновного, но и вскрыть причины совершенного преступления, условия, способствовавшие ему. И, конечно же, принять необходимые меры, чтобы устранить эти причины и условия. Следователь выполняет функции не только криминалиста, но и криминолога. Такова характерная особенность советского уголовного процесса. По любому, самому очевидному делу должна проводиться эта работа. И было бы неправильно, да и нереально перекладывать ее на суд.

Видимо, проблема упрощения судопроизводства должна решаться не путем упразднения стадии предварительного следствия. На наш взгляд, следует идти по иному пути. Надо распространить протокольную форму оформления дел о хулиганстве и на некоторые другие преступления, нужно устранить отдельные, излишне формальные правила производства предварительного следствия, без нужды усложняющие процесс.

Беседу вел **Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ.**

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

Брауде, Казначеев, Коммодов... Имена этих выдающихся адвокатов на протяжении многих лет блистали в советском уголовном суде. Кажется, не было ни одного сколь-либо значительного судебного процесса, где бы они не выступали с яркими защитительными речами. Эти советские адвокаты старшего поколения, как и многие их коллеги, унаследовали лучшие традиции известных русских юристов XIX и начала XX веков — Жуковского, Андриевского, Кони, Плевако, Спасовича, Карабчевского, видя свое призвание в том, чтобы оказать квалифицированную помощь обвиняемому, помочь суду полнее и глубже уяснить материалы дела, способствовать установлению объективной истины и вынесению законного и обоснованного приговора, — ничто столь не чуждо советскому правосудию, как осуждение невиновного или назначение наказания, не соответствующего характеру преступления и личности подсудимого.

Мне не раз приходилось встречаться с Ильей Давыдовичем Брауде как с активным участником движения в защиту мира. Я часто слушал его лекции, бывал на судебных процессах с его участием. На судебных заседаниях я всегда проникался глубочайшим чувством уважения к проделанной адвокатом работе. Тщательный разбор защитником доказательств, приведенных обвинением, всесторонний анализ поведения подзащитного в критической для него ситуации, умелый перекрестный допрос свидетелей, острые и остроумные диалоги с представителями обвинения или полемика с экспертизой свидетельствовали о его незаурядном таланте, скрупулезном изучении материалов следствия, тонком знании многих специальных вопросов, не относящихся к чисто юридической стороне дела.

Все это читатель найдет и в документальных новеллах И. Брауде.

Несомненный интерес представляет собой позиция защитника по делам, приведенным в настоящей книге, например, в новеллах «Фатальная встреча», «Загадочный роман», «Убийство или самоубийство?». Глубокое психологическое проникновение в тайники души подзащитных и оценка условий, в которых совершено преступление, даны масштабно, убедительно, ярко. Подкупает своей живостью и неотразимостью впечатления раскрытый адвокатом образ подростка Виктора Абрамова в новелле «Он сказал правду...». Только большой мастер психологической защиты мог так убедительно обрисовать состояние малолетнего человека, поднявшего руку на отца.

Нередко в процессах, в которых выступал И. Д. Брауде, принимали участие в качестве экспертов многие видные государственные и общественные деятели, крупные специалисты-криминологи, представители медицинской науки — такие, как Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, профессора Внуков, Ганушкин, Краснушкин, заслуженные юристы Александров, Галунский, Строгович. В книге уделено большое внимание их роли в установлении судебной истины.

Хорошее и доброе дело сделал писатель Георгий Осипов, сумевший на протяжении многих лет собрать материалы о Брауде, живо рассказать историю рукописи и подготовить к печати эту интересную книгу выдающегося советского адвоката.

Михаил КОТОВ

Илья Брауде. Записки адвоката. М., «Советская Россия», 1974 г., 225 стр.

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

Рисунки И. УШАКОВА.

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

8. Сентябрь, 1943.
Кастаниенбаум,
бюро «Пилатус».

— Еще рюмочку мозельского, Макс? Вы позволите?

— Никогда не пью больше двух.

— И после этого вы будете утверждать, что немцы не рационалисты?

— А вы романтик, мой полковник?

— Конечно! Я родился в горах и впитал их дух.

Осень в горах прекрасна и печальна. Бригадный полковник Лусто отодвигает тарелку с остатками бифштекса и любуется видом. Зелень на склонах еще не начала мертветь, но желтизна вплелась в листву и травы, а кое-где деревья тронул багрянец — предвестник увядания.

С тех пор они видятся часто, и бригадный полковник уже не удивляется объему и точности сведений Макса. После знакомства с Максом Лусто не без оснований считает себя одним из избранных, имеющих возможность, не покидая Берна, переноситься на ковре-самолете в имперские учреждения Берлина.

Вилла Штуц, укрытая в горах, служит 5-му отделению посадочной площадкой ковра-самолета. Лусто приобрел ее и переоборудовал специально для встреч с Максом, закодировав в списках разведки как бюро «Пилатус».

Лусто разглаживает салфетку на коленях и принимается за остуженные сливки. Густые, они с трудом проходят сквозь соломинку, и Лусто делает вид, что полностью занят ими.

В прошлую среду бригадный полковник виделся с Шелленбергом. Это была третья их встреча за годы войны, организованная капитаном Майером-Швартенбахом, и все три состоялись по неприятным поводам. Сначала лейтенант Моергелли, а затем его преемник в Штутгарте Меркель провалились, и гестапо упрятало их в Моабит. За освобождение Моергелли Шелленберг попросил двух своих агентов, арестованных генеральным адвокатом, и журналиста из эмигрантов, чем-то досадившего Гиммлеру. Лусто торговался, но Шелленберг был тверд, и журналиста пришлось отдать. Швейцарский конвой доложил, что на том берегу Рейна его на глазах у всех били сапогами.

— Очень остроумно! — едко сказал Лусто Шелленбергу за обедом в прошедшую среду.— Отныне граждане Конфедерации не будут гадать, что делают в Берлине с теми, кого считают политическими противниками.

Шелленберг выглядел расстроенным.

— Журналиста перехватило гестапо, мои сотрудники опоздали.

— Хорошо,— сказал Лусто.— Я понял вас так, что за Меркеля требуется плата? Какая?

— Ничего нового: дайте Ширвиндта, и Меркель — ваш.

— Боюсь, что это нереально... Ширвиндт — делец, а не писака. Это пахнет запросами в Федеральном собрании и расследованием... Нет, нет, похищение, увоз, мешки на голову — забудьте об этом, генерал! Пограничная стража подчинена не мне и получила приказ стрелять в каждого, кто нарушит контрольный режим.

— Я предложил бы не похищение, а законную высылку в Германию. Судебным путем.

— Ни один суд не вынесет решения без фактов. А где они? Не ссылайтесь на данные имперских служб, я бессилен пустить их в ход.

— Понимаю... Соберите свои! Основу мы вам дали.

Лусто устало посмотрел на Шелленберга.

— Не так все просто... Хотите без обиняков? Так вот... У нас не тоталитарный режим, при котором оправдываются любые действия полиции, лишь бы нашелся кто-то ответственный, кто скажет: «Это — во благо государства». Контрразведка не пользуется правом ареста, ордера дает не полиция, а генеральный адвокат. Что можем мы? Наблюдать, регистрировать, сопоставлять и передавать свои материалы юристам. Они и решают. Но и это не все. Ширвиндт — резидент? Положим, меня вы убедите. Но чем сумею убедить я генерального адвоката? Скажу: встречается с тем-то и с тем-то? Мне ответят: а разве это запрещено? Представлю доказательства, что у него подозрительные связи? Мне возразят: связи сами по себе не преступление... Где рации, явки, «почтовые ящики»? Что я отвечу? Что у меня нет за душой ничего?

— Их можно найти.

— Хорошо, найдем. Но и тогда будет мало улик. Нужно доказывать не то, что у Ширвиндта есть рация или две, а то, что он систематически собирает сведения, направленные против безопасности Швейцарии, и передает их определенной державе. Поймите же, генерал, без прямых улик я бессилен.

Они расстались, не договорившись, и Лусто предложил Жакийяру в первую голову заняться «Геомондом»... Несколько суток спустя подчиненные Жакийяра дали бригадному полковнику справку, из которой он, помимо прочего, извлек и то, что Ширвиндт дважды побывал в издательстве «Нептун».

Дважды...

Об этих визитах Лусто и намерен поговорить, но Макс не проявляет желания идти на откровенность. И надо же было Жакийяру так грубо поставить слежку!

— Так что же все-таки случилось, Макс?

— Это ваши люди, мой полковник?

— Сколько их было?

— До понедельника двое, теперь — трое. Они торчат под окнами «Нептуна» с утра до ночи... А может быть, и ночью.

— Вам не будут мешать, Макс.

— О!

Жестокая ирония, звучащая в восклицании, заставляет Лусто беззвучно вздохнуть. Три года этот человек диктует полковнику условия, не желая считаться ни с какими возражениями.

Макс появился в сороковом, пришел в приемную военного департамента и попросил свидания с кем-нибудь из разведки. Адъютант начальника указал ему на дверь, и Макс ушел, чтобы появиться назавтра со все той же нелепой просьбой. Он был так настойчив, что адъютант позвонил помощнику Лусто, полковнику Жакийяру.

В приемной Жакийяра Макса продержали положенные полчаса, дав ему возможность оставить отпечатки пальцев на деревянной коробке для сигар, обработанной алюминиевой пастой. Скрытые камеры сфотографировали его в профиль и фас, а техническая лаборатория изготовила позитивы.

Меры предосторожности были соблюдены, и Жакийяр принял Макса.

Еще полчаса спустя его принял Лусто...

— Вы запомнили тех троих? — говорит Лусто невинным тоном.— Как они одеты?

— По-разному... Шляпы, плащи, что еще?..

Отблеск горного заката падает на лицо Макса; узкий, запавший рот едва шевелится, выталкивая слова.

Лусто, отбросив соломинку, допивает сливки через край бокала. Высушивает губы салфеткой и достает трубку.

— Согласен: все это неприятно,— говорит он покладисто и приминает табак металлической ложечкой.— Но вот какое дело. В «Нептун» приходят разные люди, и я не хочу, чтобы в одно прекрасное утро вам перерезали горло.

— Охрана — одно, слежка — другое...

— В Люцерне есть агенты СД.

— И это говорите вы?!

Спички в коробке Лусто все как на подбор нехороши. У одной открошена сера, у третьей, десятой и двадцать пятой плохо провощены палочки. Бригадный полковник перебирает их, пока Макс, устав ждать, не достает зажигалку.

— Прошу вас, полковник!

— Спасибо, мой друг. О чем мы говорили?

— О гестапо.

— Да, верно... У него длинные руки. Банальное выражение, но точное. Поэтому я и стараюсь, чтобы среди тех, кто бывает в «Нептуне», не оказался субъект, связанный с Принц-Альбрехт-штрассе.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24, 25.

— В сороковом я пришел к вам и сказал: нацисты расстреляли моего отца и умертвили в концлагере сестру. Швейцарии угрожает оккупация, и я, немец, хочу помочь ей в борьбе за спасение. Тогда вы ничего не вынюхивали. Вы боялись — за эти горы или за себя самого — и приняли помощь, как дар небес. А сейчас?

— О чем вы, Макс? Разве вам не верят? Другой вопрос — ваши корреспонденты, друзья в Германии. Почему они все-таки пошли на это?

— У них свои цели, мой полковник... Однако вернемся к нашим баранам. За кем вы следите?

— Ни за кем конкретно.

— Не хотите говорить? Тогда я сам отвечу... Я долго ломал голову, пока не вспомнил наш давний разговор. Когда-то я рассказал вам о своих попытках предложить информацию англичанам. Вы сделали вид, что вам все равно, но — сознайтесь! — были довольны отказом англичан!

— Макс! — говорит Лусто, и лицо его становится жестким.— Скажите прямо: кто ваши новые друзья?

— Контрвопрос: я нужен вам, мой полковник?

— Я не давал повода...

— Надеюсь, и не дадите. Если новые друзья, о которых мы говорим, пострадают, между издательством «Нептун» и бюро «Пилатус» ляжет пропасть.

Лусто аккуратно укладывает нож на подставку.

— Прошу вас, Макс, не угрожайте. Я не из тех, кто поддается нажиму,— такая уж у меня профессия. К тому же вы неправы. Я не буду охранять никого, кроме вас. Из какого бы лагеря ни были ваши любимцы, они и Швейцария, доверившая мне свою безопасность, отнюдь не идут в одной упряжке. У моей страны своя судьба, и я пекусь о ней, только о ней, Макс!..

— Будьте нейтральны. Этого достаточно.

Лусто чуть-чуть раздвигает губы — ровно настолько, чтобы означить улыбку, но не дать ей появиться.

— Я высоко ценю нашу дружбу.

— Спасибо,— говорит Макс.— Право, полковник, хорошо, когда находится день вроде сегодняшнего, полностью свободный от дел. Не так ли?

9. Сентябрь. 1943. Париж, рю Марбёф — Аустерлицкий мост.

«Марату... Сообщите, можете ли срочно приобрести любые две из перечисляемых книг: Золя «Нана» издания 1922, Мопассан «Монт Ориоль» издания 1935, Морис Ренар «Ошибка Ришара Сегюра» издания 1927. Сименон «Досье агентства «О» издания 1937 и Дюма «Жозеф де Бальзамо» издания 1916 или 1931. Нам представляется необходимым сменить шифры, и, получив от вас сообщение о покупке, немедленно передадим, как эти книги использовать. Ваше предложение по связи — мы имеем в виду расписание передач и частоты — кажется нам приемлемым, хотя и достаточно сложным в техническом отношении, требующим от нас круглосуточного дежурства в эфире. Все же мы готовы начать работать по новому расписанию спустя 72 часа после получения от вас известия о приобретении книг. Мы убеждены, что использование конторы для прикрытия может при определенных условиях привести к провалу. Настоятельно советуем ликвидировать АВС. До решения всех вопросов время передач сократите до 15 минут трижды в сутки. Передавайте только то, что не терпит отлагательства... Профессор».

Бумажка, сложенная колпачком, медленно тает, чернеет, оседая на дно пепельницы невесомыми серыми хлопьями. Жак-Анри ссыпает пепел в конверт, платком вытирает пепельницу и, дав запаху гари улетучиться в приоткрытое окно, достает из стола портфель. До вечера и карт у мадам де Тур много времени и есть возможность переговорить с Жюлем.

Номер Жюля занят, и, пережидая, Жак-Анри кончиком карандаша поворачивает диск. Набирает первую попавшуюся комбинацию... Гудки и голосок:

— Алло?

— Алло...— говорит Жак-Анри, улыбаясь.

— Лилу, это ты?

— Я ошибся... Извините.

— Я тоже. Думала, это Лилу.

— Еще раз извините.

— Какой разговор!

Короткие гудочки отбоя. Держа трубку на отлете и улыбаясь, Жак-Анри рисует в воображении портрет собеседницы. Судя по голосу, она молода, вряд ли старше двадцати. Еще что? Влюблена, сидит дома в полдень и ждет своего Лилу; за секунду голос точно сломался — был радостным и звонким, когда спрашивала, и тут же потускнел...

Жак-Анри прижимает вилку телефона, отпускает и, услышав гудок, набирает номер.

— Месье Дюпле? У меня есть неплохая бронза. Могу я ее предложить?

— Приносите после двух.

Кабинет наполнен свежим воздухом. Пепельница чиста. Жак-Анри запихивает в сумку складную коротенькую удочку, термос и плоскую коробку с бутербродами. Выходя, бросает секретарше:

— Я здесь, но не принимаю.

— Хорошо, господин Дюран! Месье Гранжан...

— Завтра!

Месье Гранжан подождет. Чеки, счета, дела с акцептами и векселями — все это терпит. Не так уж велик оборот АВС, чтобы бухгалтер стонал от обилия работы. Сделки мельчают: все, что представляет хоть какую-нибудь ценность, скуплено немцами; на долю французских комиссионеров остаются крохи.

Дряхлое такси везет Жака-Анри к Аустерлицкому мосту и освобождает его из травленых пылью недр в нескольких шагах от набережной. У лодочника находится складной стульчик — пять су в час — и баночка мотыля — три франка; он помогает Жаку-Анри

свинтить удочку и, получив плату вперед, советует:

— Не оборвите леску, дружище. Здесь щуки, как акулы.

— А плотва?

— Смылась в Биарриц на бархатный сезон.

Жак-Анри и сам знает, что в сентябре нет клева, но это его не смущает. На пустой набережной под сводами моста никто не помешает им с Жюлем поговорить о делах. Ближе к вечеру появятся влюбленные, и придется уйти.

Раздвинув стульчик, Жак-Анри усаживается и, обстоятельно исследовав содержимое коробки, выбирает мотыля. Шельмец лодочник подсунул завалявшийся товар — на такую полудохлую мелочь плотва не пойдет даже с отчаяния. Жак-Анри насаживает червяка на крючок и дует на него. Поплевать на червя нельзя — так делают где-нибудь на Клязьме, но не в Париже.

— Месье позволит?

Раздвижной стульчик едва не расползается под тяжестью Жюля.

— Опаздываешь,— говорит Жак-Анри.

— Как назло, принесли фарфор для оценки. Что-нибудь поймал?

— Нет. Сколько он с тебя содрал за червей?

— Хотел три, но согласился на франк.

— Ты всегда был практичнее,— говорит Жак-Анри с легкой завистью.

Жюль забрасывает крючок и — надо же!— почти тотчас тащит его обратно: на конце лески бьется плотвичка. Минуту или две она поглощает все внимание Жака-Анри: брошенная в банку с водой, рыбешка описывает круги, тычется в прозрачные стенки. Целая армия котов, дремавших дотоле где-то в сухих уголках, берет Жака-Анри и Жюля в плотное, мяукающее кольцо. Это коты-рыболовы, они здесь живут и сейчас возмущены: двое в плащах — скупердяи или новички, не знающие, что по обычаю первая рыба полагается им, котам.

— Отдадим? — предлагает Жак-Анри.

— Этим? Нет, старина. Их слишком много, и они хищники... Ненавижу хищников — так уж я устроен.

Жак-Анри оглядывается — коты смотрят на банку жадными глазами. Бока их впалы, хвосты нервно подметают гранит. Жак-Анри крошит бутерброды и бросает куски котам. Чем они виноваты, что сейчас не сезон, а у Жюля слишком доброе сердце?

— Есть ответ? — спрашивает Жюль.

— Пришел ночью. Потому я тебя и вызвал.

— И, конечно, экстра и, конечно же, весьма срочно.

— Ты угадал,— говорит Жак-Анри.— Предлагают ликвидировать АВС или выйти из дела.

— А есть ли смысл?

— Думаю, есть. Пока рации молчали, боши были уверены, что меня нет в Париже. Но с августа специалисты Шустера должны были разубедить их: радисты имеют известный им почерк, а что касается системы, то она в основном сходна с той, что применялась нами в «Эпок». Если бы ты оказался на месте Рейнике, где бы ты искал Леграна в первую очередь?

— Только не в комиссионных фирмах. После «Эпок»...

— Ой ли? Такова или примерно такова была первая мысль Рейнике. Потому до известной поры гестапо, абвер и дарнановская агентура обходили АВС... Но вот мысль вторая: а почему бы и нет? Ты Рейнике, и ты говоришь себе: «Легран и его люди работают не по шаблону и уверены, что я это принимаю в расчет. Как раз поэтому они делают ход «шаблонный»: вновь прикрываются комиссионной конторой».

Жюль едва не роняет удочку.

— Черт побери!

— Реально?

— Боюсь, что да. Жаль АВС!

— Нужны покупатели, Жюль. Ты сможешь найти — осторожно, не впутываясь в переговоры?

— Попробую... Недели хватит?

Дождь усиливается, но коты, подобрав все крошки, терпеливо мокнут, карауля банку. Плотвичка мечется по кругу — ищет выход и не находит. Жак-Анри вытряхивает из коробки прилипшие ко дну волокна ветчины и манит ближайшего кота — полосатого, длинноногого, с впалыми боками:

— Тц-цц-ц...

Кот лапой цапает ветчину и удирает — хвост трубой. Жюль грозит ему вслед кулаком.

— Он голоден, бедняга,— говорит Жак-Анри и ежится, вода с поднятого воротника плаща скатывается за шиворот, растекаясь по спине.— У тебя есть календарь?

— Есть,— говорит Жюль с недоумением.— Даже два — стенной и карманный.

— Нужен стенной. Ты заметил, там для каждого дня указано время восхода и захода солнца?

— Ну и что?

— Профессор и я договорились о новой схеме связи. Радисты опять получат по пять квартир в разных концах города — слава богу, что плату мы внесли еще год назад. Передатчики у нас есть, и дело не за ними,— трудно со сменой частот.

— Время восхода?..

— Браво, Жюль! Все довольно просто: суммируем время восхода и захода и получаем цифру, которую прибавляем к основной частоте — 10 400 килогерц. Для каждого дня будет иная, совершенно новая.

— Неплохо,— говорит Жюль без особого энтузиазма.— Но ответь мне: смена частот при постоянных часах выхода в эфир — тот ли это лабиринт, в котором блуждают бесконечно? Радиоабвер набил руку на таких вещах!

— Не спорю, но календарь — кладезь премудростей. Там есть не только время Парижа, но и данные по Токио и Берлину.

Жюль оживляется. Намокшие волосы лезут ему в глаза, и он отбрасывает их со лба.

— Один день — по парижским часам, другой — по берлинским, третий — по Токио!

— Прохладно, Жюль!

— Какая-нибудь задача со сложением и вычитанием?

— Теплее.

— Послушай, старина, оставь ты это «холодно-горячо».

— Это тебе за жадность... Ладно! Ты угадал: каждый день действительно будет начинаться для радистов не в ноль по парижскому времени, а по Токио — по четным или Берлину — по нечетным числам. Но этого мало. Время восхода и захода — но не солнца, а луны — будет тоже приниматься в расчет, прибавляясь к часам и минутам, обусловленным расписанием передач. Получится настоящий хаос. Вчера, скажем, наши передатчики работали с юго-востока, юго-запада и севера и начинали сеанс в 9.43, а завтра они выходят на совершенно иной частоте и отстукивают свое в 17.51 с северо-востока, северо-северо-запада и юго-юго-запада... И вот что, Жюль, я думал о радистах.

Жак-Анри нагибается над банкой и пальцем подгоняет приткнувшуюся к стенке рыбу. Плотвичка скользит вокруг пальца, извивается, пытаясь найти дорогу на волю.

— Оставь ее,— говорит Жюль.— Что о радистах?..

— Их надо прикрывать. Работать они могут не дольше четверти часа, и с улицы — с обеих сторон — должны быть наши люди. Лучше всего, если поблизости окажутся телефоны,— о появлении немцев радисты должны узнавать как можно раньше.

— Придется использовать для прикрытия твоего Техника, связных и помочь самому.

— Договорились.

Жюль одним махом выплескивает воду из банки; плотвичка исчезает в Сене, и Жак-Анри выбирает удочку.

— Еще что? — говорит Жюль и стряхивает воду с воротника плаща.

— Нет ли местечка в вашей лавке? После АВС мне хотелось бы подыскать работу, связанную с разъездами.

— Это просто. В провинции полно желающих продать фарфор, картины, стекло...

— Тогда через неделю? — говорит Жак-Анри.— Возьми на себя документы. Карточки я достаю без труда... Как твоя дружба с Гранжаном?

— Водой не разольешь.

— Он очень понадобится. Если Рейнике выйдет на АВС, Гранжан окажется первым, кто почует запах гари: кагуляры его предупредят.

Дождь все идет — колкий и частый. Жак-Анри укладывает удочку в разбухшую от влаги сумку и думает, что за разговором о передатчиках, телеграмме и прочих делах забыл сказать Жюлю, что у него, Жака-Анри, сегодня день рождения. Впрочем, так ли это важно? День как день — ничем не лучше в веренице других.

10. Сентябрь, 1943.
Шамбери — Париж, рю ль'Ординер.

Местный поезд Шамбери — Лион, составленный из случайных вагонов, плетется со скоростью травяной улитки, и Жак-Анри из окна с сочувствием поглядывает на задыхающийся паровоз.

Еда — тема номер один в купе, и только двое не принимают участия в беседе: Жак-Анри и худенькая девчонка с белесыми волосами. Они сидят рядом, и Жак-Анри заметил, что свою плетеную корзину, перетянутую поцарапанным поясным ремешком, она постаралась затолкать как можно глубже под диванчик.

— Крестьяне обнаглели: за платье из маркизета мне дали кусочек масла не больше кукиша величиной.

— Оставьте! Они и сами ничего не имеют! В Ляжоли я видела, что́ они едят — луковый суп без масла!

— Это так. Проклятая жизнь...

— Эй вы, тихо!

Из-за спин любопытных, заглядывающих в купе из коридора, протискиваются трое. Немолодой полицейский, солдат и штатский. Это он крикнул: «Тихо!» — на хорошем французском, почти без признаков акцента.

— Документы, вещи, пропуска! Прошу соблюдать спокойствие. Начнем с вас...

Пожилой усач, сидящий у дверей, принимается торопливо шарить за пазухой.

— Прошу, господин офицер.

— В порядке! Ваши?

Жак-Анри держит наготове удостоверение личности, подтверждающее, что он служит разъездным оценщиком в антикварном магазине.

— Мадемуазель?

Пока немец изучает документы, полицейский роется в корзине. Жак-Анри, не поворачивая головы, следит за его пальцами. Белый плоский сверток высовывается из-под пожитков. «Аван...» — успевает прочесть Жак-Анри, и сердце его екает. «Авангард». Нелегальная газета объединения франтиреров и партизан!.. Полицейский разгибается и говорит:

— В порядке, по-моему.

— Разве?

Штатский отодвигает плечом ажана и пальцами левой руки берет девушку за подбородок; в правой у него веером развернуты фотографии. Полицейский отводит глаза.

— Ваше имя?

— Софи Соланж... Что-нибудь не так?

На лбу у девушки пот, но голос не дрожит.

— Софи?.. А не Камилла? Какое сходство!.. Встать! Где твои вещи? Корзина — и все?.. Пойдешь с нами!

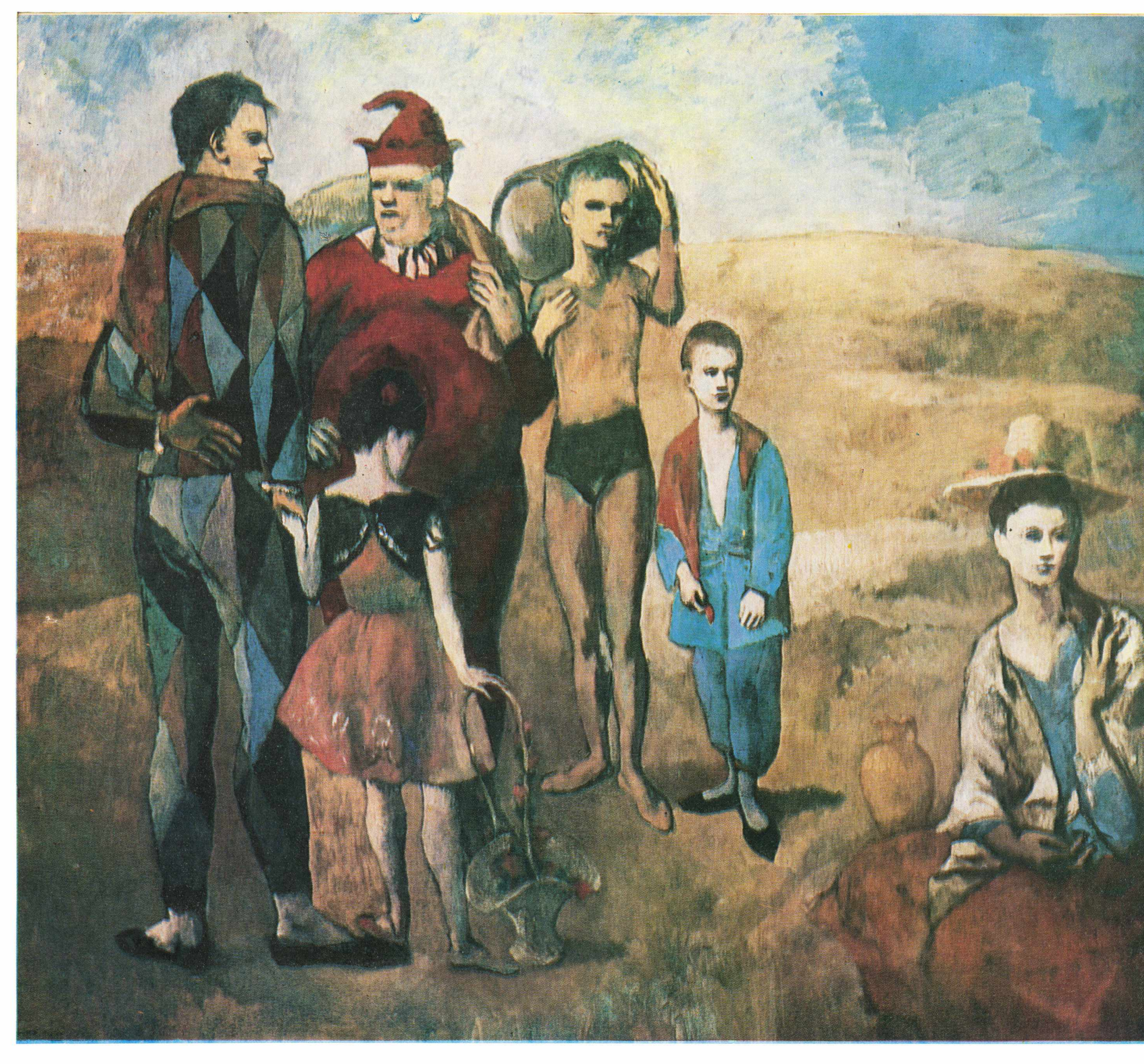
Он очень чисто говорит по-французски — этот гестаповец. Жак-Анри с трудом различает разницу в «р» — оно чуть более картаво, чем надо. Девушка держится молодцом; полицейский помогает ей поднять корзину, и они идут к выходу, провожаемые подавленной тишиной. В дверях ажан спотыкается, толкает гестаповца в спину, и секунды замешательства как раз хватает, чтобы сверток ухитрился выскользнуть из корзины и шлепнуться к ногам усача. Тот вскакивает.

— Мадемуазель! Вы уронили!..

Лучше б никогда не видеть! Это не лицо — маска, белая и безжизненная. Жак-Анри, не шевелясь, смотрит, как девушка, присев, подбирает сверток, и белая маска не дергается, не дрожит...

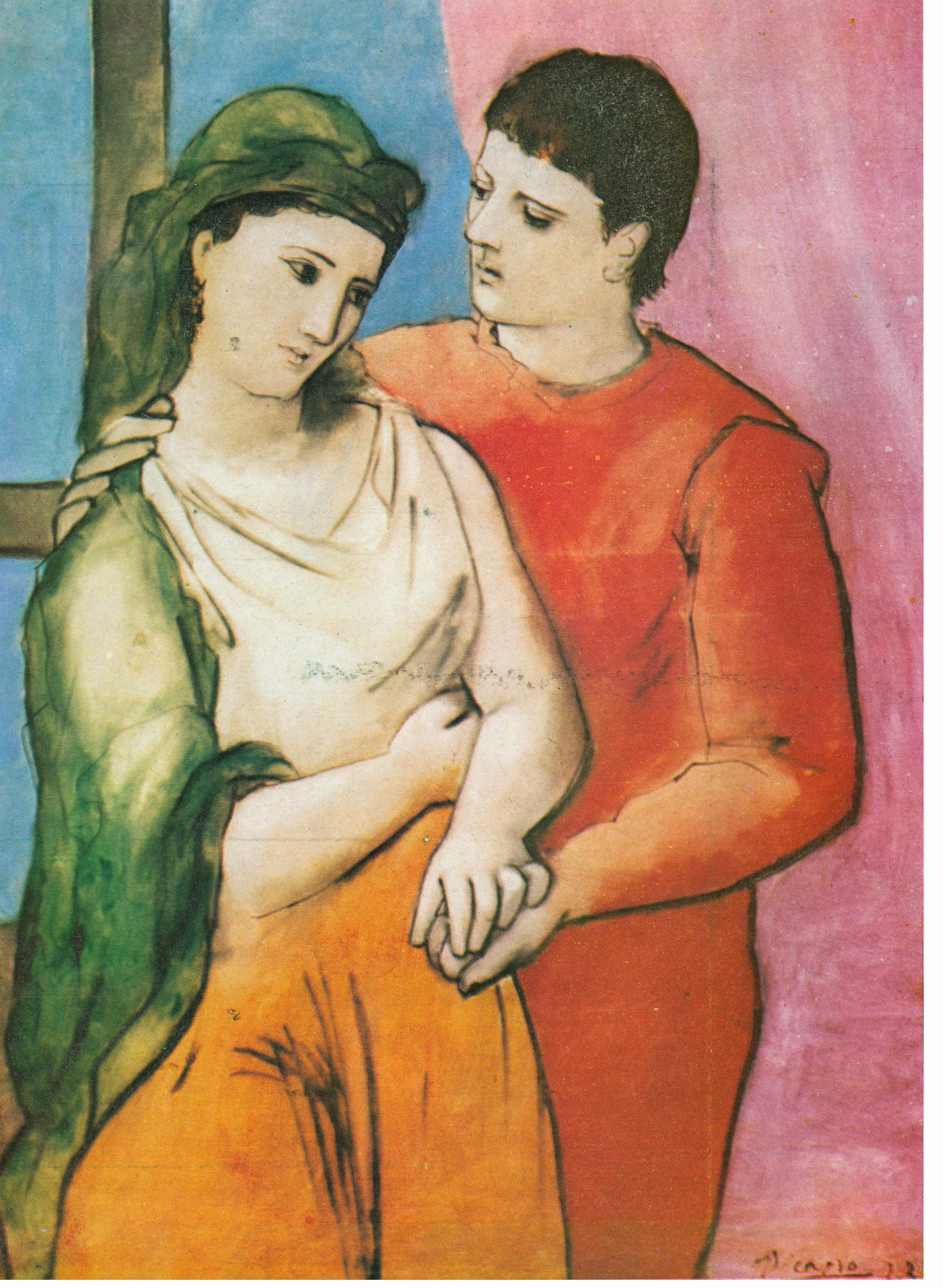
До самого Лиона Жак-Анри не может прийти в себя. И позднее — после пересадки — сцена, разыгравшаяся в пути, вновь и вновь, настойчиво повторяясь, возникает перед глазами. Полицейский, «не заметивший» газеты. Штатский с его пробором и правильным французским языком.

Роковые мелочи — им несть числа. Никак не угадать, какая именно погубит тебя самого...

Пабло Пикассо. 1881—1973. СЕМЬЯ ИЗ САЛТИНБАНКА. 1905.

Вашингтон. Национальная галерея.

Пабло Пикассо. ВЛЮБЛЕННЫЕ. 1923.

Вашингтон. Национальная галерея.

В Париж поезд приходит в полночь с минутами, и Жак-Анри до рассвета сидит на вокзале. Задремать не удается: каждый час патрули проверяют пропуска и удостоверения. Контрольный режим усиливается не по дням, а по часам. За несколько суток комендатура могла провести очередную перерегистрацию, пометив документы штампами, но все обходится — и при первой проверке и при последней.

Такси нет, и на рю ль'Ординер Жак-Анри едет в метро с двумя пересадками. Саквояж с образцами он держит на коленях. Статуэтки, фигурки из фарфора и бронзы — наглядное оправдание целесообразности поездки в глазах владельца антикварного магазина.

Как и положено разъездному агенту, Жак-Анри входит в магазин не через улицу, а со двора. Винтовая железная лестница ведет наверх. Цепляясь за ступени тяжелыми носами ботинок, Жак-Анри медленно поднимается; на часах — десять без нескольких минут, и Жюль должен быть у себя.

После встречи у Аустерлицкого моста и разговора Жюль ожил. Жак-Анри при всей своей опытности вряд ли сумел бы так быстро и без потерь продать АВС, если б не Жюль, нашедший в сонме посредников единственного, кто имел на примете готового покупателя. При этом Жюль сманеврировал так, что остался в стороне — человеком без имени и адреса, и Жак-Анри тоже не участвовал в переговорах с господами, выкупившими пай. Даже Гранжан, страж финансов фирмы, узнал о сделке в самый последний миг и пожаловался Жюлю, что господин Дюран, уходя, мог бы выплатить ему тантьему — этакий скупердяй! «А где он сейчас?» — вскользь поинтересовался Жюль. «Говорят, в провинции и неплохо устроился».

Перед поездкой за антиквариатом Жак-Анри свел Жюля с Техником, поручив им прикрыть Луи во время сеансов. Техник перевелся в ночную смену, отдав телефон Рейнике под надзор надежному парню: тот и раньше помогал Технику, и Жюль считал, что он справится.

Из вояжа Жак-Анри везет Жюлю подарок: домашние туфли с ручной вышивкой. Таких в провинции хоть завались, зато в Париже не сыщешь ни за какие деньги.

Предвкушая удовольствие, Жак-Анри заранее улыбается.

Жюль один в комнате — сидит у окна и, оттопырив щеку языком, бреется. Мыло — серый эрзац — редкими хлопьями покрывает щетину; у виска — бумажка, наклеенная на свежий порез.

— Последний лоск? — говорит Жак-Анри и хохочет, любуясь, как Жюль от неожиданности роняет помазок. — Поздно встаешь, старина.

Жюль молча нагибается и поднимает помазок. Серое мыло стекает по шее, капает на воротник. Жак-Анри умолкает: так не встречают друзей, если все в порядке.

Поставив саквояж, Жак-Анри присаживается в кресло. Спрашивает:

— Ну?

— Луи,— коротко и быстро отвечает Жюль.— Позавчера.

— На радиоквартире?

— На улице. Была большая облава: немцы, дарнановцы, мобильная гвардия,— хватали всех подряд... У него была граната.

— Он бросил ее?

— Нет... Его увезли в грузовике. Вместе с другими.

— Дай сигарету...

Что известно Луи? Адреса пяти радиоквартир, явка у метро — что еще? Ах, да — Жермен и явка в кабачке.

Жюль платком вытирает недобритые щеки.

— Я думаю, вдруг все-таки обойдется и его отпустят? У него броня от авиазавода. Он же сборщик... Если он избавился от гранаты, то вряд ли засветится.

— Да, да,— говорит Жак-Анри невпопад, думая о своем.

— Не понял?

— Может быть, и обойдется. Будем надеяться, старина.

Продолжение следует.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ЛЕНИНГРАД

НА ДОРОГЕ — «ИКАРУС»

«Икарус» на Невском. Фото В. Владимирова.

На Невском проспекте оранжевый автобус «Икарус-280» — новая модель. Вторая такая же машина испытывается в Сибири, третья — на Черноморском побережье Кавказа. Это последний экзамен перед запуском в серию.

В Ленинграде «Икарусов» много. Их как-то сразу полюбили за удобство, комфорт. Они хорошо вписываются в пестрый поток городского транспорта. И количество их с каждым годом увеличивается. Только производственное объединение автобусного предприятия № 1 эксплуатирует 350 венгерских «Икарусов». Идут испытания машин разных серий: для международных, междугородных, пригородных и внутригородских линий. Когда будут выяснены и устранены все недостатки, фирма начнет брать заказы на поставку новых машин. Наша страна — самый крупный импортер этой фирмы.

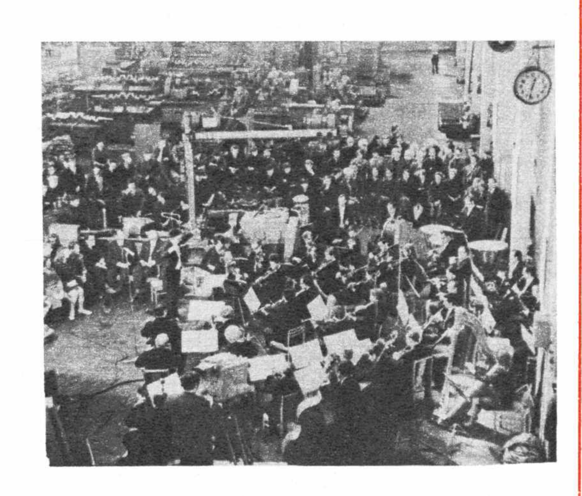
Производственное объединение не только большой исследовательский полигон «Икарусов», но и лаборатория, изучающая их в эксплуатации. Свыше сорока водителей уже значительно перекрыли нормы гарантийного пробега машин. Наилучших показателей достигли шоферы С. М. Полищук и Д. М. Чепко. Оба они, а также бригадир слесарей-ремонтников Л. А. Голицын и генеральный директор производственного объединения В. В. Марченко удостоены правительственных наград Венгерской Народной Республики.

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

●

ХАБАРОВСК

МОЦАРТ В... ЦЕХАХ

В обеденный перерыв в больших и светлых цехах звучит музыка. Это бывает в первый четверг каждого месяца.

Концерты проходят на двух хабаровских заводах: «Дальдизеле» и «Энергомаше». Здесь исполняются произведения Глинки и Чайковского, Бородина и Листа, Огинского и Штрауса. В гости к рабочим приезжают симфонический оркестр Хабаровской краевой филармонии под руководством дирижера Виктора Тица и сотрудники студии телевидения вместе с ведущим музыкальных передач Петром Ивачевым.

В. АНИКЕЕВ. Фото автора.

●

ТАЛЛИН

РЫБАЦКИЙ МУЗЕЙ

Фото В. Сальмре.

Там, где мелкая волна тихо плещется у валунов, где сосны упорно цепляются за скупую землю, а с берега в вечной дымке виднеются островерхие силуэты Таллина, находится рыболовецкий колхоз имени Кирова. До Советской власти тут стояли хижины рыбаков под замшелыми соломенными кровлями да у причала качалось несколько десятков лодок. Теперь здесь город рыбаков, не уступающий по красоте и комфорту многим таллинским кварталам. Хозяйство колхоза крепкое, люди живут в большом достатке.

На одном из собраний рыбаков председатель колхоза Оскар Кулль предложил создать музей рыбацкого быта и труда: «Пусть знают молодые, как трудились их деды!»

Сказано — сделано. Начался сбор экспонатов. В коллекции будущего музея их вскоре оказалось более тысячи, и Хейно Лууп, колхозный художник — есть здесь и такая должность,— принялся за оформление стендов. Сравнительно недавно музей был торжественно открыт.

У входа установлена лодка, которой не меньше ста лет, на стенах развешаны сети, сплетенные руками рыбачек. Видим мы здесь и предметы домашнего обихода, утварь, посуду, коллекцию расписных стенных часов, старинных утюгов, самоваров.

В современном отделе много интересных стендов, рассказывающих о достижениях колхоза. Известен этот колхоз своими тридцатью тремя сортами рыбных консервов, среди которых «Таллинские кильки», отмеченные Знаком качества. Но не одной рыбой могут тут похвалиться, а и мехами со зверофермы, цветами из колхозных оранжерей, Домом быта, ателье мод, в котором работают лучшие портные Таллина.

1 600 экспонатов уже вместил рыбацкий музей, а поступления продолжаются.

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

ВЕТКА СИРЕ

Ю. СБИТНЕВ

Я не был знаком с ним, мне не довелось видеть его в жизни, но вот случилось так, что услышал о нем, увидел воочию дело его удивительных рук, и щемящей болью захлестнуло сердце: «А ведь мог бы знать, мог бы встретиться... Мог бы рассказать о нем людям тогда, при жизни». И так, вероятно, не у одного меня, у многих, кто услышит о чародее Русского сада Леониде Алексеевиче Колесникове.

Как несправедливо поздно подчас узнаем мы о людях, негромко творивших свой жизненный подвиг! Как часто их имена приходят в отечественную историю много лет спустя после смерти этих людей...

В редакцию принесли приглашение: «Уважаемый товарищ! Институт советско-американских отношений, Дом дружбы с народами зарубежных стран, ВАСХНИЛ, НИИ овощного хозяйства приглашают Вас на вечер, посвященный памяти выдающегося селекционера-сиреневода, лауреата Государственной премии Леонида Алексеевича Колесникова и присуждению ему приза «Золотая ветка сирени».

Вот с этого и началось. Только я развернул приглашение и взглянул на портрет большелобого седого человека с добрым взглядом умных и острых глаз, как память перенесла в далекое былое.

...Сорок второй год. Ранняя весна. Оплывшие глиняные стенки, низкий накат сырого, в голубой плесени, потолка узкой и довольно глубокой щели — бомбоубежища, вырытого дедушкой подле дома. Земляные нары, на которых теснится вся наша семья во время бомбежек. Запах земли... Мне не забыть его никогда, этот запах, который смыкался над нами, как только спускались мы в щель. Его, так казалось мне, мальчишке, не пробить никакой пулей и никаким осколком и даже бомбой.

А потом, уже ближе к маю, тот же густой, но какой-то бесшабашный и радостный, хранящий меня запах земли. Я рою подле дома яму. Одну, другую, третью, четвертую... Тот же сорок второй, те же надсадные, словно задыхающиеся от злобы гулы фашистских самолетов, те же белые выплески разрывов зенитных снарядов, которые мы по неопытности принимали в начале войны за парашюты вражеского десанта, и дедушка упрятывал нас в бомбоубежище, словно невзначай клал под руку топор...

Еще рядом враг, еще рядом льется кровь, все еще в напряжении, но уже что-то изменилось. Тяжелое колесо войны, остановившись, пока еще очень медленно закрутилось вспять.

И вот я с противоположной от щели стороны дома сажаю тоненькие прутики саженцев. Их выдал мне в кружке юннатов учитель биологии Сергей Филиппович Шаповалов. На каждом саженце бирочка: груша бессемянка...

Я пристально разглядываю лицо удивительно близкого мне человека, уже не на приглашении — на фотографии. Леонид Алексеевич Колесников в своем саду среди сирени.

И снова приходят воспоминания. Лето сорок третьего. Наш тесный, но кажущийся таким огромным зал районного Дома культуры. Гремит духовой оркестр, ребята из детдома играют «Священную войну». Остриженные, с тоненькими шеями, на которых набухают синие-синие вены. Они, собранные страной на дорогах Белоруссии и Украины, Молдавии и Орловщины, Курска, Ростова, Одессы, Севастополя — да разве перечислить все места, где находило их сердце матери-Родины, где прикрывала их солдатская спина,— они встречают сегодня каждого выступающего музыкой, ставшей гимном мужества.

Районный слет пионеров — мальчишек и девчонок, работающих в колхозе.

Выступает мой друг, худенький, с тоненьким синичьим голоском. У него выработано уже 40 трудодней. «Все для фронта! Все для победы!» — кричит он в зал, и зал откликается криками, мы неистово бьем в ладоши. И стриженые ребята из детдома гремят трубами, провожая моего друга: «Идет война народная, священная война...»

Да что же это такое?! Почему эти вот воспоминания? Почему? Ведь он — этот чародей и кудесник Колесников — всю жизнь выращивал, лепил, создавал, возводил сирень!

Почему же думаю я о тех трудных днях, почему вспоминаю о них?

Сирень к нам пришла позднее. Букеты ее плыли над толпою Белорусского вокзала. Над эшелонами, над победителями. Она плыла, она буйствовала, она смеялась и радовалась, сирень Колесникова, в тот год народного триумфа. И мало кто знал, что у этого удивительного русского, удивительно близкого каждому цветка есть свой создатель, вызвавший к жизни эту красоту. И он был тут среди тысяч, смахивающих с глаз своих слезу радости.

В сорок шестом, а может быть, и позднее,— вот этого точно не помню,— Людмила Алексеевна Улиткина, биолог нашей Лопасненской средней школы, рассказывала о сирени, о лепестках и тычинках, об удивительных разнообразных ее сортах. Вот тогда-то впервые и услышал я о Леониде Алексеевиче. Вот тогда-то впервые вышли мы с учащимися школы и Людмилой Алексеевной на пустыри и заложили первый школьный сад.

А сколько потом, уже с другими учащимися, было заложено садов — и школьных, и колхозных, и городских.

Тогда мы закладывали первый. А вскоре та же Людмила Алексеевна Улиткина сказала нам на уроке, что селекционер-сиреневод Леонид Алексеевич Колесников удостоен Государственной премии.

Детство напомнило мне это доброе русское лицо... Первое приобщение к земле напомнило... Мысль позвонить Леониду Леонову пришла неожиданно.

Наверняка Леонид Максимович хорошо был знаком с Колесниковым. Да, кстати, селекционер вывел сорт сирени, который назвал «Леонид Леонов». И я звоню Леониду Максимовичу.

— Колесников! Как же, как же, это же прекрасно. Написать о нем? Это великолепно,— гудит в трубке чуть глуховатый голос писателя.— Приезжайте. Весна, понимаете, запоздала — я все время копаюсь в земле. Но все равно приезжайте. Колесников — это прекрасно. Жду вас. Когда? Хотите, нынче, к семнадцати...

Леонов встречает нас у ворот. Приблудная, но вполне освоившаяся в саду собачонка отчаянно лает.

— Это она от страха,— говорит Леонид Максимович,— такая жалкая была, а теперь вот, видали, лает...— И, здороваясь, протягивает руку. Ладонь у Леонова темная, загоревшая и наждачно-шершавая, чуть-чуть расплюснутая в суставах, как у каждого человека, много трудящегося на земле.

— Деньки, понимаете, установились погожие, работы в саду много...

Сад у Леонова необыкновенный. В нем нет обычных, в рядок высаженных, окопанных и побеленных яблонь, аккуратно подвязанных шпалер малинника или выхоженных плантаций земляники. В саду у писателя есть все и все необыкновенное... Конечно, есть и колесниковская сирень.

— Кстати, вы что, специально договорились с Громовым? Он сейчас приедет...

Я говорю, что с Громовым не договаривался о встрече и даже не знаю, кто это такой.

— Ну как же, Андрей Николаевич Громов, ученик Леонида Алексеевича Колесникова. А кстати, вот и он...

Мы сидим в кабинете великого писателя, окно распахнуто в сад, и я хорошо вижу набухшие, готовые вот-вот раскрыться тяжелые гроздья сирени.

— Я считаю, что произошло событие, которое очень поучительно: посмертно Колесников получил приз Международного общества сиреневодов — «Золотая ветка сирени». Приз и широкое признание как селекционер сирени,— говорит Леонов.— Само появление Колесникова имеет воспитательное значение для общества, для молодежи. Но Колесников не только селекционер, он рабочий. Тут получилось слияние умственного, духовного и физического начал. Колесников работал на автобазе и был влюблен в сирень. Это увлечение открыло ему окно в мир. Его можно назвать ваятелем. Леонид Алексеевич был влюблен в литературу, искусство и хотел создать сорта сирени, отвечающие характеру, стилю русской классической литературы. У него были чуткие руки скульптора. Вы понимаете, он ими лепил не глину, не камень высекал, он лепил живое. Я помню, когда первый раз пришел к нему, то просто поразился обилию созданного им. Был ошеломлен. Каскады, гроздья сирени...

Судьба Колесникова была очень тяжелая. Но я никогда не слышал ни одной ропотинки, упрека. Сиреневый сад Колесникова должен стать достопримечательностью Москвы. Человек, влюбленный в свое дело, может творить чудеса. Это поразительный пример для молодежи, любителей природы: вот куда можно направить энергию. Когда было торжественное заседание в Доме дружбы, собралось много людей. Я этого, честно скажу, не ожидал. В Москве обязательно должен быть сад Колесникова. Там надо собрать всю его коллекцию сирени. Мы всем показываем старину, а такое улыбчивое творчество (иначе не назовешь) разве не следует показывать?

Я увлекаюсь растениями давно, более 50 лет. В 1947-м написал статью в «Известиях» «В защиту друга». Статья вызвала очень много откликов. В ответ на эту статью люди тогда посадили около 50 миллионов деревьев. Вот тогда, когда я от городской зелени перешел к судьбе леса, когда шел по дороге к написанию романа, я столкнулся с Колесниковым. Я увидел человека, который предан делу, любит его.

Андрей Николаевич,— вдруг обращается Леонид Максимович к Громову,— расскажите о судьбе наследия Колесникова. Я не знаю, где, но должен обязательно быть сад Колесникова. Может быть, на Выставке достижений народного хозяйства, может быть, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, и чтобы каждый год люди отмечали день памяти Колесникова. Колесников — человек, которым мы вправе гордиться. Его фамилия — национальное достояние.

— Леонид Максимович,— чуть наклонившись над столом, за которым мы сидим, говорит Громов,— Моссовет принял решение создать у Щелковского шоссе опытно-показательный питомник, сиреневый сад. Но территорию эту начинают застраивать. Решение пока не выполняется.

— Питомник, конечно, должен быть, потому что этот человек фактически открыл сирень,— говорит Леонов.— Именно открыл и показал ее не только людям, ко-

НИ

торые вплотную не сталкивались с сиренью, но даже специалисты были удивлены, ошарашены. Когда в 1938 году Колесников представил 60 сортов лучшей сирени — и зарубежные и свои,— то специалисты удивились. Они просто не представляли, что существует такое разнообразие сирени. И он в то время еще готовил к экспозиции в сорок первом году два экземпляра, на которых на одном было привито сорок разнообразных сортов, на другом — шестьдесят.

— Меня судьба свела с Колесниковым немного раньше, чем Леонида Максимовича,— продолжает Громов.— Я был тогда мальчишкой. В сорок первом году я ходил на станцию юных натуралистов. Вот тогда-то впервые и встретил Леонида Алексеевича. Работать он начинал в четыре часа утра, в такую рань мы попасть к нему не могли, поэтому приходили вечером. Работал он на автобазе до пятьдесят четвертого, когда и был образован питомник, опытно-показательный селекционный. Директором назначили Колесникова...

— Внимание, зоркость, пронизывающий природу взор, проницательность...— словно отвечая каким-то своим мыслям, вдруг произносит Леонов.

А Громов, все больше увлекаясь, рассказывает:

— Трудолюбие, увлеченность, безусловно, огромный талант, все, чем обладают такие вот самородки, и привело к тому, что он создал свыше трехсот сортов сирени. Это столько, сколько создала французская фирма Лемуан известнейшая во всем мире. Виктор Лемуан, сын его Эмиль и внук Генрих. Это три поколения. У них были десятки, сотни рабочих. А Колесников работал один. Ему помогали только энтузиасты, окружавшие его инженеры, писатели, журналисты, дипломаты, школьники-юннаты. И мы сейчас называем его лучшие сорта «Память о Кирове», «Красавица Москвы» — прима среди сортов...

Когда в 1958 году в Брюсселе на Всемирной выставке выставлена была его сирень, из Канады пришло письмо. Автор писал: «Я не верю в то, что русский рабочий, шофер может вывести столько сортов».

— О, это уже не только достижение, это политический аргумент,— улыбается Леонид Максимович.

— Колесников сиренью интересовался еще в детстве,— продолжает Андрей Николаевич.— В 1916 году Колесников под окном своего дома посадил два куста сирени, и эти кусты цвели. А к 1923 году его коллекция насчитывала сто сортов. С сиренью он мог делать все. Мог заставить ее цвести круглый год, мог пересаживать когда угодно. И мы даже, если бы он сказал нам, что научит сирень говорить, охотно бы в это повери-

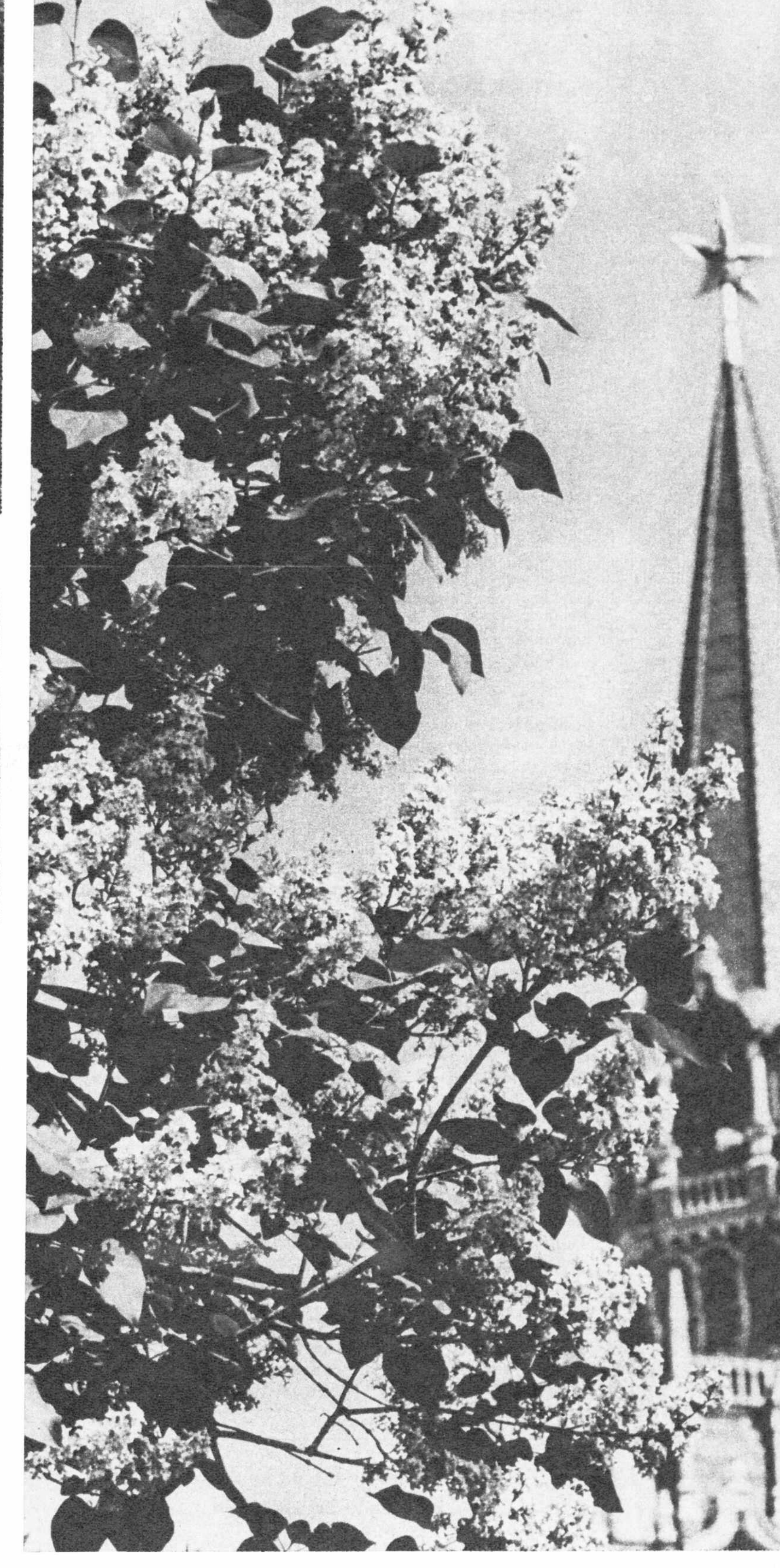

Л. М. Леонов.

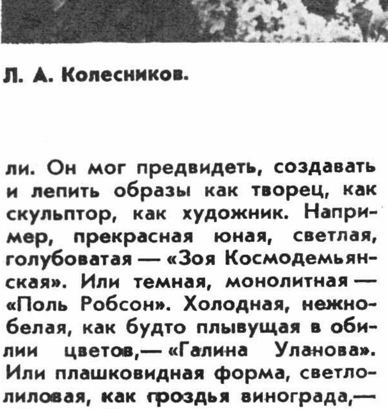

А. Н. Громов.

Л. А. Колесников.

ли. Он мог предвидеть, создавать и лепить образы как творец, как скульптор, как художник. Например, прекрасная юная, светлая, голубоватая — «Зоя Космодемьянская». Или темная, монолитная — «Поль Робсон». Холодная, нежно-белая, как будто плывущая в обилии цветов,— «Галина Уланова». Или плашковидная форма, светло-лиловая, как гроздья винограда,— «Леонид Леонов».

— Нет, это уже не то...— машет рукой Леонов.

Так мы сидим долго. И разговору, кажется, не будет конца. А за окном покачивается тяжелая ветка сирени, и мне кажется, что вот-вот руки ее создателя коснутся нежных венчиков и они, распахнувшись, подарят миру ни с чем не сравнимую красоту жизни.

— Леонид Максимович,— вдруг спохватывается Громов,— так ведь я к вам с делом приехал. Будем сирень прививать?

— Да, конечно, конечно.— Леонов стремительно поднимается с места, уходит молодой, быстрой походкой на террасу. И оттуда раздается высокий, тонкий звук. Писатель на наждаке правит прививочные ножи.

— Все,— улыбается Громов.

— Будете прививать сирень? — спрашиваю я.

— Да... Как учил Леонид Алексеевич Колесников...

Возвращаясь в редакцию, я вдруг вспоминаю: там, где когда-то было бомбоубежище, сейчас буйно растут кусты белой, фиолетовой и нежно-голубой колесниковской сирени, посаженные моим отцом.

ТВ-ОБОЗРЕНИЕ

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ

Н. ПАВЛОВА

Все чаще ТВ рассказывает нам о современниках, людях самых разных. И на экранах телевизоров они тоже предстают неодинаковыми: каждый в своей среде, со своим неповторимым миром. Если и есть между ними что-то общее, так это сложность духовной жизни, те связи, которые прочерчиваются авторами очерков между повседневным, «обычным» существованием человека и творческим, внутренним содержанием, нередко скрытым от посторонних глаз.

Задушевная, «непосторонняя» интонация делает особенно запоминающимися несколько картин, созданных за последнее время: фильм-очерк о русском композиторе Георгии Свиридове (творческое объединение «Экран»), а также две документальные ленты — «Марина Попович» («Центрнаучфильм») и «Радости, огорчения, мечты Ольги Корбут».

Здесь нет того парадного, приглаженного изображения, когда героев порою заставляют «позировать» перед камерой, произносить заученно, по бумажке безликие слова, за которыми тускнеет человеческая индивидуальность, теряется своеобразие характеров, а значит, пропадает и радость общения с этими людьми. Здесь все иначе: камера не то что «подсматривает» за героями,— становясь их собеседником, она создает редкостное ощущение непосредственного, дружески-живого знакомства с ними.

Фильм, где на экране появляется Свиридов, выдающийся композитор наших дней,— это главным образом сокровенные его раздумья о жизни в музыке. Он делится ими в присущей ему, неспешной, даже медлительной, самоуглубленной манере. Кажется, что композитор беседует с глазу на глаз с каким-то близким ему человеком, проверяя «на слух» свои взгляды, свое отношение к главным задачам художника, к путям творчества, к любимым образам, рождающим вдохновение.

— Русская музыка,— говорит Свиридов,— часть духовной жизни народа, прекрасное выражение нравственных народных сил, народной совести... Движущей силой музыки всегда является идея патриотическая. Но не показная, а глубинная, выстраданная, идущая от сердца к сердцу и этим именно дорогая всему человечеству.

Картина авторами выстроена сложно. Ее зримый, образный ряд не впрямую, а очень тонко, метафорично перекликается с многоголосьем музыки Георгия Свиридова, то выражая ее нежность, мягкий, лирический настрой, то перекликаясь с высокоторжественным хоральным звучанием. Личность композитора, неустанно воспевающего красоту своей Родины, пожалуй, с наибольшей силой выразилась в его замечательных «Курских песнях», где возникает и давняя и недавняя история народа-героя и сегодняшний день с его печалями и радостями... «Курские песни», как и многие другие сочинения Свиридова, наверняка стали еще родней и ближе всем, кто увидел эту любовно сделанную для ТВ картину.

Содержательный мир человека-творца, поглощенность созиданием, сотворением нового видишь и в фильме, героиня которого — мастер высшего пилотажа Марина Попович — является представителем редкой (тем более среди женщин!) профессии летчика-испытателя.

Несомненным своим успехом картина в огромной мере обязана, думается, самой Марине, чья веселая, удивительно искренняя и открытая манера вести себя, быстрота и непринужденность реакции,— видимо, связанная во многом с «производственными» обязанностями героини, которая пробует новые самолеты в небе (и никогда не допускающая, ясное дело, ни малейшей проволочки, ибо ведь речь порою идет о жизни и смерти испытателя),— опираются еще и на упорный, многолетний исследовательский труд, сделавший в конце концов эту милую, скромную, женственную и вместе такую яркую, искрометную летчицу выдающимся специалистом, знатоком многих проблем авиации, автором научных трудов.

Мы видим, как живет и работает Марина Попович. Большей частью она же и рассказывает об этом — звонко, молодо, доверчиво, нисколько не затрудняясь... Речь ее пронизана юмором и улыбкой: кажется, летчице самой немного смешно, что вот это она, она сама так уверенно командует огромнейшим, послушным ей самолетом.

Творческая жилка отличает всю вообще жизнедеятельность Попович. Она буквально поглощена творчеством. И как же светла эта поглощенность — быть может, потому, что идет от дела, связанного с небом, с полетом... Облик Марины Попович именно и становится образом фильма, вполне достоверным, социально-конкретным, хотя в то же время в нем есть и приподнятость и романтика.

И, наконец, еще одна, не очень большая, но вдумчиво сделанная лента — об Ольге Корбут, где воспеваются упорство, настойчивость, каждодневный труд, делающие человека героем.

Не «удачливость» Ольги, ставшей любимицей молодежи всех стран, не благосклонность «фортуны», не славу, особенно быстротечную в спорте, утверждает этот фильм. Здесь опять-таки говорится о таланте терпения, таланте настойчивости, исподволь рождающих триумфальные Ольгины победы на спортивной арене...

И, кстати, триумфы эти завоеваны не одной только Ольгой; ее тренер Ренальд Иванович Кныш — вот кто подлинный творец этого чуда, Ольги Корбут, всех неповторимых ее рекордов, всех ее головоломных трюков, будто невесомых, колдовских... Они изумляют «болельщиков» на всех трибунах мира, делая их приверженцами русской спортсменки, которую еще недавно подруги звали «Воробышком»...

Одна из лучших сцен в этом фильме, когда героиню видишь во время массажа перед соревнованиями. Мечтательно размышляет Ольга о недоступных для нее сейчас конфетах и мороженом. Вот уж после финиша сколько захочется, столько и съест!.. Так ведь нет, наверное, не позволит этого Ренальд Иванович! Да она и сама себе не позволит!.. Взрослая уже стала Ольга Корбут, воспитывает теперь собственных учениц. Говорит им: «Все, что делаешь, надо делать красиво!.. Надо самой чувствовать, что делаешь хорошо, тогда и на самом деле будет хорошо!»

В конце фильма на экране завороженные лица маленьких Ольгиных учениц. Они смотрят, как уверенно, легко делает Корбут упражнения высшей сложности. Тренер же наверняка поставит перед нею новые, куда более трудные задачи...

...Как говорит Свиридов, «простой простоты» в искусстве не бывает. Но высшая его сложность проста: это полная духовная самоотдача, принадлежность человека тому делу, ради которого он живет на земле.

ТВ и показало нам таких людей, наших современников. Они запомнятся.

ИЗ БЛОКНОТА РЕПОРТЕРА

ВНИМАНИЕ — «ПЛАТФОРМЫ»!

Своенравие моды вошло в поговорку. Шумно хлынувшие на обувной рынок туфли на «платформе» — тому подтверждение. Каково мнение по сему поводу специалистов?

Беседую с известным травматологом и ортопедом профессором Г. С. Юмашевым. Он говорит:

— Обувь на несгибающейся подошве, «платформе», лишает ногу естественной эластичности, походка становится жесткой... Особенно вредны чрезмерно тяжелые, толстые, негнущиеся «платформы» с очень большим каблуком. Они способствуют ослаблению стопы, деформируют ее, и возникают боли. У молодых женщин даже может развиться плоскостопие... Не хочу пугать, но уже есть случаи, когда приходится прибегать к лечению жертв «платформы».

— Мы еще будем носить «платформу». Однако отмечаем уменьшение высоты подошвы. На 1974—1975 годы рекомендуем «платформу» прежде всего для летней обуви.— Это говорит заместитель художественного руководителя Общесоюзного Дома моделей обуви Л. М. Попова.— В моделях она остается как направление, поскольку наши предприятия только-только начинают осваивать выпуск такой обуви. Но вообще-то увлечение «платформой» пошло на спад. В некоторых странах от нее уже полностью отказались. Мы советуем носить «платформы» не выше пятнадцати миллиметров.

Вопрос заместителю начальника Главобуви Министерства легкой промышленности СССР В. В. Китаевой:

— Каковы планы выпуска обуви на «платформе»?

— Небольшое увеличение...

— А не вступает ли это в противоречие с советами медицины?

— Нет! Не могу сказать, что «платформа» очень полезна, но и особого вреда не вижу. «Платформа» ведь не повседневная, не массовая обувь. Ее ставят на туфли, которые носят непродолжительное время. Подошвы делаются гибкие. Да и выпускается такой обуви немного.

— Мода на эту обувь проходит?

— Нет, нет... Пока остается.

К. КОСТИН

ЗОЛУШКА? НЕТ—КОРОЛЕВА!

Удивительна судьба акробатики. И в гимнастике, и в прыжках в воду, и в парашютном спорте, и в футболе, и в легкой атлетике — везде акробатические навыки помогают добиться успеха. А сама акробатика долго оставалась в тени, своих соревнований не проводила и самостоятельности добилась совсем недавно, впервые выступив не в роли Золушки, а королевы у нас в стране, сперва на внутрисоюзных, а затем и на международных соревнованиях.

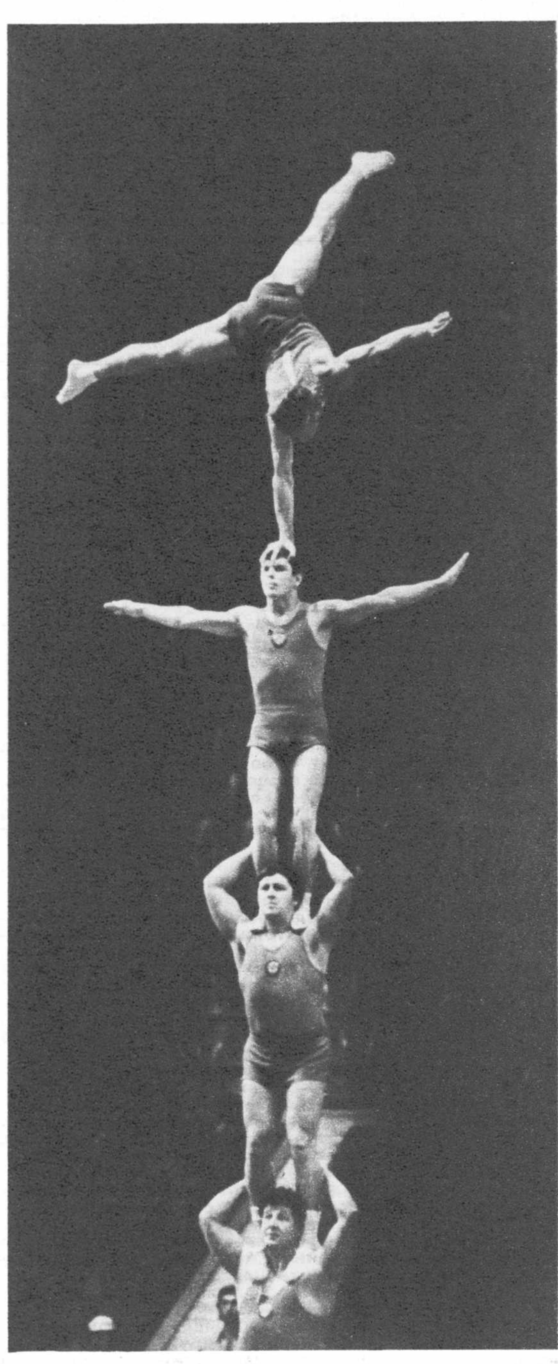
И вот в прошлом году на учредительном конгрессе была создана Международная федерация спортивной акробатики, в которую вошли десять стран. На этом конгрессе и было решено провести чемпионат мира в Москве. Теперь нам известны имена первых мировых чемпионов.

Подавляющее большинство наград осталось в Советском Союзе. Акробаты СССР завоевали восемнадцать золотых, пять серебряных и одну бронзовую медали. Они были лидерами в шести из семи видов программы по многоборью и в одиннадцати по отдельным упражнениям. Да и что в этом удивительного, если у нас акробатикой занимается около трехсот тысяч человек в самых различных городах страны! Надежда Маслобойщикова из Тольятти завоевала все золотые медали в акробатических прыжках, а ее землячки Тамара Дубровина, Людмила Гуляева и Татьяна Саблина стали абсолютными чемпионками, показав лучшие результаты в групповых упражнениях. Триумфального успеха добились свердловчане Галина и Юрий Савельевы, прыгун из Минска Юрий Зикунов, волгоградцы Владимир Назаров и Владимир Алиманов.

Среди женских пар абсолютного успеха добились болгарские акробатки Стефка Спасова и Калинка Лечева. Высокое мастерство показали польские спортсмены, акробаты ФРГ, завоевавшие ряд призовых мест, а вот американские спортсмены еще только осваивают высоты акробатики, но москвичи никого из участников не оставили без внимания. Наши гости в беседах с журналистами отмечали исключительное радушие хозяев, прекрасную подготовку спортивной арены, удобство гостиницы, высокий уровень обслуживания.

Итак, акробатика вышла на большую, международную арену. Золушка оказалась королевой.

В. ЯКОВЛЕВ
Фото А. БОЧИНИНА.

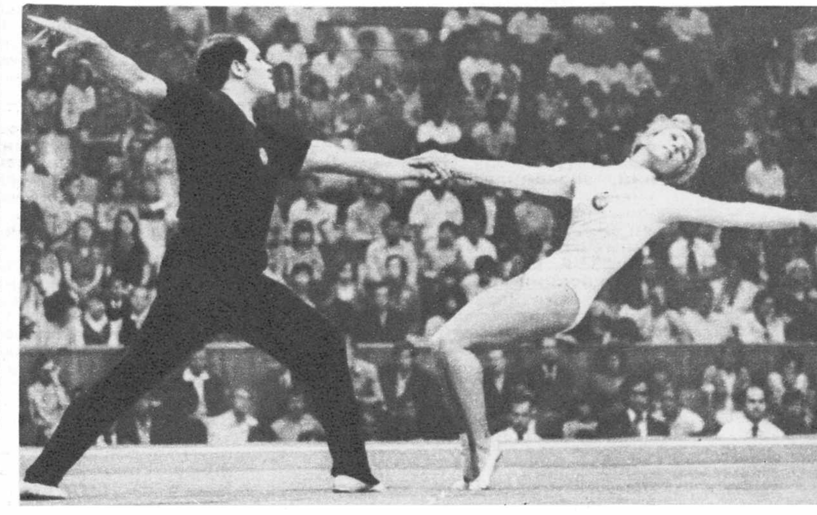
Чемпионы мира — Юрий Золотов, Шамиль Вильданов, Александр Макаров и Владимир Слепокуров.

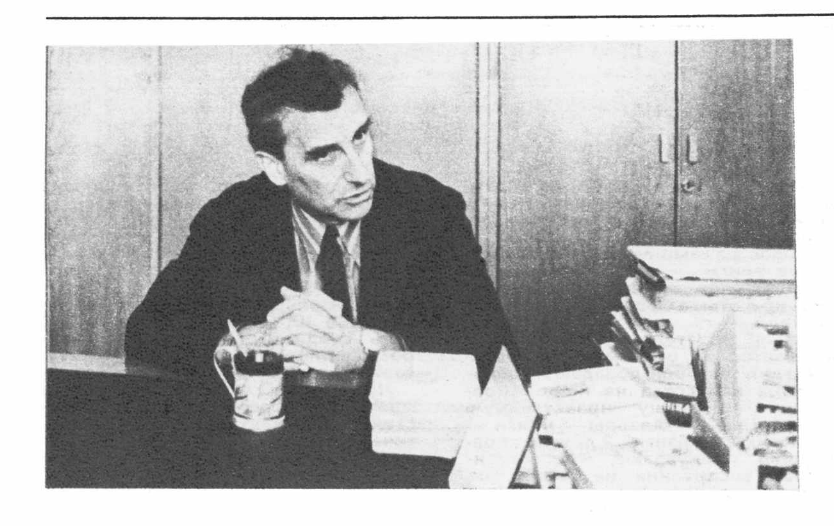
Абсолютные чемпионки мира — болгарские спортсменки Стефка Спасова и Калинка Лечева.

Победители в групповых упражнениях Людмила Гуляева, Татьяна Саблина и Тамара Дубровина.

Супруги из Свердловска — Галина и Юрий Савельевы.

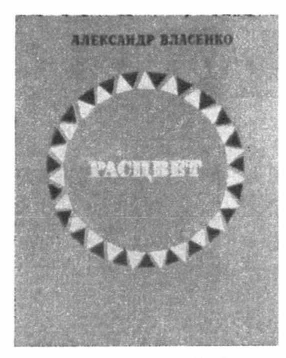
ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

В конце мая — начале июня этого года в Советском Союзе по приглашению редакции «Огонька» находился главный редактор венгерского журнала «Орсаг-Вилаг» тов. Корнель Хайнал. Кроме Москвы, гость из братской Венгрии побывал в Киеве, Риге, Таллине, Тарту. Он встречался с руководителями и активистами местных отделений Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, Общества советско-венгерской дружбы, с учеными-лингвистами, знакомился с работой преподавателей венгерского языка Тартуского университета. «Эти дни,— сказал на прощание товарищ Хайнал,— пролетели как миг, но они обогатили меня, как целые годы».

На снимке: Корнель Хайнал в редакции «Огонька».

Фото В. Капустина.

ЗАБОТА О ВСХОДАХ

Новая книга А. Власенко «Расцвет» вобрала в себя критические миниатюры, проблемно-теоретические статьи и тематические обзоры, посвященные произведениям российских писателей, созданным за последние годы.

Александр Власенко. Расцвет. М., «Советская Россия», 1973 г., 256 стр.

На богатейшем материале творчества писателей народов автономных республик, национальных округов и областей Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа и Поволжья Александр Власенко прослеживает зарождение, становление и расцвет молодых литератур. Критик убедительно раскрывает и показывает, как опыт общественного развития помогает совершенствованию и дальнейшему развитию младописьменной литературы; как расширение тематического диапазона в национальных литературах, обращение к актуальным проблемам современности содействуют все более глубокому постижению народных характеров, воспитанных в условиях братского содружества социалистических наций.

Анализируя произведения удмурта Г. Красильникова, нивха В. Санги, ненца В. Ледкова, калмыка А. Балакаева, нанайцев П. Киле и Г. Ходжера, манси Ю. Шесталова, чукчи Ю. Рытхэу, осетина Т. Джатиева, карела А. Тимонена, алтайцев А. Адарова и Л. Кокышева и многих других прозаиков и поэтов, критик ищет в их творчестве прежде всего самобытные истоки.

А. Власенко своей книгой «Расцвет» активно включается в идеологическую борьбу нашего времени. Он дает бой буржуазным «радетелям» советской литературы, лицемерно сожалеющим об исчезновении в книгах писателей советских национальных литератур «опознавательных знаков народа», национальных литературных форм. Выявляя органичность сплава национального и интернационального в литературах народов РСФСР, критик справедливо расценивает это явление как фактор огромных завоеваний новой исторической общности людей — советского народа, как одну из важнейших сторон художественного многообразия искусства социалистического реализма.

Книга А. Власенко названа точно — «Расцвет». Но автор ее отнюдь не закрывает глаза на просчеты и трудности в творчестве писателей младонациональных литератур. Любовь критика взыскательно строга, искренна. К примеру, положительно оценивая книгу якута Л. Попова «Кюндели», критик тактично, но без снисходительности и перестраховки указывает на серьезные «заплаты» в художественной ткани ее. А. Власенко не оставляет никаких надежд для оправдания тем из авторов, которые пытаются так или иначе искупить низкие мореходные качества сколоченного наспех «корабля» множеством различных спасательных средств.

Забота о завтрашнем дне российских литератур заставляет А. Власенко говорить об упущениях и недостатках отдельных произведений с бескомпромиссной прямотой, по большому эстетическому счету. Ведь дальнейшему расцвету нашей советской литературы и обязана служить литературная критика. Книга Александра Власенко — как раз еще одно отрадное тому свидетельство. Написанная своеобразным и острым пером, она пронизана любовным и бережным отношением к нашим общенациональным культурным ценностям.

Сергей НИКИТИН

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СПОРТУ

«Жизнь замечательных людей» — серия книг, основанная еще в 1933 году Максимом Горьким, знакомила нас с великими учеными, изобретателями, художниками, писателями, музыкантами, общественными и политическими деятелями, и вот перед нами 533-й выпуск популярной серии: сборник «Спортсмены».

Уже само название сборника не может не обрадовать тех, кому близок и интересен мир спорта. Советский народ всегда любил и уважал своих спортсменов, высоко ценил их огромный труд, их впечатляющие победы, одержанные на крупнейших международных соревнованиях. Рассказы, очерки, повести о широко известных атлетах давно уже завоевали место на книжных прилавках и библиотечных полках. Спортивная литература большими тиражами издается физкультурным издательством, мемуарная серия «Спорт и личность» «Молодой гвардии» нашла широкую читательскую аудиторию. И вот теперь жизнь замечательных спортсменов впервые стала темой такой широко известной книжной серии, как «Жизнь замечательных людей».

Спортсмены. М., «Молодая гвардия», 1973 г. 352 стр. Составитель А. Ланщиков.

Авторы книги удачно выбрали своих героев. Среди них — борец Иван Поддубный и шахматист Александр Алехин, лыжник Владимир Мягков и бегуны братья Знаменские, футболист Григорий Федотов и конник Борис Лилов, гребец Александр Долгушин и альпинист Михаил Хергиани.

Это далеко не полный перечень героев сборника, но нам важно прежде всего установить главное, то, что определяет лицо книги, то, что делает ее привлекательной для читателей, то, что могло бы помочь редакции в дальнейшей работе над новой для нее темой.

Перед многими авторами сборника стояла вдвойне трудная задача: они брались за вопросы абсолютно новые для данного типа издания, и для многих из них эти вопросы тоже были в новинку. Складывается впечатление, что, подбирая авторов, редакция серии решила привлечь к работе над книгой свежие перья, не успевшие притупиться в описании спортивных страстей. Ну что ж, идея смелая, и она, видимо, в какой-то степени оправдала себя, поскольку книга написана и вышла в свет. И все же следует отметить одно примечательное обстоятельство: наиболее удачные очерки созданы теми авторами, которые не впервые пишут о спорте.

Одна из лучших работ принадлежит перу Д. Урнова, литератора, который писал уже не раз о конном спорте (недавно в том же издательстве «Молодая гвардия» в серии «Спорт и личность» вышла книга нашего известного конника Насибова в литературной записи Урнова, которая удостоена самой высокой оценки читателей). На этот раз Д. Урнов написал об известном коннике Борисе Лилове. Образно и точно Урнов раскрывает нам характер большого мастера, «вдохновенного творца прыжка», знатока лошади и самой глубинной сути этого вида спорта, который, к сожалению, у нас пока не пользуется особой популярностью.

«На манеже и от коня и от всадника требуется расчет. Борис, можно сказать, всю жизнь ехал по маршруту: всегда в посыле! Он шел по улице и высчитывал темп прыжка до каждой лужицы впереди. Он даже во сне брал барьеры. Он знал, как никто, когда нужно «снять» лошадь, поднять ее перед барьером на прыжок. Некоторые хорошо прыгают издалека и настильно, некоторые резко вздымаются вверх. К сожалению, во множестве случаев, когда падают барьеры, виновата не лошадь, а всадник, который заставил ее прыгнуть не вовремя, без расчета. А Борис в этом расчете не знал себе равных...»

Так рассказывал автору очерка о Лилове его друг и товарищ по команде Фаворский, так точно и содержательно записал этот рассказ Урнов. Его очерк об удивительном наезднике, самобытном, ярком человеке так и назван: «Всегда в посыле», ведь именно в этом главная пружинка характера Бориса Лилова.

Глубоким проникновением в характер героя отличается и другой очерк сборника, написанный знатоком альпинизма Евгением Симоновым. Сван Михаил Хергиани, лучший альпинист мира, выросший в горах Кавказа, с такой симпатией, с таким знанием его жизни описан автором, что это никого не может оставить равнодушным. Хергиани победил многие величайшие вершины земного шара и погиб во время восхождения в Доломитовых Альпах, но его искусство взято на вооружение альпинистами сегодняшнего дня.

Не смог удержаться на своей вершине и другой герой сборника — шахматист Александр Алехин. Большой знаток шахмат, гроссмейстер Александр Котов позволил нам проникнуть в творческую лабораторию большого мастера, познакомиться и с ним и с его искусством.

Большой интерес представляет для нас жизнь и таких широко известных спортсменов, как футболист Григорий Федотов, о котором написал А. Ланщиков, как лыжник Владимир Мягков (автор очерка Л. Атрашенко), как братья Знаменские, о которых интересно рассказал Ю. Уваров. Словом, авторы сборника, одни более удачно, другие менее, сделали одно большое дело — открыли спортивной теме дорогу в известную и любимую читателями книжную серию «Жизнь замечательных людей». Будем надеяться, что мы еще не раз встретимся на страницах этой серии с людьми, отдавшими свои жизни спорту.

В. ВИКТОРОВ

О КРАСОТЕ

Вышла в свет интересная и весьма полезная книга «Эстетическое воспитание в семье» — размышления советских писателей, мастеров искусств, ученых-искусствоведов, педагогов о сущности человеческой красоты, о путях ее формирования.

Ценность книги в том, что ее создатели (редактор-составитель доктор философских наук В. А. Разумный) подошли к рассмотрению проблемы личности, всесторонне исследуя сложные связи человека и общества. В книге рассматриваются влияние искусства на сознание людей, формирование этических, моральных, а затем и эстетических запросов, вкусов, требований.

Эстетическое воспитание в семье. М., «Искусство», 1973 г.

Красота человека — понятие общественное, определяемое умением понимать современность, оценивать явления культуры, находить силы для борьбы за прогрессивное в жизни.

О новом, социалистическом понимании истинной красоты взволнованно писал С. Коненков. Его статья, открывающая сборник, является программной. Красота, утверждает художник, — сложная категория нравственного порядка; человек красив постоянным стремлением совершенствовать мир, своим упорством и мужеством, поиском правды.

Пафос размышлений всех участников книги — в утверждении огромной роли прекрасного, значения красоты в формировании характера.

Перед читателями вновь раскрывается та огромная сила воздействия, которой обладают произведения искусства, на наше мировосприятие, нашу нравственную ориентацию. Авторы книги — Л. Кассиль, Е. Дзиган и другие справедливо утверждают, что эстетическое воспитание не забава, не прихоть, а серьезное, жизненно необходимое дело. Особенно восприимчивы к явлениям искусства дети. От идеалов искусства, от пафоса искусства, от его направления сегодня зависит в конечном счете нравственный облик завтрашнего дня.

Убедительно раскрыта эта мысль в статье Ю. Зубкова «Учиться видеть сердцем», освещающей вопросы влияния театрального искусства на зрительское сознание.

Написанная людьми, отдавшими много сил строительству социалистической культуры, книга «Эстетическое воспитание в семье» нужна самому широкому читателю.

Вяч. ВОРОБЬЕВ

КРОССВОРД

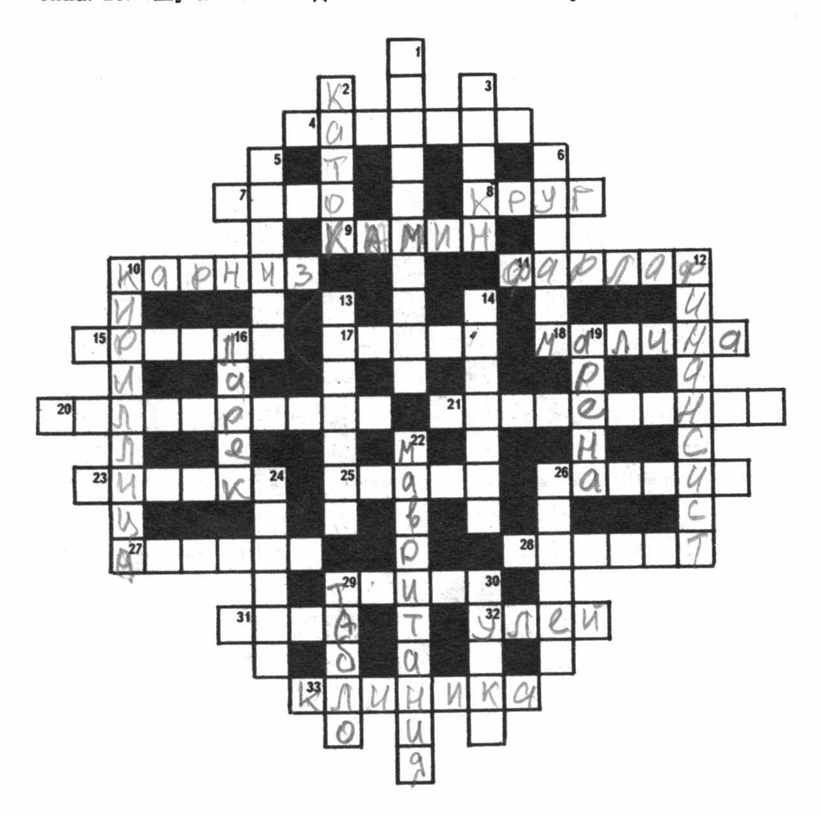
По горизонтали: 4. Украинский танец. 7. Птица отряда попугаев. 8. Выпуклая замкнутая кривая. 9. Комнатная печь. 10. Выступ, завершающий стену здания. 11. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 15. Рыба. 17. Столица Ганы. 18. Ягода. 20. Областной центр в Казахстане. 21. Персонаж пьесы М. Горького «Мещане». 23. Цветок. 25. Озеро в Финляндии. 26. Обезьяна. 27. Растворитель в производстве лаков. 28. Драма Гете. 29. Электронная лампа. 31. Река в Ленинградской области. 32. Пчелиный домик. 33. Медицинское учреждение.

По вертикали: 1. Картина И. И. Левитана. 2. Машина для уплотнения грунта. 3. Квант света. 5. Помещение в самолете для экипажа. 6. Французский естествоиспытатель. 10. Азбука старославянского языка. 12. Роман Т. Драйзера. 13. Металл. 14. Часть речи. 16. Торговая палатка. 19. Площадка для цирковых представлений. 22. Государство в Африке. 24. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 26. Поэма М. Ю. Лермонтова. 29. Щит со световыми сигналами или надписями. 30. Народный музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 7. Шолохов. 8. Магадан. 9. Сторона. 10. «Квартет». 11. Кобра. 14. Пихта. 16. Аракс. 17. Никитин. 19. Волынка. 21. Мушка. 22. Ребус. 23. Динар. 25. Суббота. 27. «Айвенго». 29. Антракт. 30. «Сиверко».

По вертикали: 1. Олово. 2. Шпага. 3. Монотип. 4. Новак. 5. Чайка. 6. Тактика. 12. «Осколки». 13. Ротонда. 15. Анива. 16. Ангар. 18. Турбина. 20. «Шутники». 23. Дакка. 24. Ратин. 26. Отрог. 28. Время.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строитель Байкало-Амурской магистрали Иосиф Обора (см. в номере репортаж «Начало»).
Фото В. Кузнецова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эти рисунки передали в «Огонек» юные художники, воспитанники курсов рисования при управлении культуры Ханойского горсовета.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/VI—1974 г. А 06871. Подписано к печ. 18/VI—1974 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1459. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 2241.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Сцена из оперы «Аида».

ВСТРЕЧИ, УСПЕХ...

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Фото Е. УМНОВА.

Богата красочными событиями музыкальная жизнь советской столицы. Особенно характерен и знаменателен в этом смысле июнь 1974 года. В разгар гастрольных спектаклей прославленного миланского театра Ла Скала началось традиционное творческое соревнование молодых музыкантов мира — Международный конкурс имени П. И. Чайковского.

Сейчас памятные встречи с искусством итальянской оперы подходят к концу. Играет последние спектакли театр Ла Скала. Без малого месяц он радовал своим зрелым и тонким мастерством любителей музыкально-драматического искусства.

Но что же больше всего запомнилось в этих встречах!

С таким вопросом мы обратились к гостеприимным хозяевам сцены Большого театра Союза ССР, известной певице Елене Васильевне Образцовой и маститому деятелю оперы, художественному руководителю ГАБТ Борису Александровичу Покровскому.

— Для меня встреча с искусством театра Ла Скала не первая,— сказала Елена Образцова.— Хочу воспользоваться

зоваться случаем и передать через журнал «Огонек» свой сердечный привет и поздравления с успехом в Москве моему коллеге и партнеру по выступлениям в «Кармен» в Марселе, замечательному мастеру вокала Доминго, пленившему московскую публику проникновенным исполнением сложной драматической партии Марио Каварадосси в «Тоске» Пуччини. Я хорошо понимаю, как это приятно, как важно артисту убедиться в том, что его искусство, его большие творческие волнения приняты и признаны новой и взыскательной аудиторией. Ведь то же самое испытывала и я, выходя на подмостки сцены миланского театра Ла Скала, когда пела партию Марфы в бессмертной русской «Хованщине».

Меня поразила своим необычайно высоким профессиональным мастерством удивительная Террани в безусловно лучшем спектакле миланцев — «Золушке» Россини. Надолго, я знаю, запомнятся певцы редкого дарования и высокого профессионализма — Косотто в партии Амнерис («Аида») и Каппучилли в роли Симона Бокканегра... Я очень многого жду от предстоящей встречи с выдающейся певицей нашего времени сопрано Кабалье, которая будет петь в спектакле «Норма».

Словом, впечатлений ярких, незабываемых, конечно, много. Но, пожалуй, главное, что пленило в новой встрече с искусством Ла Скала,— это прекрасное, отточенное мастерство ансамблевого звучания: хора, секстетов, квинтетов... Здесь я вижу, разумеется, заслугу замечательного дирижера Клаудио Аббадо и всей музыкально-исполнительской школы пения Италии.

— «Золушка» Россини... Вот спектакль, о котором я думаю прежде всего, когда оглядываю мысленно месяц итальянской оперы в Москве, — сказал нам Борис Александрович Покровский.— Этот спектакль, поставленный режиссером и художником Жаном-Пьером Поннелем, поистине уникален. Музыка Россини неповторима: это сама жизнь, человечность, радость и счастливая взволнованность.

Режиссер Жан-Пьер Поннель и весь вдохновленный им артистический, музыкальный ансамбль исполнителей «Золушки» сумели очень точно, полно и ясно передать стиль, самую сущность жизнерадостного, полного искрометного юмора творчества Россини. Не громкостью звука и помпезностью постановки, но филигранностью сложного рисунка человеческих чувств предстала нам солнечная сказка-опера. Достоин всякого уважения такой театральный спектакль — художественный комплекс тонкого вкуса и глубины прочтения авторского замысла!

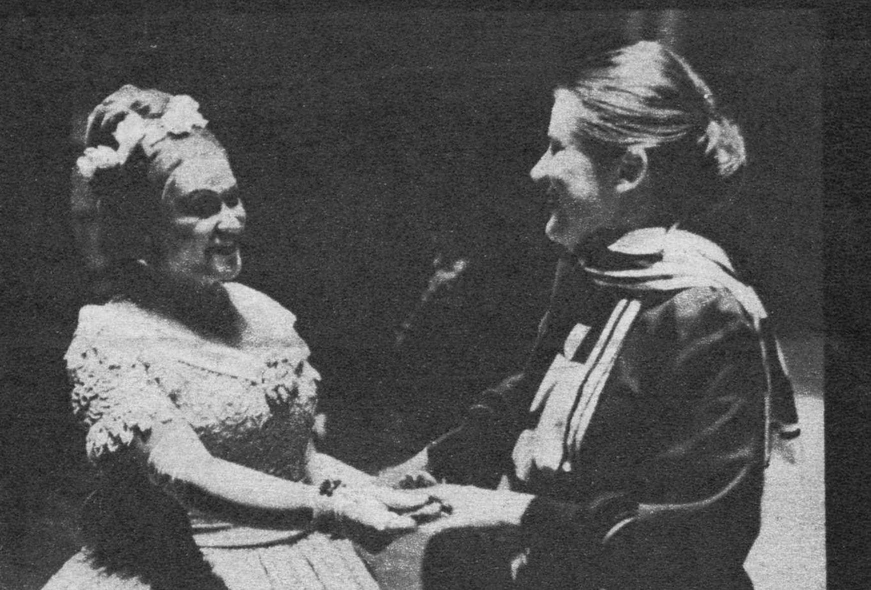
Мне думается, я не сделаю ошибки, если скажу, что именно в «Золушке» миланский театр Ла Скала нашел наиболее полное выражение национального гения итальянской музыкальной культуры... Каждый национальный театр должен стремиться да и стремится к тому, чтобы его искусство отображало характернейшие особенности и самый дух таланта родины.

Подобно тому, как никто в мире не может глубже и ярче раскрыть слушателям русское искусство оперы, чем это делает русский музыкальный театр, так никто не повторит «Золушки» миланского Ла Скала. По-моему, этот спектакль — классика!

После спектакля «Симон Бокканегра».

Окончился спектакль «Золушка». Лючия Валентини Террани (слева) и Елена Образцова.

В роли Каварадосси («Тоска») Джанни Раймонди.

Сцена из «Золушки».

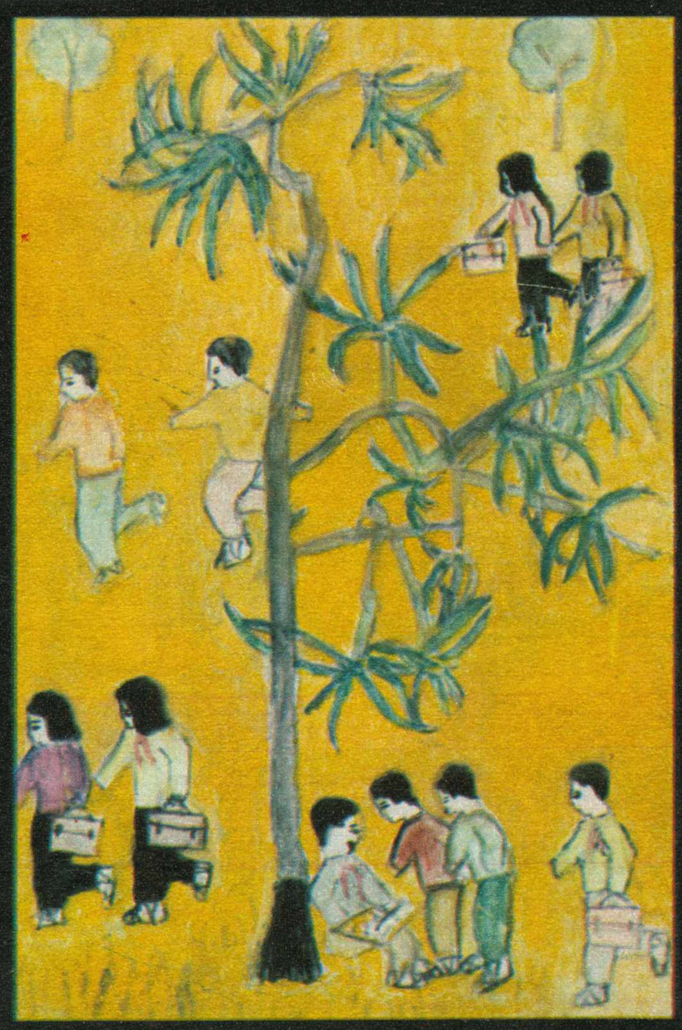
Директор театра Ла Скала Паоло Грасси (слева) и музыкальный руководитель театра дирижер Клаудио Аббадо.

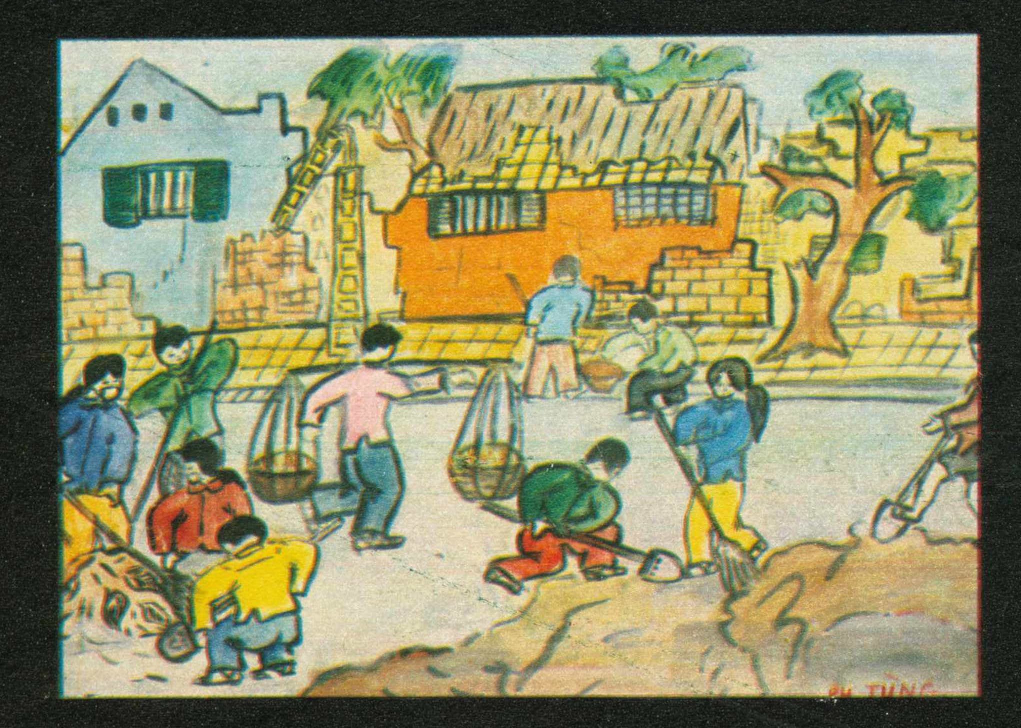

Главный хормейстер Большого театра А. Рыбнов (справа) и хормейстер театра Ла Скала Романо Гандольфи.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

